

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЧелГУ»)

На правах рукописи

Саукова Елизавета Станиславовна

Британские автономии в Австралии в последней трети XIX в.: «новый империализм» и формирование национальной идентичности

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук Грудзинский В.В.

Челябинск – 2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Развитие британских владений в Австралии в последней трети XIX в.	32
§ 1. Австралийские колонии в условиях экономической и социально-политической модернизации.....	32
§ 2. Становление австралийской идентичности и британская культурная традиция: национальное своеобразие и фактор «наследственности»	60
Глава 2. Вызовы австрало-британских отношений: «колониальный» национализм и великодержавный империализм в поисках эффективного взаимодействия.....	92
§ 1. Территориальный раздел Океании в контексте имперских отношений ..	92
§ 2. Оборона Австралазии как региональная и имперская проблема	112
§ 3. Миграция в Австралию: общественные настроения и политическая стратегия.....	131
Глава 3. Федералистское движение в Австралии в последней трети XIX в.	148
§ 1. Идея федерации в общественно-политической жизни автономий и альтернативы государственной трансформации.....	148
§ 2. Борьба за создание национальной федерации и проблема имперского единства.....	178
Заключение	202
Список использованных источников и литературы	207

Введение

Проблема формирования и развития национальной идентичности сегодня является одной из актуальных как в академическом сообществе, так и в общественно-политической жизни. Начиная с событий Войны за независимость США и Великой французской революции, самоидентификация людей через принадлежность к какой-либо нации ярко проявляется во всех частях мира, приводя к появлению новых государств и угасанию старых, конфликтам и объединению народов, возникновению новых языков и многим другим глобальным процессам и явлениям. И по сей день в эпоху глобализации ключевые мировые события так или иначе связаны с понятием «нация» и тем, что люди вкладывают в него, какими чертами наделяют себя и других, как видят свое прошлое и будущее. Эволюция Британской империи является в этом смысле одним из самых показательных, более того – уникальных примеров зарождения и развития целого ряда современных наций. Одна из них – австралийская.

Опыт развития британских колоний в Австралии привлекает все больше внимания как профессиональных историков, так и иных исследователей. Основанные каторжными заключенными в конце XVIII в., эти поселения спустя немногим более полувека обрели статус автономий. А уже к 1901 г. шестью разрозненными колониями была образована австралийская федерация. По историческим меркам, это весьма быстрое развитие, не знавшее крупных общественных потрясений, представляет интерес как феномен мирного, эволюционного становления государственности и формирования нового политического сообщества. При этом Австралия не только никогда не порывала с Великобританией, но тщательно сохраняла тесные культурные, политические, социально-экономические связи и с Британской империей, и с пришедшим ей на смену Содружеством наций. Метаморфозы отношений автономий с метрополией, а также между собой, поиски ими своего места в

империи и мире, органически связанные с выстраиванием новой общей идентичности, относятся к числу важнейших проблем австралийской истории.

Таким образом, **актуальность исследования** обусловлена необходимостью осмысления специфики развития самосознания австралийского общества, позволяющего выйти на более общие проблемы национального и национально-государственного характера. Особого внимания в этом контексте заслуживает идейная составляющая, а именно концепция «нового империализма», сквозь призму которой открывается возможность обнаружить необходимую взаимосвязь имперской и национальной идеологий.

Объектом исследования в диссертации является процесс общественно-политического развития Австралии. **Предметом изучения** выступает социокультурная и политическая трансформация австралийского национализма в связи с эволюцией имперской идеологии.

Цель данной работы состоит в том, чтобы выявить особенности процесса нациестроительства на одном из важнейших этапов складывания австралийской национальной идентичности.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- охарактеризовать особенности развития британских автономных колоний в Австралии;
- проанализировать взаимосвязь ключевых идей «нового империализма» и идейно-политических приоритетов австралийского национализма;
- вскрыть механизм взаимодействия великодержавного и «колониального» империализма в политике метрополии и ее автономий;
- исследовать влияние имперской и национальной идеологии на общественное сознание колоний;
- показать участие австралийских автономий в движении за создание имперской федерации;

- определить соотношение внутренних и внешних факторов в процессе политического объединения Австралии.

Хронологические рамки исследования – последняя треть XIX в. Нижняя грань – рубеж 1860-1870-х годов – обусловлена началом нового этапа развития австралийской национальной идентичности, проходившего на фоне и под влиянием меняющейся имперской идеологии, которая, в свою очередь, развивалась в условиях глобальных трансформаций геополитической обстановки. Верхняя граница связана с одной из важнейших вех в формировании национального сознания, символически воплотившейся в провозглашении Австралийского Союза.

Методологическая основа работы. Решение поставленных задач требует применения междисциплинарного подхода и привлечения достижений из различных областей исторического знания: истории идей и интеллектуальной истории, теорий развития национализма, а также использования исследовательского инструментария дискурс-анализа.

Ключевым в данном исследовании является понятие «нация». В качестве методологических подходов для его изучения были использованы концепции «воображаемого сообщества» Бенедикта Андерсона и «изобретения традиций» Эрика Хобсбаума.

Б. Андерсон предлагает рассматривать нацию как «воображаемое сообщество». Это понятие относится к объединению людей, которые никогда не будут знакомы со всеми членами этой группы, но при этом будут представлять себя единым целым. Андерсон связывает возникновение феномена наций с появлением «печатного капитализма» (в том числе ежедневных газет) и изменениями в мировоззрении людей, ставшими иначе воспринимать такие понятия, как, например, власть и время.

«Изобретенная традиция» в представлении Э. Хобсбаума – набор социальных практик, которые утверждают в массовом сознании определенные ценности и нормы поведения посредством апелляции к прошлому и повторения символических правил и ритуалов. Подобные «изобретения», как

утверждал Хобсбаум, практиковались в ситуациях коренного преобразования общественных структур, когда устаревшие традиции утрачивали силу – например, во времена смены политических режимов, трансформации общества, утраты или приобретения социальными институтами новых функций. Особо автор подчеркнул значение «изобретенных традиций» для исследований нового и новейшего времени и, в особенности, феномена нации.

Всестороннее изучение создания, распространения, функционирования и взаимодействия идей, а также деятельности их авторов в широком социокультурном контексте, являющееся областью истории идей и интеллектуальной истории, имеет исключительное значение для исследования феноменов «нового империализма» и национализма. Подобная установка позволяет проследить их зарождение и развитие как в связи с господствовавшими в обществе представлениями, так и с политическим, социальным, экономическим состоянием колоний, потребностями и ожиданиями последних. Интеллектуальная история дает возможность вскрыть взаимовлияние указанных идей и иных концепций, имевших распространение в рассматриваемый период, например, социал-дарвинистских и расовых теорий.

Эти подходы отвечают замыслу диссертации, предполагающему, что восприятие, трансляция и адаптация идей нового империализма и национализма в автономных колониях Британской империи не были неким безусловным процессом, но напрямую связаны с политическими и социально-экономическими потребностями последних и происходили в результате направленных (но не всегда осознаваемых) действий. Одновременно указанные подходы дают представление о конкретных способах выражения концептуальных идей в общественно-политической практике и их закрепления в общественном сознании.

Метод дискурс-анализа раскрывает инструменталистский характер указанных концепций, создававшихся в определенной, прежде всего политической, ситуации и отвечающих интересам определенных слоев

общества. Сравнительно-исторический и историко-генетический методы, в свою очередь, позволяют изучать британские автономии в Австралии с одной стороны в их совокупности, а с другой – выделять их отличительные особенности и специфику.

Степень разработанности проблемы. Внимание к исследованию истории Австралии в отечественной историографии не всегда отличалось устойчивостью. В конце XIX в. появилась одна из первых австраловедческих работ – труд Д.А. Коропчевского, где автор описал природно-климатическое, ландшафтное состояние материка и изложил сведения об австралийских аборигенах¹.

В начале XX в. бурное развитие Австралийского Союза, оказавшегося в авангарде успешного решения острых социально-экономических и политических вопросов, содействовало усилению внимания к этой части Британской империи, в том числе в научных кругах. Первым крупным исследователем Австралии в отечественной науке стал П.Г. Мижухев, изучавший имперскую систему Великобритании и ее колоний и уделивший особое внимание развитию социальной политики Австралии, которую называл «передовой демократией» как в политическом, так и в социальном смысле². Его либерально-демократические установки обусловили выбор проблематики – автор искал примеры решения задач, стоявших на тот момент перед российским обществом. Также любопытные наблюдения по результатам поездки в Австралию оставил экономист и агроном Н.А. Крюков.

¹ Коропчевский Д.А. Австралия и австралийцы: этнографические очерки (В Океании). М., 1889.

² Мижухев П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902.

Мижухев П.Г. Счастливая Австралия. Социальное законодательство Австралии и его результаты. Пг., 1918.

Его работа, хотя и посвящена сельскому хозяйству, содержит описание австралийского общества рубежа XIX-XX веков³.

В 1920-30-е годы в отечественной исторической науке произошел резкий поворот, отразивший изменения в государстве и обществе. На смену существовавшим подходам пришла марксистская теория, которая придавала определяющее значение в развитии общества экономическим факторам и вытекавшей из особенностей производственных отношений классовой борьбе. И если для либеральных историков Австралия представляла интерес как образец прогрессивного общества, то для ученых марксистского толка она виделась окраиной капиталистического мира. Кроме того, «малые» страны, не проявлявшие особенной активности в коммунистическом движении, «выпали» из поля зрения советских исследователей. Среди таких обществ, оставшихся на периферии внимания, оказалась и Австралия.

Однако во второй половине XX в. интерес к ней значительно вырос, что было вызвано изменением ее международного положения после Второй мировой войны. Участие в боевых действиях на стороне стран антигитлеровской коалиции, установление дипломатических отношений с СССР, а также повышение роли в Тихоокеанском регионе обратили внимание советских ученых к прошлому и настоящему Австралийского Союза. В 1970-е годы в советской исторической науке сформировалось отдельное направление по изучению австралийской истории, одним из центров которого стал специальный отдел Института востоковедения Академии наук. Его возглавлял К.В. Малаховский, чьи работы восполнили недостаток обобщающих исследований по истории данного региона⁴. В то же время они носили отпечаток господствовавшей методологии, которая фактически

³ Крюков Н.А. Австралия. Сельское хозяйство в Австралии в связи с общим развитием страны. М., 1906.

⁴ Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971.

Малаховский К.В. История Австралии. М., 1980.

ограничивала внимание автора к вопросам духовной жизни и формирования национального самосознания.

Выделение исследований Австралии в самостоятельное направление привело к появлению важных для данной диссертации работ, касавшихся отдельных проблем ее развития. Г.И. Каневская стала автором первого в отечественной историографии труда, посвященного истории образования Австралийского Союза⁵. А.Я. Массов в рамках изучения темы «Колониальная экспансия Австралии в Новой Гвинее в 1884-1941 гг.» пришел к выводу, что стремление к расширению территорий – продукт не столько экономических устремлений австралийцев, сколько следствие политических идей и желания контролировать регион⁶.

«Перестроечный» период в отечественной историографии характеризуется значительным увеличением разнообразия выбираемых исследователями сюжетов австралийской истории. Так, проблема развития историографии и процесс становления независимой от британского влияния австралийской исторической науки стала центральной в работе А.Ю. Рудницкого⁷. Тема колониальной экспансии в Океании продолжала разрабатываться А.Я. Массовым, опубликовавшим ряд статей, в частности – о практике принуждения туземного населения данного региона к работе на

⁵ Каневская Г.И. История образования Австралийской федерации: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1974.

⁶ Массов А.Я. Колониальная экспансия Австралии в Новой Гвинее в 1884-1941 гг.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1975.

⁷ Рудницкий, А. Ю. Двести лет австралийской истории: Концепции национального развития. М., 1987.

Рудницкий А.Ю. Проблема предоставления австралийским колониям самоуправления и исторические взгляды Мэннинга Кларка // Актуальные проблемы развития Австралии и Океании. М., 1984. С. 73-87.

австралийских плантациях⁸. Особенности формирования австралийского либерализма были раскрыты в исследовании Н.С. Скоробогатых⁹. В сфере ее научных интересов находилась и политическая борьба, развернувшаяся вокруг взаимоотношений австралийских колоний и метрополии¹⁰.

Таким образом, на фоне изменений российского общества на рубеже XX-XXI вв. начался новый этап развития отечественной исторической науки. Ключевая его особенность состояла в возможности расширения методологических оснований исследований. Авторам оказался доступен целый спектр теорий и концепций, выдвигавших на первый план уже не развитие производительных сил и вытекавшую из него классовую борьбу, но иные сферы жизни человека. Подходы, основанные на культурном, антропологическом, лингвистическом поворотах в развитии исторической науки стали в полной мере использоваться отечественными учеными. Как следствие, в их трудах появляются новые, ранее не рассматривавшиеся темы. Главным образом они касаются идеологического фундамента общества и межкультурных коммуникаций.

А.Я. Массов перенес основное внимание на вопросы русско-австралийских контактов, взаимовосприятия и взаимодействия россиян и австралийцев¹¹. В начале XXI в. Г.И. Каневская публикует исследования по

⁸ Массов А.Я. «Охота на черных дроздов» на побережье Новой Гвинеи в 1883-1884 годах // Проблемы истории Океании. Сборник научных трудов. Иркутск, 1987. С. 46-52.

⁹ Скоробогатых Н.С. Особенности формирования австралийского либерализма во второй половине XIX - начале XX вв.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1987.

¹⁰ Скоробогатых Н.С. Политическая борьба в Австралии по проблемам взаимоотношений с Великобританией на рубеже XIX –XX вв. // Вестник МГУ, серия 8: История. 1987. №6. С.26-36.

¹¹ Массов А.Я. Андреевский флаг под Южным Крестом: (Из истории русско-австралийских связей первой трети XIX века). СПб., 1995.

Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб, 1998.

миграционной политике Австралии¹². Специфику истории Австралии XIX-XX вв. рассмотрела А.С. Петриковская, представившая подробную картину развития идеологической сферы и ее воплощения в искусстве и иных формах культуры¹³. Н.С. Скоробогатых опубликовала масштабные как по хронологии, так и выбору тематики работы по истории Австралии, в том числе ее конституционному развитию вплоть до XXI в¹⁴.

Особое внимание отечественных исследователей постсоветского периода привлекает проблема идейной основы Британской империи. Так, В.В. Грудзинский осветил важнейший процесс идеологических преобразований в империи второй половины XIX в., раскрыв особенности концепций «нового империализма» и имперского федерализма¹⁵. Проблема идеологической и общественно-политической ситуации в империи рассматривалась в работах Т.Н. Гелла и Н.В. Дроновой¹⁶. Обобщающий труд по истории Британской

Массов А.Я. Эволюция отношения белых жителей Австралии к России и русским (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 8. С. 36-44.

¹² Каневская Г. И. Иммиграционная политика в австралийских колониях Великобритании в XIX в. // Россия и АТР. 2013. №1. С. 146-149.

Каневская Г.И. «Заселить или погибнуть». Иммиграционная политика Австралии (XIX - начало XXI веков). Владивосток, 2017.

¹³ Петриковская А.С. Культура Австралии: XIX - XX века. М., 2007.

¹⁴ Скоробогатых Н.С. Вехи конституционного пути Австралии (1788-2000 гг.) М., 2006.

Скоробогатых Н.С. История Австралии. Учебное пособие. М., 2011.

Скоробогатых Н. С. История Австралии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015.

¹⁵ Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996.

¹⁶ Гелла Т.Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX-начале XX веков. Орёл, 2009.

Дронова Н.В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70е гг. XIX в.). Тамбов, 1998.

империи, призванный сформировать понимание основных тенденций ее развития, вышел под редакцией В.В. Высоковой¹⁷.

В отечественной историографии активное изучение истории Австралии началось сравнительно недавно, и хотя постоянно появляются новые работы, затрагивающие различные стороны жизни пятого континента, ряд проблем все еще остается слабо исследованным. В то время как политическое и социокультурное развитие Австралии в последней трети XIX в. находит все больше отражения в работах отечественных авторов, национальная идентичность остается проблемой, требующей всестороннего и глубокого изучения.

В зарубежной историографии естественно представлен гораздо больший спектр работ, посвященных рассматриваемым вопросам.

На рубеже XIX-XX вв., особенно после образования Австралийского Союза, стремительное развитие пятого континента привлекло внимание значительного количества исследователей. Разумеется, в первую очередь это были британцы, старавшиеся выяснить причины столь быстрого прогресса колоний. Их работы носят характер повествования о ключевых событиях австралийской истории от основания Нового Южного Уэльса до рубежа XIX-XX вв., главной движущей силой которых авторы видели британскую систему управления, традиции и морально-нравственные устои, прибывшие на континент вместе с переселенцами. Особо среди них стоит выделить П. Роулэнда, который помимо фактографии обращал внимание на такое явление в австралийском обществе, повлиявшее на его становление и развитие, как расцвет национальной и имперской идеологий, а также на социальную и духовную сферы жизни австралийцев¹⁸. Британский юрист и

¹⁷ Британская империя: становление, эволюция, распад. Под ред. В.В. Высоковой. Екатеринбург, 2010.

¹⁸ Rowland P.F. The new nation. A sketch of the social, political, and economic conditions and prospects of the Australian Commonwealth. London, 1903.

ученый Э. Дженкс, возглавлявший около трех лет юридический факультет Мельбурнского университета, опубликовал неоднократно переиздававшуюся «Историю австралазийских колоний», где последовательно изложил историю европейской колонизации и политического развития британских владений в южной части Тихого океана¹⁹. Шотландский историк Дж. Фрейзер обратился к изучению широкого спектра факторов формирования австралийской нации в рамках англосаксонской расы²⁰. Наряду с общими трудами, историков стали привлекать и более частные темы. Взаимоотношения метрополии и колоний в условиях опасений военного вторжения и предложения по обеспечению нейтралитета колоний в конфликтах Великобритании стали проблемой исследования К. Аллина из Университета Миннесоты²¹. Джозеф Ли одним из первых изучил антикитайское законодательство британских колоний в Австралазии²².

В начале XX в., под влиянием растущего национального самосознания, потребностей самостоятельного развития объединенной Австралии, а также благодаря набиравшей силу системе университетского образования, постепенно формировалась и австралийская историческая наука. Стали появляться собственно австралийские исторические исследования, однако их содержание и методология поначалу практически не отличались от работ британских коллег. Во многом это связано с тем, что авторы нередко были уроженцами Великобритании, получали там образование, и лишь потом мигрировали в Австралию. Авторами одной из первых исторических

¹⁹ Jenks E. A history of the Australasian colonies (from their foundation to the year 1911). Cambridge, 1912.

²⁰ Fraser J.F. Australia: the making of a nation. London, Toronto, New York and Melbourne, 1911.

²¹ Allin C. D. Proposals for the Neutrality of the British Colonies // Political Science Quarterly. 1922. Vol. 37, No. 3. P. 415-439.

²² Lee J. Anti-Chinese Legislation in Australasia // The Quarterly Journal of Economics. 1889. Vol. 3, No. 2. P. 218-224.

публикаций о пятом континенте стали выходцы из Шотландии, в детстве переехавшие в Австралию, братья Александр и Джордж Сазерленды²³. Позднее работы, посвященные истории развития Австралии и поиску истоков ее благополучия, представили на суд широкой публики такие исследователи, как Т. Коглан (генеральный агент Нового Южного Уэльса в Лондоне) и Т. Юинг (министр в правительстве Австралийского Союза), А. Джоз (уроженец Британии, прошедший в Австралии путь от разнорабочего до университетского профессора), Э. Скотт (профессор истории Мельбурнского университета британского происхождения)²⁴. Воспринимая австралийскую историю как часть общеимперской, они стремились не столько показать специфику развития колоний, сколько продемонстрировать их единство и родство с метрополией.

Темой, популярной у исследователей, стало создание конституции Австралийского Союза как воплощение идей национализма и федерализма. Еще в 1897 г. появилась книга Р. Гаррэна, посвященная будущему единому государству на австралийском материке²⁵. В течение полутора десятилетий после этого свет увидели работы Дж. Кокберна, К. Крэмпса, У. Мура, Б. Вайза. Указанные авторы старались максимально подробно передать ход событий (конференций, дебатов, внесенных поправок в проекты) для формирования у читателей общей картины процесса политического объединения Австралии²⁶.

²³ Sutherland A., Sutherland G. History of Australia from 1606 to 1888. Sydney, 1892.

²⁴ Coghlan T.A., Ewing T.T. The progress of Australasia in the nineteenth century. London, 1903.

Jose A.W. History of Australasia from the earliest times to the present day, with a chapter on Australian literature. Sydney, 1913.

Scott E. A Short History of Australia. London, New York, Toronto, Melbourne, Bombay and Madras, 1916.

²⁵ Garran R. The Coming Commonwealth. An Australian Handbook of Federal Government. London, 1897.

²⁶ Cockburn J.A. Australian Federation. London, 1901.

В межвоенный период австралийская историческая наука стала приобретать свои характерные черты, стремясь стереть знак равенства между британской и австралийской историей. Ученые начали искать новые темы и подходы. Так, в 1923 г., когда политика «белой Австралии» давно уже стала традиционной для Австралийского Союза, Мила Уиллард посвятила ей первую специальную работу, которая с тех пор неоднократно переиздавалась²⁷. Одним из первых австралийских историков, отошедших от представления о Британской империи как носителе цивилизации, которая воплотила великий замысел по «созданию» Австралии, стал близкий к левым идеям Брайан Фицпатрик. В своих работах 1930-1940-х годов, изучая экономические основы политической истории, он пришел к выводу, что метрополия руководствовалась в отношении своих австралийских владений сиюминутной выгодой, а не долгосрочными «благородными» планами²⁸.

В послевоенный период австралийская историография вступила в новый этап своего развития и стала в полной мере самостоятельной. Исследователи больше не рассматривали австралийскую историю как продолжение британской, а искали в ней проявления глобальных явлений и процессов, поднимая все более разнообразные темы. Постоянное расширение системы академических коммуникаций привело к тому, что англоязычную (в первую очередь, австралийскую, британскую и американскую) историографию можно

Cramp K.R. The state and federal constitutions of Australia. Sydney, 1913.

Moore W. The Constitution of The Commonwealth of Australia. London, 1902.

Wise B.R. The making of the Australian Commonwealth 1889-1900, a stage in the growth of the Empire. London, New York, Bombay, Calcutta, 1913.

²⁷ Willard M. History of the White Australia policy to 1920. Melbourne, 1967.

²⁸ Fitzpatrick B. British imperialism and Australia. 1783-1833. An economic history of Australasia. Reprint. Sydney: Sydney University press, 1971.

Fitzpatrick B. The British Empire in Australia; An Economic History, 1834–1939. Melbourne: Melbourne University Press, 1969.

рассматривать как единое поле благодаря включенности Австралии в мировую науку.

В 1950-е годы австралийские ученые продолжили изучать историческое своеобразие пятого континента. Р. Голлэн²⁹, Дж. Надел³⁰, В. Палмер³¹ в своих трудах обратились к начальным этапам формирования австралийского национализма, проследив особенности политического и культурного развития колониальной Австралии. В рамках их работ поднимались вопросы самоидентификации жителей автономий, распространения идей австралийской нации, что в итоге способствовало созданию федеративного союза. Б. Мэнсфилд, используя прессу и парламентские документы, продолжил начатое в 1920-е годы изучение политики «белой Австралии» и показал процесс построения типажа «истинного австралийца» на фоне активного развития рабочего и федералистского движения с целью противостояния китайской миграции в конце XIX в.³²

В 1960-е годы проблему имперской обороны и возникавшие вокруг нее отношения Австралии и Британии раскрыли в своих трудах Р. Шилдс и Д. Гордон³³. Отдельное исследование Н. Батлина посвящено изучению внешних инвестиций в австралийскую экономику второй половины XIX в.³⁴ Дж. Блейни, анализируя истоки австралийской специфики, выделил

²⁹ Gollan R. Nationalism and Politics in Australia before 1855 // *The Australian Journal of Politics and History*. 1955. Vol. 1, Issue 1. P. 38–48.

³⁰ Nadel G. *Australian colonial culture: Ideas, men and Institutions in mid-nineteenth century*. Melbourne, 1957.

³¹ Palmer V. *The Legend of the Nineties*. Melbourne, Melbourne University Press, 1954.

³² Mansfield B. C. The Origins of «White Australia» // *The Australian Quarterly*. 1954. Vol. 26, No. 4. P. 61-68.

³³ Shields R.A. *Australian Opinion and Defence of the Empire: A Study in Imperial Relations 1880-1890* // *The Australian Journal of Politics and History*. 1964. Vol. 10, Issue 1. P. 41-53.
Gordon D.C. *The Dominion Partnership in Imperial Defense, 1870-1914*. Baltimore, 1965.

³⁴ Butlin N.G. *Investment in Australian Economic Development, 1861-1900*. Cambridge University Press, 1964.

географическую удаленность континента в качестве основного фактора его развития³⁵.

Одним из крупнейших ученых второй половины XX в. стал уроженец Сиднея М. Кларк, чья «Краткая история Австралии» и многотомная «История Австралии» до сих пор считаются одними из лучших работ по истории пятого континента³⁶. Автор отошел от определения «британского фактора» как основного в развитии Австралии и сосредоточил свое внимание на внутренних процессах, протекавших в австралийском обществе. Кроме того, он был одним из первых историков, поставившим проблему проявления глобальных закономерностей в австралийском контексте. Кларк также отказался от идеализированных оценок образов заключенных, диггеров, бушменов и др.

В 1970-е годы Ла Ноз, У. МакМинн, Р. Норрис представили аналитические исследования по конституционной истории Австралии, где рассмотрели процесс принятия тех или иных политико-правовых решений³⁷. Главное отличие этих работ от предшествующих – анализ взаимовлияния утилитарных и идеологических факторов, выявление связи между потребностями Австралии и развитием идейных основ федерализма. Роли последнего на пятом континенте в сравнении с Канадой посвящен отдельный труд Б. Ходжинса, Д. Райта и У. Хайка³⁸. Деятельность двух крупнейших

³⁵ Blainey G. *The Tyranny of Distance: How Distance Shaped Australia's History*. Melbourne, 1966.

³⁶ Clark C.M.H. *A short history of Australia*. Ringwood, 1986.

Clark C.M.H. *A history of Australia*. [Carlton, Victoria] Melbourne University Press; London, New York, Cambridge University Press [1962] i.e., 1963-1987.

³⁷ La Nauze J. A. *The making of the Australian Constitution*. Melbourne, 1972.

McMinn W.G. *A constitutional history of Australia*. Melbourne, 1979.

Norris R. *The emergent Commonwealth: Australian federation, expectations and fulfillment: 1889-1910*. Melbourne, 1975.

³⁸ Hodgins B.W., Wright D., Heick W.H. *Federalism in Canada and Australia: The Early Years*. Waterloo, 1978.

общественных организаций, оказавших влияние на развитие федералистского движения в Австралии – Лиги имперской федерации и Ассоциации уроженцев Австралии – стала ключевой для М. Берджесса и Дж. Джонсона, которые рассматривали их в контексте развития британского империализма и австралийского национализма³⁹.

В это же время внимание исследователей вновь привлек тот факт, что построение австралийской идентичности и государственности проходило в тесной связи с проявлениями расовой дискриминации по отношению к жителям Азии и аборигенам Океании. Среди авторов, сделавших эту проблему предметом своих исследований, можно отметить К. Саундерса⁴⁰ и Ч. Чои⁴¹.

На рубеже 1970-1980-х годов Р. Б. Уорд и Р. Уайт в своих работах предприняли попытку показать процесс формирования коллективного образа «настоящего австралийца», истинного представителя австралийской нации. Уорд сосредоточился на происхождении бушмена как образа идеального австралийца⁴², Уайт рассмотрел в исторической перспективе более широкий спектр представлений о том, что есть Австралия и кто такие австралийцы⁴³. Работа Р. Томпсона раскрывает особенности австралийского «локального» империализма и стремление к территориальному расширению в регионе в

³⁹ Burgess M.D. Lord Rosebery and the Imperial Federation League, 1884-1893 // *The New Zealand Journal of History*. 1979. Vol. 13, №. 2. P. 165-181.

Johnson J. *The role of the Australian Natives' Association in the Federation of Australia. One Nation With One Destiny*. Melbourne, 1984.

⁴⁰ Saunders K. *Workers in Bondage: The Origins and Bases of Unfree Labour in Queensland 1824-1916*. University of Queensland Press, 1982.

⁴¹ Choi C.Y. *Chinese migration and settlement in Australia with special to the Chinese in Melbourne. A thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy*. Australian National University, 1971.

⁴² Ward R.B. *The Australian Legend*. Melbourne: Oxford University Press, 1978.

⁴³ White R. *Inventing Australia: images and identity, 1688-1980*. Sydney; Boston: Allen & Unwin, 1981.

1820-1920 гг.⁴⁴ К. Инглис рассматривал глобальные телеграфные коммуникации как важнейший фактор развития имперских связей⁴⁵.

К рубежу столетий ряд англоязычных историков из разных стран проявил особый интерес к развитию австралийского национализма. Пристального внимания заслуживает Л. Трейнор, поскольку его работа посвящена взаимосвязи британского империализма и австралийского национализма в 1880-1900 гг.⁴⁶ Автор подчеркнул, что Великобритания была заинтересована в Австралии в связи с ее финансовыми вложениями, и потому мирилась с проявлениями колониального национализма. В его концепции Австралия играла важную роль в системе британского империализма, будучи не просто объектом его интересов, но и активной частью имперской системы в Южнотихоокеанском регионе. Трейнор обратился к тому, как империализм «проживали» разные классы, население различных колоний, мужчины и женщины, чей опыт был неодинаков. Автор рассматривает австралийский национализм как результат «манипуляций, конфликта и компромисса» локальных идей с британским империализмом, а не как параллельно сосуществовавшие и равнозначные явления.

Л. Спиллмэн сосредоточила свое исследование на вопросах появления и реального воплощения идей австралийского национализма в сравнении со схожими явлениями в США⁴⁷, Д. МакЛинн изучал австралийский

⁴⁴ Thompson R.C. *Australian Imperialism in the Pacific. The expansionist era 1820-1920.* Carlton: Melbourne University Press, 1980.

⁴⁵ Inglis K.S. *The Imperial Connections: Telegraphic Communication between England and Australia, 1872-1902 // Australia and Britain: Studies in a Changing Relationships / Ed. by Madden A.F., Morris-Jones W.H. Sydney, 1980. P. 20-36.*

⁴⁶ Trainor L. *British Imperialism and Australian Nationalism: Manipulation, Conflict and Compromise in the Late Nineteenth Century.* Cambridge University Press, 1994.

⁴⁷ Spillman L.P. *Nation and Commemoration. Creating National Identities in the United States and Australia.* Cambridge University Press, 1997.

национализм в паре с аналогичным новозеландским опытом⁴⁸. Дж. Партингтон рассматривал этот вопрос через призму этно-культурного происхождения австралийцев, показав английское и ирландское влияние на формирование новой нации⁴⁹. Б. Капферер и Б. Моррис проанализировали идеи эгалитарности, характерные для австралийского общества⁵⁰. К. Росс изучала вопрос китайской миграции на пятый континент и то, как угроза азиатского вторжения воспринималась австралийцами⁵¹. Л. Мегаррити сфокусировал свое исследование на дебатах в правительстве Квинсленда по вопросу необходимости использования труда островитян⁵². К. Блэкберн изучал концепцию австралийской нации применительно к аборигенам. В качестве источников он использовал европейские этнографические исследования о коренных австралийцах⁵³. Б. Т. Джонс обратился ко времени зарождения австралийского национализма, характеристикам белого населения Нового Южного Уэльса в первой половине XIX в. и понятию «настоящего» австралийца той эпохи⁵⁴. Особого внимания заслуживает книга Р. Биррелла,

⁴⁸ McLean D. *The Prickly Pair: Making Nationalism in Australia and New Zealand*. Dunedin: University of Otago Press, 2003.

⁴⁹ Partington G. *The Australian Nation: Its British and Irish Roots*. Melbourne, 1994.

⁵⁰ Kapferer B., Morris B. *The Australian Society of the State: Egalitarian Ideologies and New Directions in Exclusionary Practice // Social Analysis: The International Journal of Anthropology*. 2003. Vol. 47, No. 3. P. 80-107.

⁵¹ Ross C. *Prolonged Symptoms of Cultural Anxiety: The Persistence of Narratives of Asian Invasion within Multicultural Australia // Journal of the Association for the Study of Australian Literature: JASAL*. 2006. Vol. 5. P. 86-99.

⁵² Megarrity L. «White Queensland»: The Queensland Government's Ideological Position on the Use of Pacific Island Labourers in the Sugar Sector 1880-1901 // *Australian Journal of Politics and History*. 2006. Vol. 52, No. 1. P. 1-12.

⁵³ Blackburn K. *Mapping Aboriginal nations: the «nation» concept of late nineteenth century anthropologists in Australia // Aboriginal History*. 2002. Vol. 26. P. 131-158.

⁵⁴ Jones B.T. *Currency Culture: Australian Identity and Nationalism in New South Wales before the Gold Rushes // Australian Historical Studies*. 2017. Vol. 48, Issue 1. P. 68-85.

который призвал не сводить историю создания Австралийского Союза к утилитарным причинам, но признать принципиальную важность искренней убежденности федералистов в необходимости следования целям и идеалам австралийской нации⁵⁵.

«Британскость» как один из основных факторов австралийского национализма изучал Н. Мини⁵⁶. Этой же тематике посвящены работы Р. МакГрегора и Дж. ван Дуинена, однако через необычную призму спорта как части того, что наполняло понятие «британскости»⁵⁷. Противопоставление колониальной идентичности и «британскости» стало предметом исследования С. Морган, в котором проанализирована царившая в автономиях уверенность в том, что их жители – «лучшие из британцев»⁵⁸. В 2000 г. свет увидел сборник статей о роли великих держав и их колоний в Австралазии⁵⁹. О'Линкольн продолжил исследования, посвященные австралийскому империализму и экспансионизму⁶⁰.

Отдельные сюжеты, попадавшие в поле зрения историков, позволяют составить более полную картину взаимоотношений метрополии и колоний – например, внутриимперская миграция исследована в работе Харпера и

⁵⁵ Birrell B. *Federation: The Secret Story*. Sydney, 2001.

⁵⁶ Meany N. *Britishness and Australian identity. The problem of nationalism in Australian history and historiography* // *Australian Historical Studies*. 2001. Vol. 32, Issue 116. P. 76-90.

⁵⁷ McGregor R. *The necessity of Britishness: ethno-cultural roots of Australian nationalism* // *Nations and Nationalism*. 2006. Vol. 12, Issue 3. P. 493-511.

van Duinen J. *Playing to the «imaginary grandstand»: sport, the «British world», and an Australian colonial identity* // *Journal of Global History*. 2013. Vol. 8. P.342-364.

⁵⁸ Morgan C. *Building better Britains?: settler societies within the British empire, 1783-1920*. University of Toronto Press, 2017.

⁵⁹ *The German empire and Britain's Pacific Dominions, 1871-1919: essays on the role of Australia and New Zealand in world politics in the age of imperialism* / Ed. by Moses J. A., Pugsley C. Claremont: Regina Books, 2000.

⁶⁰ O'Lincoln T. *The Neighbor from Hell: Two centuries of Australian Imperialism*. Brunswick: Interventions publishers, 2014.

Стивена, колониальные и международные выставки – Хоффенберга, журналистика и обмен новостями – Гриффитса и Поттера⁶¹. Королевские визиты, как еще одну форму внутриимперской коммуникации, исследовали Коннорс и Рид⁶². Отношение британских политиков к австралийским автономиям и их влияние на колониальную политику на примере взглядов королевы Виктории и лорда Дерби можно подчеркнуть из трудов Арнштейна и Пауэлла⁶³. Имперская проблематика является ключевой темой работы Эванса⁶⁴. Следует отметить, что указанные исследования были созданы в XXI в., и большинство из них опираются на методы интеллектуальной истории.

В Великобритании XX – начала XXI вв. сохраняет силу традиция публикации масштабных трудов, включающих всестороннее описание исторических событий и процессов. Одним из таких исследований стала «Кембриджская история Британской империи», первый том которой увидел

⁶¹ Harper M., Stephen C. *Migration and Empire*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Hoffenberg, P.H. *An Empire on Display: English, Indian and Australian Exhibitions from the Crystal Palace to the Great War*, University of California Press, 2001.

Griffiths A. *The New Journalism: the New Imperialism and the Fiction of Empire, 1870 – 1900*. New York: Palgrave Macmillan, 2015.

Potter S.J. *News and the British World: The Emergence of an Imperial Press System, 1876-1922*. New York: Oxford University Press, 2003.

⁶² Connors J. *Royal visits to Australia*. Canberra: National Library of Australia, 2015.

Reed Ch. V. *Royal tourists, colonial subjects and the making of a British world, 1860-1911*. Manchester University Press, 2016.

⁶³ Arnstein W.L. *Queen Victoria*. New York, 2003.

Arnstein W.L. *Queen Victoria's Diamond Jubilee // The American Scholar*. 1997. Vol. 66, No. 4. P. 591-597.

Powell G. *A Diarist in the Cabinet: Lord Derby and the Australian Colonies, 1882-85 // Australian Journal of Politics and History*. 2005. Vol. 51, No. 4. P. 481-495.

⁶⁴ Evans N. «A World Empire, Sea-Girt»: *The British Empire, State and Nations, 1780–1914 // Nationalizing Empires*. Ed. by Stefan Berger, Alexei Miller. Budapest, New York: Central European University Press, 2015. P. 31-98.

свет в 1929 г. Третий том, изданный в 1959 г., посвящен последней трети XIX- началу XX вв., а первая книга седьмого тома – истории Австралии⁶⁵. Столь же масштабное исследование представляет собой и пятитомная «Оксфордская история Британской империи», вышедшая в 1998-1999 гг. В третьем томе особый раздел посвящен политическому, социально-экономическому и идеологическому развитию Австралии в XIX в.⁶⁶ «Оксфордская история» продолжается специальной серией изданий, одним из которых стал труд «Империя Австралии»⁶⁷. На рубеже веков Н. Фергюсон и Л. Джеймс в своих работах стремились осмыслить историю становления и развития Британской империи, ее влияние на весь остальной мир и причины изменения роли на мировой арене. При этом авторы превозносят ее как величайшую из империй и придают некую эпичность своему повествованию⁶⁸.

Среди австралийских работ, созданных в XXI в. с целью дать максимально широкую картину развития пятого континента, можно отметить вышедшую в 2008 г. монографию Дж. Грея, посвященную военной истории Австралии⁶⁹. В числе важнейших тенденций зарубежной историографии на современном этапе можно назвать значительное увеличение включаемых в историю Австралии тем и периодов: особую важность и популярность приобрели исследования о коренном населении континента, женщинах,

⁶⁵ The Cambridge History of the British Empire. Ed. by E.A. Benians, Sir J. Butler, C.E. Carrington. Vol. 3. Cambridge University Press, 1959.

The Cambridge History of the British Empire. Ed. by E. Scott, J. Holland Rose, A. P. Newton, E.A. Benians. Vol. 7 Part 1. Cambridge University Press, 1933.

⁶⁶ The Oxford History of the British Empire. Volume III: The Nineteenth Century. Ed. by Porter A. Oxford, New York, 1999.

⁶⁷ Australia's Empire. Ed. by Schreuder D., Ward S. Oxford University Press, 2008.

⁶⁸ Ferguson N. Empire: How Britain made the modern world. London; New York: Allen Lane, 2003.

James L. The Rise and Fall of the British Empire. London, 1998.

⁶⁹ Grey J. A military history of Australia. New York, 2008.

различных этнических и национальных группах, духовном мире австралийцев и связи общества и экосистемы⁷⁰.

Таким образом, зарубежная историография представлена значительным числом исследований, выполненных в рамках многообразных подходов и раскрывающих различные стороны развития Австралии, в том числе формирование национальной идентичности и взаимосвязь британского империализма и австралийского национализма. Тем не менее, проблему влияния имперской идеологии на формирование национальной идентичности в ключевой период складывания австралийской нации последней трети XIX в. вряд ли можно считать исчерпанной.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые в отечественной историографии поставлена проблема возникновения и развития представлений об австралийской нации в контексте концепции «нового империализма», которые позволяют рассмотреть процесс нациестроительства с точки зрения взаимодействия национальной и имперской идей. Для решения поставленных задач привлекаются малоизвестные материалы, долгое время бывшие недоступными для отечественных ученых. Используемые методы исторического исследования дают возможность взглянуть на проблему в новом ракурсе, исходя из специфики формирования австралийского национального самосознания.

Источники по данной тематике также достаточно разнообразны.

Официальные документы содержат информацию о непосредственном ходе создания и принятия Конституции будущей австралийской федерации. В записях дебатов межколониальных конференций 1890, 1891, 1897-8 гг. подробнее запротоколированы все дискуссии и их итоги – конституционные Билли 1881 г. и 1897-8 гг.⁷¹ Конференция 1893 г. в Короуа

⁷⁰ См., например, Макингайт С. Краткая история Австралии. М.: Весь мир, 2011.

⁷¹ Official record of the proceedings and debates of the Australasian Federation Conference, 1890, held in the Parliament House, Melbourne. Melbourne, 1890.

хоть и не носила официальный характер, однако привлекла широкое внимание общественности, а ее идеи, зафиксированные в отчетах, оказали влияние на ход федералистского движения⁷². Особый интерес также представляют материалы имперских конференций 1887 и 1897 годов, где представители всех переселенческих колоний обсуждали вопросы общеимперского и регионального масштаба совместно с имперским правительством⁷³.

Стенографические отчеты парламентских дебатов позволяют изучить дискуссии, проходившие в среде политиков автономий, выявить их ключевые позиции и ход обсуждения важнейших вопросов, противостояние парламентского большинства с оппозицией⁷⁴.

Особо в ряду источников выделяются труды идеологов «нового империализма»: Ч. Дилка, Дж. Фруда, Дж. Сили. В своих работах эти авторы

Official report of the National Australasian Convention Debates. Sydney, 1891.

Official report of the National Australasian Convention Debates. 4 Volumes. Adelaide, Sydney, Melbourne, 1897-1898.

⁷² Official Report of the Federation Conference held in the Courthouse, Corowa 1893. Prepared from: Official Report of the Federation Conference Held in the Court-House, Corowa, on Monday, 31st July, and Tuesday, 1st August, 1893. Corowa, 1893. Sydney: University of Sydney Library, 2001.

⁷³ The Imperial conference of 1887, with a preface. London, 1887.

Proceedings of a conference between the secretary of state for the colonies and the premiers of the self-governing colonies at the Colonial Office. London, 1897.

⁷⁴ Parliamentary debates. Victoria. Session 1891. Legislative Council and Legislative Assembly. Vol. LXVI. Melbourne, 1891.

Parliamentary debates. New South Wales. Legislative Council and Legislative Assembly.

[Электронный ресурс] Режим доступа:

<https://www.parliament.nsw.gov.au/hansard/Pages/hansard-house-paper-overview.aspx> [Дата обращения: 01.03.2020]

Official record of the debates of the Legislative Assembly and Legislative Council during the second session of the ninth parliament. Vol. XLII. Brisbane, 1884.

Official record of the debates of the Legislative Assembly and Legislative Council during the sixth session of the eighth parliament. Vol. XXXIX. Brisbane, 1883.

доказывали необходимость и взаимную выгоду имперской консолидации и для метрополии, и для колоний⁷⁵. Они сформировали базу имперской идеологии и по сути определили ценности и понятия, имевшие значение для всей империи. Развитие и дополнение этих идей можно найти в работах Кидда и Паркина⁷⁶.

Широкую картину общественного мнения по вопросам развития Австралии и Британской империи дают материалы публицистического характера. Одним из самых ранних проектов союза британских автономий в Австралии был представлен мигрировавшим в Новый Южный Уэльс шотландским священником Дж. Лэнгом под названием «Свобода и независимость золотых земель Австралии»⁷⁷. Премьер Нового Южного Уэльса Дж. Рид опубликовал в авторитетном британском издании «Ревью оф ревьюз» свои соображения по федеральному вопросу⁷⁸. Личные взгляды на проблему объединения Австралии в своем послании обозначил премьер и верховный судья Квинсленда С. Гриффит⁷⁹. Викторианский политик Альфред Дикин, ставший затем премьером Австралии, неоднократно представлял на суд

⁷⁵ Dilke Ch. W. Greater Britain: A Record of Travel in English-Speaking Countries during 1866 and 1867. New York, 1869.

Froude J.A. Oceana or England and her colonies. Leipzig, 1887.

Seeley J.R. The Expansion of England. Two courses of lectures. Boston, 1905.

⁷⁶ Kidd B. Social evolution. New York, London. 1894.

Parkin G.R. Imperial federation: The problem of national unity. London, 1892.

⁷⁷ Lang G.D. Freedom and Independence for the Golden Lands of Australia; the right of the colonies, and the interest of Britain and of the world. London, 1852.

⁷⁸ Reid G.H. The Australian Premiers in England / Prepared from the print article in Review of Reviews. September 15, 1897. P. 296-300. Sydney: University of Sydney Library, 2001.

Reid G.H. The Outlook of Federation / Prepared from the print article in Review of Reviews. January 20, 1897. Pages 33-39. Sydney: University of Sydney Library, 2001.

⁷⁹ Griffith S.W. Some Conditions of Australian Federation. Presidential Address (Delivered 11th June, 1896) / Prepared from the print edition published in Brisbane, 1896. Sydney: University of Sydney Library, 2001.

публики свою точку зрения на федералистское движение⁸⁰. Премьер Нового Южного Уэльса и «отец федерации» Генри Паркс в своей публикации «Наша растущая австралийская империя» выразил настроения той части австралийского общества, которая была недовольна степенью вовлеченности Британской империи в судьбу Австралии и предрекала последней судьбу независимой империи в случае «невнимания» со стороны метрополии⁸¹. Несколько публицистических произведений было создано австралийцами Чарльзом Пирсоном и Уиллом Уитни в попытке проанализировать национальные особенности Австралии и специфические черты населявших ее европейцев⁸².

Особо можно выделить политические мемуары лидеров федералистского движения в Австралии. «Федеральная история. Взгляд изнутри на федералистское движение (1880-1900)» Альфреда Дикина представляет собой масштабное описание событий двадцати лет, предшествовавших образованию Союза, где автор, помимо скрупулезного описания событий, участником которых он непосредственно являлся, оставил подробнейшие персональные характеристики других активных сторонников федералистского движения. Примечательно, что этот текст, начатый в 1898 г., хоть и не был должным образом отредактирован, предполагался автором для

⁸⁰ Deakin A. Federal Council / Prepared from the print article published in Review of Reviews. February 20, 1895. Pages 154-159. Sydney: University of Sydney Library, 2000.

Deakin A. Imperial Federation. An Address delivered by the Hon. Alfred Deakin, M.P. at the Annual Meeting of the Imperial Federation League of Victoria, Town Hall, Melbourne, June 14, 1905. Melbourne, 1905.

⁸¹ Parkes H. Our growing Australian Empire // The Nineteen century: a monthly review. 1884. Vol. 15, No 83. P. 138-149.

⁸² Pearson Ch.H. National Life and Character: A Forecast. London and New York: Macmillan and Co., 1894.

Whitney W. M. Some Australian Characteristics / Prepared from the article published in Cosmos magazine. January 31, 1899. P. 4. Sydney: University of Sydney Library, 2001.

публикации после его смерти⁸³. Генри Паркс в последние год своей жизни опубликовал мемуары под названием «50 лет создавая австралийскую историю», где содержатся любопытные сведения о политике в Новом Южном Уэльсе рассматриваемого периода⁸⁴. При этом стоит отметить, что каждый из авторов (в первую очередь Паркс) отводил себе особую, принципиально важную роль в политическом процессе.

Отдельную группу составляют материалы прессы. Развитие идей «нового империализма» и имперского федерализма привело к созданию в 1884 г. Лиги имперской федерации, главным печатным органом которой стал ежемесячный журнал «Империал федерейшн», в котором публиковались аналитические статьи, обзоры последних политических событий, интервью со знаменитыми сторонниками федеративных идей по всей империи⁸⁵. Новостные газеты и журналы также предоставляют информацию о политических событиях, происходивших в Австралии изучаемого периода. Такие крупные и популярные издания как «Сидней Морнинг Геральд», «Аргус», «Эйдж», «Саус Аустрэлиэн Адвертайзер», «Саус Аустрэлиэн Реджистер», «Буллетин», «Вестерн Мэйл», наряду с многими другими, позволяют оценивать степень публичного освещения различных вопросов, общественной реакции и позиции различных слоев населения. Среди них можно выделить несколько групп: так, например, консервативным взглядам были близки «Дэйли Телеграф», «Аргус», «Саус Аустрэлиэн Реджистер», либеральным – «Эйдж», «Саус Аустрэлиэн Адвертайзер», «Меркьюри». Кроме этого, в диссертации использованы материалы небольших региональных австралийских газет, которые позволяют расширить спектр

⁸³ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900) / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000.

⁸⁴ Parkes H. Fifty years in making Australian history. In 2 Vol. London, 1892.

⁸⁵ Imperial Federation. The Journal of the Imperial Federation League. Vol. I-III, V. January to December, 1886-1888, 1890.

существовавших в обществе мнений и изучить не только популярные позиции по различным вопросам жизни колоний. К такого рода газетам можно причислить, к примеру, «Тасмэниэн Трибьюн», «Нортерн Аргус», «Рокхэмптон Буллетин энд Централ Квинсленд Адвертайзер», «Дарлинг Доунс Газетт», «Лонсестон Экзаминер» и многие другие.

Справочные публикации дают общую картину состояния колоний в рассматриваемый период. Материалы о развитии австралийских автономий, в том числе статистические сведения об экономике и демографии, содержатся в материалах официальных переписей колоний⁸⁶, правительственных ежегодниках и иных статистических сборниках⁸⁷. Также в работе использованы официальные документы о работе Международной выставки в Мельбурне, открывшейся в год столетия заселения Австралии европейцами⁸⁸.

Теоретическая значимость работы состоит в выходе на концептуальные проблемы своеобразия формирования гражданской нации и национальной идентичности в англосаксонских обществах. **Практическая значимость** работы состоит в том, что полученные результаты можно

⁸⁶ Historical and Colonial Census Data Archive – HCCDA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hccda.ada.edu.au/> [Дата обращения: 05.05.2016]

⁸⁷ Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. Melbourne, 1908.

Koghlan T.A. A Statistical Account of the Seven Colonies of Australasia, 1899-1900. Sydney, 1900.

The Statesman's Year-Book. London, 1899.

Hayter H.H. Victorian Year Book for 1889-90. In 2 Vol. Vol. 2. Melbourne, 1890.

Statistics of the colony of Victoria for the year 1854. Melbourne, 1855.

⁸⁸ Centennial International Exhibition. Official Record of the Centennial International Exhibition, Melbourne, 1888-1889. Melbourne: Sands & McDougall, 1890.

Report of the Executive Commissioners for the Centennial International Exhibition of 1888, together with an account of income and expenditure. Melbourne, 1891.

использовать при разработке и проведении вузовских курсов по истории Австралии, Великобритании и Британской империи.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Британские владения в Австралии в последней трети XIX в. активно проходили этап модернизации. Достижения в политической и социально-экономической областях обуславливали стремление австралийцев не только к самостоятельному решению внутренних вопросов, но и к реализации собственных устремлений в Южно-Тихоокеанском регионе.

2. Осознавая свою меняющуюся роль в империи, общественно-политические элиты автономий развивали идею о том, что британцы в условиях пятого континента дали начало новой австралийской нации, которая, оставаясь частью англосаксонской расы, обладала присущими только ей социально-психологическими и физическими характеристиками.

3. Острые проблемы регионального развития – территориальный раздел Океании, оборона, миграция – становились все более значимыми во взаимоотношениях метрополии и ее автономий. Понимая неготовность имперских властей оперативно реагировать на их запросы, австралийцы развивали свой собственный «локальный» империализм, являвшийся выражением «колониального» национализма.

4. Стремление повысить свой статус в империи и осуществить региональные интересы стимулировало автономии к развитию сотрудничества как между собой, так и с Великобританией, что проявилось в активной поддержке федералистского движения. Последнее представало в двух сосуществующих и по сути альтернативных вариантах, которые подразумевали создание имперской и австралийской федераций.

5. Несмотря на значительную популярность у австралийцев движения за имперскую федерацию, ряд объективных трудностей, а также нежелание Лондона идти на уступки затормозило реализацию этой идеи. Между тем, колониальная федерация виделась не только средством обеспечения единства Австралии, но и важным шагом на пути к эффективному союзу с метрополией.

Активная деятельность общественно-политических организаций на пятом континенте способствовала постоянному присутствию вопроса о федерации в повестке дня и заставляла власти двигаться в данном направлении. В итоге, идея национального единства, органически связанная с концепцией «нового империализма», стала идеологической базой создания политического союза австралийских автономий.

Апробация результатов работы состоялась в рамках выступлений с докладами на международных, всероссийских и межинститутских научно-практических конференциях, проходивших на базе Ярославского государственного педагогического университета, Иркутского государственного университета, отдела Южнотихоокеанских исследований Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения Российской Академии наук.

Глава 1. Развитие британских владений в Австралии в последней трети XIX в.

§ 1. Австралийские колонии в условиях экономической и социально-политической модернизации

К середине XIX в. политическое влияние, экономическая и военная мощь Великобритании достигли уровня, который позволял ей занять господствующее положение в системе мирового баланса сил. Среди множества факторов, способствовавших ее возвышению, немаловажную роль сыграло обладание обширными заморскими владениями, в том числе и на материке, который начали осваивать относительно недавно – Австралии.

Своеобразие развития британских колоний на пятом континенте было обусловлено целым набором причин. Огромная территория (около трех четвертей Европы), вкуче со сравнительно небольшим для таких размеров населением, представлялись современникам одним из определяющих факторов «непохожести» Австралии ни на метрополию, ни на другие ее владения⁸⁹. Вместе с климатическими и природными характеристиками региона, это серьезно влияло на экономическую деятельность. К примеру, с одной стороны, местные условия весьма благоприятствовали сельскому хозяйству и особенно животноводству, с другой – освоение территорий ограничивалось периодическими засухами во внутренних районах и пустынным ландшафтом в центральной и северной части континента. Среди обстоятельств географического порядка не меньшую роль играла удаленность Австралии от Британских островов. Она сильно осложняла обеспечение связи с метрополией, требуя большей самостоятельности колоний в решении

⁸⁹ Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. Melbourne, 1908. P. 57.

локальных вопросов, и рождала потребность в развитии внешней инфраструктуры.

Из условий социального характера решающее воздействие оказывал, несомненно, фактор британского наследия. Будучи отпочкованным от материнского древа, новое колониальное общество несло в себе полный набор его «генетических» особенностей, которые, однако, в условиях юго-западной части Тихого океана зачастую проявлялись крайне своеобразно. В этом отношении особое значение имел тот факт, что сравнительно позднее, в отличие от Америки, освоение южного континента позволило переносить туда передовые достижения метрополии в самых различных сферах без необходимости устранения устаревших порядков. Наконец, фактором, определившим своеобразие австралийских колоний, являлось их ссыльно-каторжное прошлое, оказывавшее долговременное воздействие на социальную и духовную атмосферу, в которой проходило формирование англо-австралийской нации.

К 1850 г. на континенте существовали четыре обособленные британские колонии – Новый Южный Уэльс (основан в 1788 г.), Тасмания (1825 г.), Западная Австралия (1829 г.), Южная Австралия (1836 г.). Еще две территории – Виктория и Квинсленд – возникли как самостоятельные колонии в 1851 г. и 1859 г. соответственно. Общая численность европейского населения Австралии к 1850 г. составляла 405 тыс. человек⁹⁰ (для сравнения – в 1824 г. там проживало только 48 тыс. человек)⁹¹.

⁹⁰ Здесь и далее под общим населением британских владений в Австралии понимается количество участников официальных переписей населения, куда входило белое население, официальные мигранты и австралийские аборигены, проживавшие в городах или других населенных пунктах. Основная масса коренного населения Австралии в официальных переписях XIX в. не учитывалась.

⁹¹ Historical and Colonial Census Data Archive – HCCDA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hccda.ada.edu.au/> [Дата обращения: 05.05.2016]

К этому времени колонии уже давно добивались прекращения высылки каторжников из метрополии. В 1840 г. был запрещен ввоз преступников в первую «колонию бесчестия» – Новый Южный Уэльс. Тогда же численность свободного населения на континенте превысила количество каторжан⁹². До 1852 г. небольшое число ссыльных продолжало депортироваться в Тасманию, и до 1868 г. – в Западную Австралию, вызывая растущее недовольство жителей и правительств колоний, постоянно требовавших полной отмены подобной практики⁹³.

Основой экономики британских владений было сельское хозяйство – животноводство (главным образом – овцеводство) и земледелие. Внешняя торговля осуществлялась почти исключительно внутри империи и главным образом с метрополией, для которой Австралия быстро стала ключевым поставщиком шерсти, покрывая уже к середине XIX в. около 40% от ее общего импорта⁹⁴.

Рост числа свободных жителей континента привел к недовольству существовавшей системой управления, носившей выраженный авторитарный характер. Во главе австралийских колоний стояли назначаемые из метрополии губернаторы, которые имели весьма широкие полномочия – от амнистии каторжников до внесения законопроектов. Отсутствие надзора за действиями губернаторов, чиновников и военных входило в противоречие с представлениями свободных поселенцев о том, как должны управляться территории, подвластные британской короне. На фоне охватившего империю общественного движения за реформирование управления переселенческими колониями, это привело к принятию в 1842 г. парламентского акта, положившего начало самоуправлению в Австралии.

⁹² Пучков П.И. Этническое развитие Австралии. М., 1987. С. 36.

⁹³ Там же. С. 39.

⁹⁴ Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971. С. 46, 89.

Согласно конституции 1842 г., главой колоний оставался губернатор, однако его полномочия ограничивались. При нем образовывался законодательный совет, включавший выборных представителей и лиц, назначаемых из числа британской администрации и местной элиты. Любые инициативы губернатора теперь должны были пройти согласование еще и в верховном суде колонии. Кроме того, создавался исполнительный совет, формируемый британским правительством, консультации с которым стали для губернатора необходимы при принятии любого решения. Жители Австралии получили избирательные права, ограниченные гендерным, возрастным и имущественным цензом. Бывшим каторжанам возможности участвовать в политической жизни предоставлено не было⁹⁵.

Однако ни местные жители, ни власти колоний не были удовлетворены подобными мерами и настойчиво требовали введения в колониях конституций, которые даровали бы право свободным австралийцам пользоваться всеми привилегиями британских подданных, а колониальным властям решать вопросы локального значения без вмешательства метрополии⁹⁶.

К середине XIX в. источником развития общественно-политической жизни в колониях стало противоборство формировавшихся на протяжении нескольких десятилетий социальных групп – скваттеров – крупных земельных собственников, с одной стороны, и фермеров, мелкой и средней буржуазии, наемных рабочих, с другой. Противостояние между ними придавало социальным отношениям существенную остроту и оказывало прямое влияние на ход борьбы за власть.⁹⁷

⁹⁵ Скоробогатых Н.С. Вехи конституционного пути Австралии (1788-2000 гг.). М., 2006. С. 41-44.

⁹⁶ Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971. С. 65-67.

⁹⁷ The Oxford History of the British Empire. Volume III: The Nineteenth Century. Ed. by Porter A. Oxford, New York, 1999. P. 555.

Латифундисты выступали «за ограничение власти колониальной администрации, за самоуправление»⁹⁸, надеясь, что оно позволит им занять ведущее место в парламенте и лоббировать свои интересы в освоении ресурсов континента. Основные протесты скваттеров вызывали изменения в системе распределения земель (переход от их пожалования к продаже, ограничения на максимальную площадь владения, а также введение налогов на землю). Но в то же время скваттеры были тесно связаны с колониальным управленческим аппаратом личными, родственными, финансовыми узами, принадлежностью к близким социальным группам. Поскольку распределение земель, сообщение с Британией и, как следствие, продажа шерсти в метрополию оставались под контролем имперской и колониальной администраций, крупные землевладельцы оставались на их стороне. Автономия была для них желательна как способ укрепления своего доминирования при условии, если это не могло каким-либо образом спровоцировать конфликт с властями⁹⁹.

Главной силой, отстаивавшей необходимость введения полноценного самоуправления в колониях, стал средний класс, стремившийся обрести те же права, которые он мог бы иметь, находясь в Британии. Власть губернаторов мешала свободным жителям колоний вести желательный или привычный до переселения образ жизни в плане их экономической и политической деятельности. Стремление принимать участие в обсуждении и реализации важных для себя решений побуждало средние слои населения все активнее требовать изменения системы управления колониями¹⁰⁰. К ним присоединялись и освобожденные каторжники, исключенные из политической жизни.

⁹⁸ Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971. С. 163.

⁹⁹ Рудницкий А.Ю. Проблема предоставления австралийским колониям самоуправления и исторические взгляды Мэннинга Кларка // Актуальные проблемы развития Австралии и Океании. М., 1984. С. 80.

¹⁰⁰ Мижуев П.Г. Счастливая Австралия. Социальное законодательство Австралии и его результаты. Пг., 1918. С. 19.

Под влиянием поднявшегося общественно-политического движения в 1850 г. специальным актом британского парламента австралийским колониям было дано право подготовить проекты конституций и предоставить их для рассмотрения имперскому правительству¹⁰¹. Во многом это решение принималось под воздействием событий в Британской Северной Америке, где несколькими годами ранее был создан прецедент, связанный с введением ответственного правительства.

Однако в этом, казалось, определившемся алгоритме развития неожиданно произошли глубокие перемены. Открытие в начале 1850-х годов крупных месторождений золота ознаменовало начало нового этапа истории Австралии. Жажда быстрого личного обогащения – «золотая лихорадка» – заставлявшая массы людей отправляться на поиски драгоценных металлов по всему свету, теперь охватила и Австралию. Золото на ее территории находили еще в 1820-е гг. Но правительства молодых колоний сохраняли эту информацию в строгом секрете. Власти обоснованно опасались, что погоня за золотом основной части населения – каторжан и тех, кто лишь недавно освободился из заключения – способна разрушить и без того хрупкий общественный порядок. К середине XIX в. ситуация изменилась – бешеный успех золотой лихорадки в Калифорнии актуализировал поиски драгоценных металлов. Британские владения в Австралии не были уже прежними ссыльно-каторжными поселениями, они остро нуждались в ресурсах для внутреннего развития. Поэтому, когда в 1851 г. на территории Нового Южного Уэльса удалось найти первое крупное месторождение золота, это мгновенно стало достоянием публики. Открыл залежи Эдвард Харгрейвз, незадолго до этого вернувшийся из Калифорнии, чьи географические особенности он счел

¹⁰¹ Мижуев П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902. С. 119.

схожими с австралийскими¹⁰². Волнение, вызванное известиями об обнаружении золота, было невероятным. По свидетельству современника, «в течение одной недели по дороге к приискам прошло свыше 2000 человек, тогда как в обратную сторону – только 11. Сотни мужчин, всех классов и сословий, оставив своих жен и семьи, направились к месторождениям. Весь экипаж убегал с кораблей, которые были брошены гнить в наших гаванях... За неделю цены в Сиднее выросли на двадцать пять процентов на следующие товары: мука, чай, сахар, рис, табак, теплая одежда и сапоги...»¹⁰³.

Вскоре после удачи Харгрейвза правительство Нового Южного Уэльса начало контролировать использование найденных месторождений. Все они объявлялись собственностью короны, а для их эксплуатации необходимо было приобретать специальную лицензию стоимостью 30 шиллингов в месяц. Затем золотая лихорадка перекинулась и на только что образованную путем отделения от Нового Южного Уэльса Викторию, правительство которой, пытаясь остановить отток жителей в соседнюю колонию, пообещало награду в 200 фунтов стерлингов тому, кто найдет золото на ее территории. И спустя всего полгода месторождения драгоценного металла там были открыты.

Резкий подъем экономической активности привел к далеко идущим социальным и политическим последствиям. Общий рост населения, появление многочисленной решительно настроенной группы золотоискателей обострили борьбу за власть в колониях и стремление к обретению автономии. В 1854 г., в самый разгар золотой лихорадки, когда работа по подготовке конституций колоний вступила в завершающую стадию, в Балларате (Виктория) неожиданно произошло так называемое Эврикское восстание золотоискателей. Основные причины, побудившие диггеров решительно

¹⁰² Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. Melbourne, 1908. P. 398.

¹⁰³ Mackenzie D. Gold Digger // Swinburne G.H. A source book of Australian history. London, 1919. P.141.

выступить на защиту собственных интересов, состояли в следующем: засилье дешевой рабочей силы из Азии и высокий имущественный ценз на парламентских выборах. Это лишало массы старателей возможности влиять на власть в борьбе за улучшение своего социально-экономического положения. Непосредственным обстоятельством, стимулировавшим выступление золотоискателей, стал крайне обременительный порядок ежемесячного приобретения лицензии, стоимость которой, к тому же, была явно завышена. Необходимость тратить время и силы, чтобы добраться до ближайшего места выдачи лицензий, вызывала вполне понятное негодование у постоянно перемещавшихся в поисках золота старателей. Вдобавок власти устраивали регулярные облавы на лагеря диггеров. Все, кто не мог предъявить свои лицензии, заключались под стражу и отправлялись пешком до ближайшего судьи, который приговаривал их к штрафу или аресту¹⁰⁴.

Толчком для открытого противостояния явилось убийство диггера в гостинице «Эврика» и оправдание главного подозреваемого – ее хозяина, в ответ на что «копатели» сожгли отель. Арест обвиняемых в поджоге еще более сплотил возмущенных старателей, которые организовали Балларатскую лигу реформ. Их требования носили уже не только экономический, но и политический характер и отражали стремление к расширению возможностей своего участия в принятии важных для всей колонии решений. Видя подготовку властей к подавлению движения, золотоискатели укрепились на месте сожженной гостиницы. Они решили во что бы то ни стало бороться за свои права, и когда правительство не пошло им навстречу, они принесли присягу новому флагу с изображением Южного Креста, символически объединявшему, по замыслу, всю Австралию. После кратких вооруженных столкновений с армейскими частями их сопротивление было подавлено.

¹⁰⁴ Wathen G.H. The Golden Colony // Swinburne G.H. A source book of Australian history. London, 1919. P.145.

Однако суд отказался признать восставших виновными¹⁰⁵. Более того, первыми итогами этих событий стало предоставление золотоискателям права обращаться с петициями в парламент колонии и замена лицензий на добычу золота гораздо более дешевыми и долгосрочными правами, приобретавшимися теперь за 20 шиллингов сроком на год¹⁰⁶. В целом на исход событий решительно повлияло широкое общественное сочувствие, с которым австралийцы встретили весть о восстании. В прессе звучали призывы проявить солидарность и путем настойчивого убеждения заставить власти освободить «несчастливых копателей»¹⁰⁷. На многочисленных митингах принимались петиции в поддержку арестованных золотоискателей. Так, на одном из собраний жители Мельбурна хотя и не одобрили сопротивление диггеров войскам, но призвали отказать правительству в доверии до тех пор, пока оно не даст гарантию впредь не прибегать к мерам репрессивного характера¹⁰⁸. Последствия восстания еще долго сказывались на миграционной, социальной, экономической политике как Виктории, так и прочих австралазийских¹⁰⁹ автономий, оставаясь для властей напоминанием о готовности населения с оружием в руках отстаивать свои требования.

В результате конституции колоний фактически приобрели компромиссный характер¹¹⁰, отразив требования оппозиционно настроенных кругов. В отличие от Британской Северной Америки, в условиях назревавшего политического кризиса самоуправление в Австралии вводилось

¹⁰⁵ Jenks E. A history of the Australasian colonies (from their foundation to the year 1911). Cambridge, 1912. P. 226.

¹⁰⁶ Sutherland A. Sutherland G. History of Australia from 1606 to 1888. Sydney, 1892. P. 127.

¹⁰⁷ Age. 9 January 1855. P. 5.

¹⁰⁸ Sydney Morning Herald. 13 December 1854. P. 4.

¹⁰⁹ Австралазия - регион, включающий в себя Австралию, Новую Зеландию и близлежащие острова

¹¹⁰ Скоробогатых Н.С. Вехи конституционного пути Австралии (1788-2000 гг.). М., 2006. С. 49.

специальными конституционными хартиями. Во всех колониях предполагалось создание двухпалатного парламента. Система формирования верхних палат, наличие и размер имущественных цензов для кандидатов и избирателей, а также многие другие положения в каждой колонии были особыми. Однако принцип оставался общим – вопросы локального значения теперь решались правительствами колоний, министры которых несли ответственность перед своими законодательными собраниями, а выборы становились тайными. Предоставление самоуправления, означавшее переход власти в руки колониальной элиты и существенную демократизацию общественно-политической жизни, обеспечило австралийским автономиям главное условие их успешной модернизации.

Кроме политических изменений, прогрессу способствовал еще целый ряд факторов. Особо необходимо отметить рост финансовых возможностей колоний. Золота на континенте было добыто действительно достаточно для того, чтобы оправдать бурный ажиотаж: с 1851 г. по 1859 г. общая стоимость добытого в Австралии драгоценного металла составила 94,5 млн фунтов стерлингов¹¹¹.

Финансовая система колоний претерпела заметные изменения, отвечая на вызовы времени. Первый правительственный займ был размещен Новым Южным Уэльсом в 1842 году, и до 1855 г. колонией было принято еще 9 долговых обязательств. Следующей колонией, оформившей государственный займ, стала Западная Австралия в 1845 г. Виктория и Южная Австралия впервые выступили в качестве заемщика в 1854 г.¹¹² В ходе золотой лихорадки толчок бурному развитию получила и финансовая система. Количество банков

¹¹¹ Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. Melbourne, 1908. P. 401.

¹¹² Ibid. P. 688-689.

в Новом Южном Уэльсе и Виктории возросло с четырех в 1850 г. до девятнадцати в 1866 г.

Отток населения к месторождениям в первые годы после обнаружения золота вызвал лишь кратковременное замедление темпов развития экономики. Вскоре спрос на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, возникший в связи с большим наплывом мигрантов, стимулировал невиданный рост производства продовольствия и потребительских товаров.

Среди колоний быстрее всех росло население Виктории, где в 1851 г. насчитывалось 77 тыс. жителей. За 1851-1854 гг. только по морю туда прибыло 227 тыс., а выехало лишь 89 тыс. человек¹¹³, при этом общая численность населения колонии возросла до 274 тыс. человек¹¹⁴. Население же всей Австралии за период с начала «золотой лихорадки» и до 1858 г. удвоилось, превысив 1 млн человек¹¹⁵.

Финансовые и людские ресурсы активно использовались в проектах по развитию инфраструктуры, что позволило австралийским колониям укрепить внутренние экономические связи и выйти на внешние рынки. В первую очередь, развернулось строительство железнодорожных путей вокруг Сиднея, Мельбурна и Аделаиды. В 1854 г. было запущено железнодорожное сообщение между Мельбурном и Хобсон-Бей. В следующем году начались железнодорожные перевозки в Новом Южном Уэльсе. С 1852 г. было установлено регулярное пароходное сообщение с Британией. В 1853 г. стартовала пароходная навигация по Муррею – главной водной артерии континента. В это же время в Австралии были проложены первые телеграфные линии¹¹⁶. В Новом Южном Уэльсе электрический телеграф стал применяться

¹¹³ Historical and Colonial Census Data Archive – HCCDA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hccda.ada.edu.au/> [Дата обращения: 05.05.2016]

¹¹⁴ Statistics of the colony of Victoria for the year 1854. Melbourne, 1855. P. 7.

¹¹⁵ Historical and Colonial Census Data Archive – HCCDA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hccda.ada.edu.au/> [Дата обращения: 05.05.2016]

¹¹⁶ Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971. С. 86.

с 1852 г. В 1858 г. заработало телеграфное сообщение между Новым Южным Уэльсом, Южной Австралией и Викторией, а через год завершилась прокладка подводного телеграфного кабеля между континентальной Австралией и Тасманией.

В целом, успехи 1850-х годов, достигнутые в связи с открытием золота, сыграли для австралийских автономий роль стартового ускорения, способствовавшего сохранению высоких темпов роста и в последующие десятилетия.

С 1860-х гг. важнейшим фактором демографического подъема на континенте стал естественный прирост – он давал около двух третей общего увеличения численности населения¹¹⁷. Если к 1861 г. 53% жителей Австралии, за исключением аборигенов, родились на Британских островах¹¹⁸, то в 1871 г. уже только 40% белого населения не были «коренными» австралийцами¹¹⁹.

*Таблица 1. Динамика роста населения Австралии во второй половине XIX в.*¹²⁰

Год	Количество человек	Прирост, %
1850	0,4 млн.	
1860	1,1 млн.	182
1870	1,6 млн	44
1880	2,2 млн	35
1890	3,1 млн	41
1900	3,7 млн	19

¹¹⁷ Пучков П.И. Этническое развитие Австралии. М., 1987. С. 44.

¹¹⁸ Там же. С. 39.

¹¹⁹ Clark M. A short history of Australia. Ringwood, 1986. P. 145.

¹²⁰ Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. Melbourne, 1908. P. 149-150.

Основной сферой экономической деятельности в Австралии второй половины XIX в. продолжало оставаться сельское хозяйство.

В животноводстве ведущую роль играло разведение овец, шерсть которых в основном вывозилась за пределы колоний. Шерсть мериносов долгое время была главным экспортным продуктом, который поступал как в различные части империи, так и во Францию, Бельгию, США, Италию, Японию. Золотая лихорадка оказала положительное влияние на развитие овцеводства и животноводства в целом. Огромный приток людей, нуждавшихся в продовольствии, даже привел к ситуации, когда временно стало выгоднее забивать овец ради мяса, нежели выращивать их ради шерсти. Кроме того, скваттеры начали уделять больше внимания разведению крупного рогатого скота. В целом за вторую половину XIX в. поголовье овец и коров увеличилось – в 3,5 и 2 раза соответственно¹²¹.

Ключевой агрокультурой была пшеница, меньшее значение имели прочие зерновые, бобовые культуры и виноград. С 1864 г. в Квинсленде началось промышленное производство сахара из выращиваемого там же тростника, благодаря чему Австралия занимала первое место в мире по потреблению сахара на душу населения, опережая Британию, которая прежде удерживала лидерство по этому показателю¹²².

Обрабатывающая промышленность представляла собой в большей степени мелкое и среднее производство, нацеленное, главным образом, на выпуск товаров потребления, в первую очередь – продуктов питания и одежды¹²³.

По-прежнему сохраняла значительную роль горная промышленность, где с начала 1860-х гг. на фоне постепенного спада добычи золота развернулась разработка залежей других металлов – серебра, платины, меди,

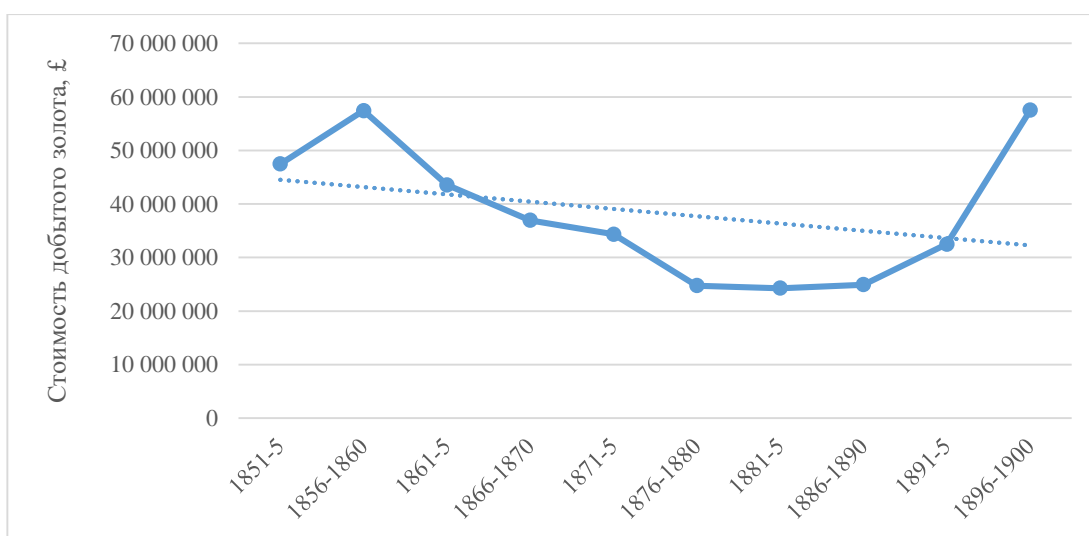
¹²¹ Ibid. P. 279.

¹²² Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971. С. 91.

¹²³ Там же. С. 95.

железа, олова, цинка, а также каменного угля, все более востребованных на мировом рынке. Впрочем, в 1890-е годы в связи с открытием крупных запасов золота в Западной Австралии его добыча вновь резко пошла вверх (см. График 1).

График 1. Стоимость золота, добытого в Австралии во второй половине XIX в. (в фунтах стерлингов)¹²⁴

К концу XIX в. Австралия занимала 3 место в мире в качестве производителя золота (23%), лишь немного уступая США и взятым в совокупности африканским месторождениям (прежде всего, на территории Трансвааля и Золотого Берега), и значительно опережая Россию, Мексику, Канаду и Индию. Аналогичное место принадлежало австралийским колониям и по добыче серебра (10%), производившейся параллельно с золотом¹²⁵.

Продолжалось интенсивное развитие инфраструктуры. В 1887 г. ширококолейная железная дорога связала Мельбурн и Аделаиду. Эта тенденция была характерна и для других крупных городов, но из-за разницы

¹²⁴ Подсчитано по: Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. Melbourne, 1908. P. 401.

¹²⁵ Подсчитано по: The Statesman's Year-Book. London, 1899. P. XXX.

ширины железнодорожной колеи, принятой в разных колониях, сообщение между ними оказалось весьма затруднено, требуя пересадок пассажиров и перегрузок на границах автономий. Общая же длина железнодорожных путей в Австралии к 1897-1898 гг. составляла 9,9 тыс. миль. Для сравнения, в самом Соединенном Королевстве было проложено 21,4 тыс. миль железных дорог, в Британской Индии – 21,2, а в Канаде – 16,7 тыс. миль¹²⁶. Железные дороги оказали большое влияние, например, на аграрный сектор – до развертывания железнодорожного строительства пшеница из Чили или Калифорнии в Сидней и Мельбурн доставлялась дешевле, чем выращенная в 50 км от города¹²⁷.

Не меньшее, а, пожалуй, еще большее значение имело преодоление оторванности пятого континента от основных центров цивилизации. Теперь новейшие технические возможности позволяли флоту метрополии обеспечивать регулярную связь с самыми удаленными частями империи. В середине века путешествие из Великобритании к пятому континенту занимало от двух с небольшим до четырех месяцев в зависимости от погодных условий и типа судна¹²⁸. Но уже на рубеже XIX-XX вв. пассажирский пароход из Лондона отправлялся в Австралию каждую неделю, а время в пути составляло от 31 дня¹²⁹. Вообще система британского судоходства стала настолько развита, что бытовало мнение, будто «все путешествия в страны, лежащие за морями, надо предпринимать из Лондона»¹³⁰.

¹²⁶ The Statesman's Year-Book. London, 1899. P. XXVII.

¹²⁷ Blainey G. The Tyranny of Distance: How Distance Shaped Australia's History. Melbourne, 1966. P. 262.

¹²⁸ Официальный сайт организации музеев штата Виктория «Museums Victoria» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://museumsvictoria.com.au/> [Дата обращения: 10.05.2019]

¹²⁹ Крюков Н.А. Австралия. Сельское хозяйство в Австралии в связи с общим развитием страны. М., 1906. С. 13.

¹³⁰ Там же.

В 1872 г. произошло эпохальное событие – было передано первое телеграфное сообщение из Лондона в Аделаиду, установив новый формат взаимоотношений Британии и Австралии¹³¹. К 1877 г. все столицы австралийских автономий имели телеграфное сообщение с Лондоном. Метрополия стала для колонистов ближе, чем когда-либо, а имперские новости в австралийских газетах могли публиковаться не с задержкой в несколько месяцев, а на следующий день. Вместе с тем появилось новое перспективное средство коммуникации – телефон. Уже в 1880 г. телефонная связь была установлена в Мельбурне, Сиднее и Хобарте.

Еще более во второй половине XIX в. укрепилась связь австралийских автономий с британским финансовым рынком. По совокупному объему государственного долга, основная часть которого была направлена на обеспечение нужд железнодорожного строительства и развития иной инфраструктуры, они уступали лишь Индии¹³². Что же касается объемов прямых инвестиций, то в 1861 г. сумма привлеченных в Австралию внешних средств составила 6,25% от всех зарубежных капиталовложений Великобритании, в 1881 – уже около 15%, а в 1900 г. – почти 19%¹³³. При этом, оставаясь в экономической зависимости от метрополии, автономии становились все более финансово состоятельными.

Однако быстрое развитие британских колоний в Австралии было прервано в начале 1890-х годов масштабным экономическим кризисом, вызванным падением мировых цен на шерсть и другие виды сельскохозяйственной продукции. Поголовье овец с 1891 г. по 1899 г.

¹³¹ Inglis K.S. *The Imperial Connections: Telegraphic Communication between England and Australia, 1872-1902* // *Australia and Britain: Studies in a Changing Relationships* / Ed. by Madden A.F., Morris-Jones W.H. Sydney, 1980. P. 21-22.

¹³² *The Cambridge History of the British Empire*. Ed. by E.A. Benians, Sir J. Butler, C.E. Carrington. Vol. 3. Cambridge University Press, 1959. P. 196-197.

¹³³ Butlin N.G. *Investment in Australian Economic Development, 1861-1900*. Cambridge University Press, 1964. P. 11.

снизилось на 25%¹³⁴. Производство валового национального продукта на душу населения сократилось на 13%¹³⁵. Объем внешней торговли в 1892-1894 гг. упал не менее, чем на 26%. Постепенное восстановление экономики началось с 1895 г., и к 1899 г. размеры внешней торговли превысили докризисный показатель¹³⁶.

Выходу из экономического кризиса способствовало несколько факторов. Рост экспорта во многом стал следствием увеличения внешних вложений, а также транзитной торговли товарами, перевозимыми британскими и иностранными судами¹³⁷. Исключительное значение имело развертывание рефрижераторного флота, позволившего резко увеличить экспорт сельскохозяйственной продукции. Впервые груз замороженного мяса был доставлен из Австралии в Лондон в 1880 г.¹³⁸ С этого времени автономии превращаются в ведущих поставщиков мясных и молочных продуктов для империи. За последнее десятилетие XIX в. благодаря активному использованию судов-рефрижераторов производство замороженного мяса в Австралии выросло в 6 раз, а объем экспортируемого масла – в 5,6 раз¹³⁹.

Колонии торговали главным образом с метрополией и другими ее владениями. За 1887-1901 гг. импорт из империи в среднем составлял около 80% от общего объема ввоза в австралийские колонии, при этом поставки товаров непосредственно из Великобритании равнялись 68%. Статистика по

¹³⁴ Koghlan T.A. A Statistical Account of the Seven Colonies of Australasia, 1899-1900. Sydney, 1900. P. 475.

¹³⁵ Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971. С. 101.

¹³⁶ Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. Melbourne, 1908. P. 497-498.

¹³⁷ Ibidem.

¹³⁸ Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971. С. 90.

¹³⁹ Jose A.W. History of Australasia from the earliest times to the present day, with a chapter on Australian literature. Sydney. 1913. P. 231.

экспорту схожая: за аналогичный период 78% австралийского вывоза отправилось в различные части империи, при этом в Британию – 67% от общего объема австралийского экспорта¹⁴⁰.

Внешнеторговыми партнерами австралийских колоний были США, ряд стран Западной Европы (главным образом это Бельгия, Франция и Германия), а также Китай, Япония и тихоокеанские острова. Первым иностранным государством, установившим в 1883 г. прямые торговые отношения с австралийскими автономиями, была Франция¹⁴¹. В Европу и Японию шла преимущественно шерсть, в США продавали еще специи, уголь и смолу каури, а в Китай – серебро¹⁴². В Австралию поступал чай из юго-восточной Азии, сырье (в частности – бананы, сахар и копра) из близлежащих островов, промышленная продукция (например, одежда и ткани, музыкальные инструменты, алкоголь, медикаменты и химикаты) из стран Европы, древесина, табак, сельскохозяйственное, военное и машинное оборудование из США¹⁴³. В последние десятилетия XIX в. проявился взаимный интерес к торговле с Россией. Туда экспортировались продукты животноводства, а у русских предпринимателей австралийцы приобретали лес, керосин, мыло, свечи и другие товары. И хотя масштаб торговли с Российской империей был невелик по сравнению с ключевыми партнерами австралийских автономий, торговые отношения к концу XIX столетия стали регулярными¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Подсчитано по: Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. Melbourne, 1908. P. 501, 506.

¹⁴¹ Koghlan T.A. A Statistical Account of the Seven Colonies of Australasia, 1899-1900. Sydney, 1900. P. 342.

¹⁴² Ibid. P. 343.

¹⁴³ Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. Melbourne, 1908. P. 502-504.

¹⁴⁴ Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб, 1998. С. 182-188.

Таблица 2. Основные направления имперской и внешней торговли австралийских автономий в 1887-1901 гг. (в процентах)¹⁴⁵

Страна	Доля в австралийском экспорте			Доля в австралийском импорте		
	1887-1891	1892-1896	1897-1901	1887-1891	1892-1896	1897-1901
Британская империя	83,2	78,2	72,5	82,55	82,4	73,95
Бельгия	4,6	4,3	3,3	0,64	1,07	1,09
Китай	0,2	0,1	0,5	2,26	1,37	0,72
Франция	2,2	6,2	6	1,02	0,78	1,31
Германия	1,9	4,8	4,8	3,63	4,31	6,21
Тихоокеанские острова (кроме Филиппин)	0,9	0,7	0,8	0,31	0,3	0,41
США	5,6	3,8	8,9	6,41	6,54	12
Ява	0,19	0,21	0,28	1,2	1,8	1,27

При этом важно отметить, что внутренний рынок развивался несколько медленнее внешнего. Ниже приведена таблица соотношения торговли колоний между собой, с метрополией и другими странами в 1889 г. накануне масштабного экономического кризиса.

¹⁴⁵ Составлено по: Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. Melbourne, 1908. P. 501, 506.

Таблица 3. Межколониальная и внешняя торговля австралийских автономий, 1889 г. (в процентах)¹⁴⁶

Колония	Импорт из			Экспорт в		
	Соединенного Королевства	австралийских колоний	других стран	Соединенное королевство	австралийские колонии	другие страны
Виктория	46,78	35,26	17,96	55,26	31,72	13,02
НЮУ	38,21	46,57	15,22	38,48	46,11	15,41
Квинсленд	47,3	44,9	7,8	32,29	66,8	0,91
Южная Австралия	29,51	59,46	11,03	47,01	45,23	7,76
Западная Австралия	44,54	40,94	14,52	66,46	19,38	14,16
Тасмания	32,13	64,38	3,49	17,25	82,75	0

Как видно из Таблицы 3, в товарообороте колоний (за исключением Тасмании и, частично, Квинсленда и Южной Австралии) доля коммерческих операций между ними была ниже, чем удельный вес их торговли с Великобританией и другими странами. В целом меньший объем внутриконтинентальной торговли был связан с относительно медленным развитием межколониальной инфраструктуры, а главным образом с тем, что колонии производили значительное количество аналогичной (преимущественно сельскохозяйственной) продукции.

Еще одним препятствием для развития внутреннего рынка стало то, что во второй половине XIX в. власти австралийских колоний не сходились в вопросе выбора внешнеэкономической стратегии. Все великие державы, за исключением Великобритании, придерживались протекционистских установок. В Австралии наиболее активно эта политика проводилась в Виктории, острее всего ощутившей спад в золотодобывающей

¹⁴⁶ Hayter H.H. Victorian Year Book for 1889-90. In 2 Vol. Vol. 2. Melbourne, 1890. P. 480.

промышленности после первого бума начала 1850-х гг. Массовая миграция времен «золотой лихорадки» значительно увеличила плотность населения автономии, и в 1860-х гг. Виктория столкнулась с необходимостью удовлетворить требования местных рабочих и диггеров, чьи доходы резко снизились. Вначале была сделана попытка решить обострившуюся ситуацию путем проведения земельной реформы. Но парламент колонии отверг ее. Тогда широкие общественные круги стали поддерживать идею введения протекционизма. В итоге многолетней политической кампании, в 1867 г. Виктория приняла тариф, имевший явно выраженную протекционистскую направленность, а с 1877 г. протекционизм стал постоянным элементом экономической политики колонии¹⁴⁷. Таможенные пошлины рассматривались как источник пополнения бюджета и способ защиты своего рынка. Вскоре все другие автономии перешли от фритреда к протекционизму, за исключением Нового Южного Уэльса, где, во-первых, не произошло столь резкого снижения добычи золота, как в Виктории, а во-вторых, его хозяйство базировалось в гораздо большей степени на экспорте шерсти, доходы от которой вкупе с добычей каменного угля поддерживали экономику автономии в состоянии стабильности¹⁴⁸.

Своего рода обобщающим показателем сдвигов, происходивших в экономике, стали изменения в структуре занятости населения. Если в 1881 г. в сельском хозяйстве и промышленности было задействовано примерно по 35% всех работающих¹⁴⁹, то в 1901 г. эти показатели составили около 25 и 33%

¹⁴⁷ McMinn W.G. A constitutional history of Australia. Melbourne, 1979. P. 98.

¹⁴⁸ Каневская Г.И. Роль межколониальных конференций 60-70-х гг. XIX века в развитии федеративного движения в Австралии // XIX научная конференция по изучению Австралии и Океании. Тезисы докладов. Ч. I. М., 1988. С. 59.

¹⁴⁹ Подсчитано по: Historical and Colonial Census Data Archive – HCCDA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hccda.ada.edu.au/> [Дата обращения: 05.05.2016]

соответственно¹⁵⁰, отражая постепенно возрастающую роль промышленного и третичного секторов.

В целом же экономическое развитие Австралии второй половины XIX в. шло весьма высокими по мировым меркам темпами. По среднегодовому приросту валового национального продукта в этот период она уступала только мировому лидеру – США¹⁵¹. Автономии перестали быть тяжелой обузой для метрополии, и всячески демонстрировали ей свою «полезность».

Интенсивное развитие хозяйства, а также постоянная нехватка рабочих рук способствовали росту профсоюзного движения. Мигрировавшие в Австралию чартисты и члены британских профсоюзов приносили туда идеи и опыт организации борьбы за права наемных работников. Этот фактор обеспечил успешное развитие тред-юнионизма.

Власти автономий стремились сократить дефицит рабочей силы и в то же время избежать социальных конфликтов. Поэтому до начала 1890-х гг. колонии развивали программы субсидирования и помощи мигрантам, но в то же время проводили жесткий отбор профессиональных, физических и морально-нравственных качеств переселенцев¹⁵². Это являлось одной из важных причин того, что по данным переписи в 1881 г. лишь 5% населения Австралии родились вне Британии и ее владений¹⁵³. Такая же ситуация сохра-

¹⁵⁰ Подсчитано по: Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. Melbourne, 1908. P. 171.

¹⁵¹ Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996. С. 76.

¹⁵² Каневская Г. И. Иммиграционная политика в австралийских колониях Великобритании в XIX в. // Россия и АТР. 2013. №1, С. 144-145.

¹⁵³ Historical and Colonial Census Data Archive – HCCDA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hccda.ada.edu.au/> [Дата обращения: 05.05.2016]

нялась и на рубеже XIX-XX столетий¹⁵⁴.

Тем не менее, положение на рынке труда осложнялось прибытием в Австралию выходцев не только из Европы и Северной Америки, но также из Азии, в первую очередь – китайцев, которые за минимальную оплату трудились по 14 часов в сутки на самых тяжелых работах, чем сразу заслужили ненависть австралийских золотоискателей, рабочих и профсоюзов. Конкуренция с их стороны усилила расистские настроения и породила движение за «белую Австралию». Оно способствовало как поддержанию гомогенности населения автономий, так и консолидации профсоюзов, а также лейбористской партии, неизменно отстаивавших максимально жесткие требования для азиатов, желавших прибыть на пятый континент.

Эти факторы позволяли считать самоуправляющиеся колонии весьма однородным обществом, в котором «население легко проникается общими чувствами по поводу тех или иных событий. Вот почему в Австралии более значительно, чем в Америке, сознание национального родства, общий семейный дух», - писал российский исследователь П.Г. Мижуев¹⁵⁵.

Первыми австралийскими профсоюзами стали мельбурнское «Общество рабочих-механиков», созданное в 1850 г., и сиднейский филиал «Английского Объединенного общества инженеров», основанный в 1851 г. На протяжении многих лет профсоюзы существовали преимущественно в строительной, добывающей и транспортной отраслях, но к концу XIX в. весьма значительное влияние приобрели объединения стригалей и других сельскохозяйственных рабочих¹⁵⁶. Деятельность профессиональных союзов была предметом регулирования английского законодательства, запрещавшего сговоры в целях

¹⁵⁴ Каневская Г. И. Иммиграционная политика в австралийских колониях Великобритании в XIX в. // Россия и АТР. 2013. №1. С. 145.

¹⁵⁵ Мижуев П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902. С. 16.

¹⁵⁶ The Oxford History of the British Empire. Volume III: The Nineteenth Century. Ed. by Porter A. Oxford, New York, 1999. P. 565.

создания ограничений для торговли, хотя на практике в Австралии этот закон не применялся и профсоюзное движение не встречало такого противодействия, как в метрополии¹⁵⁷.

Достаточно быстро профессиональные объединения стали стремиться к оказанию влияния на политику. В 1880-х годах в Виктории появился парламентский комитет профсоюзов, который был призван лоббировать принятие выгодных рабочим законопроектов и стимулировать их прямое участие в местных парламентах. Вскоре эта практика стала применяться и во всех других колониях¹⁵⁸. Основные усилия профсоюзов направлялись на сокращение продолжительности рабочего времени и повышение заработной платы, а также на упомянутое ограничение азиатской миграции. Впервые введения 8-часового рабочего дня удалось добиться в 1856 г. в Сиднее и Мельбурне. Дата принятия соответствующего соглашения между рабочими и предпринимателями в Виктории даже стала общественным праздником, отмечаемым ежегодно 21 апреля¹⁵⁹. В последующие годы этот опыт получил широкое распространение: в Квинсленде 8-часовой рабочий день был введен в 1866 г., Южной Австралии – в 1873 г., Тасмании – 1890 г., Западной Австралии – 1896 г. К рубежу XIX-XX вв. был запрещен труд детей до 14 лет, а также подростков, не закончивших хотя бы 4-х классов начальной школы и не имеющих медицинского заключения о том, что работа не скажется отрицательно на их здоровье. Законодательно был сокращен рабочий день в субботу, установлен воскресный и праздничный отдых, четырехнедельный отпуск после родов, определены санитарно-гигиенические условия на

¹⁵⁷ Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. Melbourne, 1908. P. 864.

¹⁵⁸ Малаховский К.В. История Австралии. М., 1980. С. 94.

¹⁵⁹ Мижув П.Г. Счастливая Австралия. Социальное законодательство Австралии и его результаты. Пг., 1918. С. 195.

производстве и другие социальные нормы¹⁶⁰. В 1900 г. Новый Южный Уэльс ввел пенсии по старости, а Западная Австралия – обязательные арбитражные комиссии для урегулирования конфликтов между предпринимателями и рабочими.

Российский ученый П.Г. Мижув привел любопытные свидетельства трех писателей-путешественников рубежа XIX-XX вв. – американца Виктора Кларка, француза Пьера Поля Леруа-Болье и россиянина Николая Крюкова, побывавших в Австралии и своими глазами оценивших качество жизни рабочих. «Все они в один голос отмечают сравнительно очень высокий уровень заработной платы в Австралии», – констатировал Мижув, подчеркивая, что дело не только в размерах оплаты труда, но и в том, что австралийский рабочий может многое себе на нее позволить, вплоть до предметов роскоши и «полуроскоши»¹⁶¹. Американец Том Лаудер, побывавший в Австралии в 1905 г., отметил, что в Австралии нет миллионеров, но нет и бросающейся в глаза нищеты¹⁶².

Одним из показателей солидности жизненных стандартов австралийцев П.Г. Мижув и упомянутые выше исследователи считали весьма комфортные жилищно-бытовые условия. Эти разрозненные впечатления путешественников можно подтвердить, например, сведениями переписи 1881 г., согласно которым, большинство жилищ имели 3-4 спальни. При этом среднее количество проживающих в одном доме составляло 5-6 человек. Таким образом, в 1881 г. на каждую отдельную спальную комнату в доме приходилось 1,12 человека. Для сравнения, в 1871 г. данный показатель равнялся 1,22, в 1861 г. – 1,44, и в 1857 г. – 1,65 человека, что говорит о постепенном улучшении как жилищных условий (все больше людей могли

¹⁶⁰ Там же. С. 83-86.

¹⁶¹ Там же. С. 207.

¹⁶² Seaman's Coast Journal, 23 August 1905 // Modern Australia in Documents. Vol. 1. 1901-1939 / Ed. by F.K. Crowley. Melbourne, 1973. P. 79.

себе позволить дом с отдельными спальнями для его обитателей), так и о материальном обеспечении вообще¹⁶³.

Высокий уровень жизни австралийцев может продемонстрировать и коэффициент смертности (количество смертей за определенный период, деленное на тысячу населения). Так, в последнее десятилетие XIX в. этот показатель в Австралазии (12,85) был значительно ниже, чем у Великобритании (18,37) и всех прочих стран Европы, где он колебался от 16,35 (в Швеции) до 30,58 (в Венгрии)¹⁶⁴.

Наряду с социальной сферой, в последней трети XIX в. в Австралии интенсивно развивалась политическая система. Прежде всего стоит отметить прогресс институтов представительной демократии. Первой колонией, которая в 1856 г. предоставила право голоса всем взрослым мужчинам на выборах в нижнюю палату своего парламента, стала Южная Австралия. В немалой степени это было связано с тем, что в Южную Австралию не производилась ссылка каторжников. Вслед за этим в других колониях также началось расширение избирательных прав, однако, с разной скоростью. К примеру, в Новом Южном Уэльсе, Виктории и Квинсленде введение всеобщего избирательного права для мужчин произошло в течение трех лет после Южной Австралии, а Тасмания и Западная Австралия приняли указанный принцип только в начале 1900-х гг.¹⁶⁵ Но это не касалось выборов в верхние палаты парламентов автономий¹⁶⁶. Важным шагом стало введение оплаты труда депутатов, что позволяло заниматься политикой не только

¹⁶³ Historical and Colonial Census Data Archive – HCCDA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hccda.ada.edu.au/> [Дата обращения: 05.05.2016]

¹⁶⁴ Koghlan T.A. A Statistical Account of the Seven Colonies of Australasia, 1899-1900. Sydney, 1900. P. 260.

¹⁶⁵ Скоробогатых Н.С. История Австралии. Учебное пособие. М., 2011. С. 54

¹⁶⁶ Официальный сайт Австралийской электоральной комиссии. Australian Electoral Commission. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://aec.gov.au/> [Дата обращения: 20.02.2018]

представителям состоятельных слоев населения. Впервые подобная практика была применена в 1869 г. в Виктории. Показателем демократизации социально-политической сферы в самоуправляющихся колониях стало предоставление избирательного права жителям Южной и Западной Австралии в 1894 г. и 1899 г. соответственно (то есть на первых выборах Союзного парламента уже голосовали представительницы этих двух автономий).

К концу XIX в. в Австралии начали возникать и собственные партии, которые, несмотря на политическую разрозненность континента, являлись межколониальными объединениями. В связи со всё возрастающей необходимостью экономического сотрудничества между колониями в 1887 г. была создана Партия свободной торговли (Free Trade Party), выступавшая с позиций либеральной идеологии. Основные ее силы базировались в Новом Южном Уэльсе – единственной автономии, придерживавшейся политики фритреда. Одним из ее наиболее успешных лидеров являлся Джордж Рид, занимавший в 1894-1899 годах пост премьер-министра Нового Южного Уэльса, ставший впоследствии четвертым премьер-министром Австралийского Союза. В том же 1887 г. была организована более консервативная по своим установкам Протекционистская партия, которая имела наибольшее влияние в Виктории, всегда выступавшей за высокие тарифы. Ее лидеры – Эдмунд Бартон и Альфред Дикин – стали впоследствии первым и вторым премьер-министрами австралийской федерации.

На основе роста рабочего движения и все усиливавшейся деятельности профсоюзов в 1891 г. возникла Австралийская лейбористская партия (ее лидеры, Крис Уотсон и Эндрю Фишер, стали третьим и пятым премьер-министрами Австралийского Союза). В 1899 г. в Квинсленде был даже сформирован кабинет лейбористского меньшинства. И хотя он оставался у власти лишь пять дней, не сумев получить вотум доверия в местном парламенте, это, вероятно, была первая в мировой практике попытка создания социал-демократического правительства.

Разумеется, социально-экономический и политический прогресс автономий происходил в неразрывной связи с их культурным развитием. Прежде всего необходимо отметить постоянно растущий и достаточно высокий уровень грамотности. В 1846 г. около 46% населения умели читать и писать, и 16% только читали. В 1870-х гг. в колониях началось введение бесплатного обязательного светского образования, и к 1881 г. грамотными стали уже 69% населения (и еще 9% только читали)¹⁶⁷. Достаточно быстрое развитие получила и система высшего образования. В 1850 г. в Сиднее был основан первый австралийский университет, начавший свою работу 11 октября 1852 г. Тремя годами позднее, 3 октября 1855 г. состоялось официальное открытие университета в Мельбурне. В 1874 г. открылся университет в Аделаиде, который стал вторым университетом в англоязычном мире (после Лондонского университета), где женщины имели равные с мужчинами права в обучении и получении академических наград и степеней. В 1890 г. был образован еще один университет – в Хобарте, на Тасмании.

В некоторых школах и университетах Австралии начиналось, пусть и не систематическое, изучение и преподавание истории. До конца XIX в. в автономиях практически не было местных ученых-историков, но интерес к событиям колонизации, золотой лихорадки и эволюции политических институтов стимулировал австралийцев к публикации различных непрофессиональных трудов исторического характера¹⁶⁸.

Одновременно во всех колониях происходило активное развитие культурно-просветительских учреждений: публичных библиотек, музеев, картинных галерей, театров и консерваторий¹⁶⁹. В 1897 г. в Мельбурне

¹⁶⁷ Подсчитано по: Historical and Colonial Census Data Archive – HCCDA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hccda.ada.edu.au/> [Дата обращения: 05.05.2016]

¹⁶⁸ Рудницкий А.Ю. Двести лет австралийской истории: концепции национального развития. М., 1987. С. 22-23.

¹⁶⁹ Петриковская А.С. Культура Австралии: XIX - XX века. М., 2007. С. 21, 29.

появилась первая в Австралии киностудия, начавшая производство документальных и художественных фильмов.

В целом, к концу XIX в. Австралия из места ссылки «на окраине цивилизации» превратилась в один из самых бурно развивающихся регионов мира. Достигнутые успехи открывали возможности не только для самостоятельного решения внутренних вопросов, но вместе с тем стимулировали саморефлексию общества, усиление его внимания к событиям за пределами пятого континента.

§ 2. Становление австралийской идентичности и британская культурная традиция: национальное своеобразие и фактор «наследственности»

Австралийцы последней трети XIX в. воспринимали себя не насильно изгнанными на далекий континент отбросами общества, а людьми, ищущими место, где трудом они смогут обеспечить себе достойную жизнь. Более того, они стали чувствовать себя членами нового, особенного социального организма – австралийской нации.

Понятие «нация» применительно к потомкам европейских переселенцев, укоренившихся на новой почве, стало употребляться в австралийском обществе еще в первой половине XIX в. По утверждению Б. Джонса, «как только первое поколение белых уроженцев Австралии достигло совершеннолетия, начал появляться национализм»¹⁷⁰. Причем, как обычно в переселенческих обществах, потомки британских эмигрантов не утрачивали органическую связь со «страной-матерью». Это проявлялось не только в приверженности многим ее политическим и социально-экономическим

¹⁷⁰ Jones B.T. Currency Culture: Australian Identity and Nationalism in New South Wales before the Gold Rushes // Australian Historical Studies. 2017. Vol. 48, Issue 1. P. 84.

институтам, но в глубоком уважении «британскости» (Britishness) – культурно-исторического, духовного наследия их прародины.

«Британскость» для австралийцев не была противопоставлением «австралийскости». Известный австралийский политик, премьер Нового Южного Уэльса Генри Паркс заявлял, что «население Австралии более британское, чем любое другое за пределами Британии... Только в Австралии чистокровные британцы стали национальной силой под влиянием абсолютно новых условий»¹⁷¹. Исследователи этой темы подтверждают мысль Паркса. К примеру, Джаред ван Дуинен обозначал австралийский национализм как локализованную «британскость»¹⁷². Рассел Макгрегор утверждал, что «британскость» – не только не случайная, но имманентно присущая часть австралийского национализма. По его мнению, для построения собственной идентичности австралийцы стремились найти все достойное, что было в их истории. Более того, они не имели другого выхода, кроме как обратиться к общему британскому наследию¹⁷³, которое стало источником ярких символов и реминисценций, сделавших Австралию преемницей великого прошлого ее близких и далеких предков.

С 1870-х гг. «британскость» в Австралии превратилась в доминирующий культурный миф, ключевую социальную идею, придающую смысл понятию «народа», полагает известный историк Н. Мини¹⁷⁴. Более конкретно под ней понималась совокупность идеологических принципов, социально-психологических представлений, морально-этических установок,

¹⁷¹ Parkes H. Our growing Australian Empire // *The Nineteen century: a monthly review*. March 1877-Dec. 1900. 1884. Vol. 15, No 83. P. 139.

¹⁷² van Duinen J. Playing to the «imaginary grandstand»: sport, the «British world», and an Australian colonial identity // *Journal of Global History*. 2013. Vol. 8. P. 346.

¹⁷³ McGregor R. The necessity of Britishness: ethno-cultural roots of Australian nationalism // *Nations and Nationalism*. 2006. Vol. 12, Issue 3. P. 494.

¹⁷⁴ Meany N. Britishness and Australian identity: The problem of nationalism in Australian history and historiography // *Australian Historical Studies*. 2001. Vol. 32, Issue 116. P. 79.

считавшихся отличительными особенностями британцев. Среди них можно выделить, например, культ англосаксонской расы, индивидуализм, убежденность в собственном превосходстве над другими народами, которые, впрочем, приобретали в условиях далекого южного континента заметное своеобразие.

Возникновение отличий австралийцев от англичан сами австралийские публицисты зачастую пытались обосновать в духе получившего широкую популярность социал-дарвинизма. Базируясь на идее зависимости биологических и психологических характеристик человека от места его проживания, они считали «естественным, что все новые сообщества должны начать развивать национальный характер»¹⁷⁵, который, в свою очередь, обусловит и политическое устройство народа. Так, писатель Маркус Кларк в своем эссе, опубликованном в 1877 г., утверждал, будто из-за особенностей местной почвы у австралийцев произойдут изменения в физиологии, например, от недостатка извести в земле их кости будут длиннее и мягче, а зубы – хуже, что скажется на пищеварении и приведет к некоторой меланхолии. Жаркий климат снизит значимость нахождения внутри помещений, и поэтому все социально важное будет происходить на улице. Как следствие, молодые люди станут более самостоятельны и эгоистичны, а «местный воздух» не будет способствовать «рождению гениев». Обилие же мяса в рационе австралийцев приведет, по утверждению Кларка, к радикализации их политических взглядов. И они, с его точки зрения, «не удовольствуются ничем иным, кроме бунтарской демократии»¹⁷⁶.

Однако, подобные рассуждения относились скорее к неясному будущему, чем настоящему, зависевшему от вполне реальных обстоятельств.

¹⁷⁵ Meudell G.D. Australia for the Australians. Melbourne Review, July 1882 // Alomes S., Jones C. Australian nationalism: a documentary history. North Ryde: Collins/Angus & Robertson, 1991. P. 55.

¹⁷⁶ Clarke M. The Future Australian race // Alomes S., Jones C. Australian nationalism: a documentary history. North Ryde: Collins/Angus & Robertson, 1991. P. 48-49.

В первую очередь, австралийцы видели себя отдельной нацией в рамках «англосаксонской расы», связь с которой определяла основные характеристики их натуры, включая внешний облик, своеобразие стиля жизни, самовосприятия и взгляда на окружающий мир.

Физическое здоровье и отменное телосложение, унаследованные, как представлялось, от англосаксов, были для австралийцев одновременно и связующей нитью кровного родства, и проявлением отличительных особенностей, возникших под влиянием местных условий. В 1888 г. «Аргус» опубликовала статью, в которой дано подробное описание облика представителей новой ветви англосаксонской расы. В частности, указывалось в статье, австралийцы обладали менее широкой грудью, но зато были выше и стройнее жителей Британских островов¹⁷⁷. Г. Паркс, со своей стороны, отмечал, что «мужчины и женщины, рожденные в сельских регионах, по большей части имеют пропорциональное телосложение, полны жизненной энергией и способны практически на любые физические достижения»¹⁷⁸.

Хорошие физические кондиции, согласно укоренившемуся стереотипу, способствовали особой любви австралийцев к спорту¹⁷⁹, который являлся еще одной «визитной карточкой» англосаксонской расы. Успехи австралийских спортсменов в соревнованиях против англичан казались свидетельством того, что ее австралийский тип превосходит британский¹⁸⁰. Увлечение спортивными состязаниями стало при этом одним из самых ярких проявлений желания молодой нации разделять идеалы принадлежности к «великой» англосаксонской расе. Спорт был, с одной стороны, возможностью для

¹⁷⁷ Argus. 26 January 1888. P. 5.

¹⁷⁸ Parkes H. Our growing Australian Empire // The Nineteen century: a monthly review. March 1877-Dec. 1900. 1884. Vol. 15, No 83. P. 141-142.

¹⁷⁹ Whitney W. M. Some Australian Characteristics / Prepared from the article published in Cosmos magazine. January 31, 1899. P. 4. Sydney: University of Sydney Library, 2001. P. 4.

¹⁸⁰ White R. Inventing Australia: images and identity, 1688-1980. Sydney; Boston: Allen & Unwin, 1981. P. 72.

австралийцев «прикоснуться» к Великобритании, а с другой – он стал частью того, что значило быть британцем¹⁸¹.

Регби и крикет «объединяли» империю, содействуя контактам жителей метрополии не только с европейским, но и туземным населением далеких провинций. В 1868 г. команда австралийских и новозеландских аборигенов посетила Великобританию, где стала участницей 47 крикетных матчей. Газеты сообщали о чрезвычайном общественном интересе к этому событию, вызванном, правда, желанием увидеть навыки коренных жителей Австралазии не столько в крикете, сколько в метании копья и бумеранга¹⁸².

В 1877 г. команда Англии по крикету нанесла визит в Мельбурн для проведения первых официальных регулярных игр «Тест» (они и по сей день считаются одним из самых престижных соревнований в мире). К огромной радости австралийцев их команда одержала победу¹⁸³. На следующий год состоялся ответный заокеанский тур австралийских спортсменов в рамках игр «Тест». Пресса придавала поездке австралийцев в Великобританию особое, явно выходящее за рамки спорта значение. Так, мельбурнская газета «Геральд» выражала надежду на успех этого вояжа, предсказывая выигрыш всем заинтересованным в процветании автономий, в том числе бизнесменам. В метрополии, писала «Геральд», увидят истинное лицо колонистов, не «дикарей» и не «революционеров», что, несомненно, привлечет мигрантов из среднего и высшего класса, так необходимых Австралии¹⁸⁴. Когда же после многомесячной поездки спортсмены вернулись домой, их ждала огромная толпа воодушевленных соотечественников и торжественный прием в ратуше Сиднея. Среди множества восторженных речей, звучала мысль, что

¹⁸¹ van Duinen J. Playing to the «imaginary grandstand»: sport, the «British world», and an Australian colonial identity // *Journal of Global History*. 2013. Vol. 8. P. 351.

¹⁸² *Queenslander*. 8 August 1868. P. 8.

¹⁸³ Официальный сайт Национального музея Австралии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nma.gov.au/> [Дата обращения: 10.05.2019]

¹⁸⁴ *Herald*. 3 June 1878. P. 2.

«триумфальный успех», сопровождавший команду в метрополии, «сделал больше, чем все наши агенты, лекторы и брошюры, чтобы заставить британцев не забывать об Австралии и доказать им, что на отдаленном континенте рождается раса, которая воплотит известное стремление нашего прославленного патриота Уэнтворта¹⁸⁵ к превращению этих богатых, безграничных территорий в «новую Британию» южного полушария»¹⁸⁶.

С 1899 г. начала свое существование и австралийская национальная сборная по регби. В первом же матче в Сиднее против сборной Британских островов она одержала победу. Как тонко заметил современный историк Нил Фергюсон, долгое время «британская привычка проигрывать командам из колоний помогала сплочению Британской империи»¹⁸⁷.

Наряду с командными видами большой популярностью пользовались и индивидуальные состязания, прежде всего скачки. Особую известность имели соревнования по конному спорту на Кубок Австралии, ежегодно проходившие в первый вторник ноября в Мельбурне. В Виктории этот день считался праздничным. Чтобы увидеть грандиозное зрелище, туда съезжались до 80 тыс. человек, не только со всего континента, но даже из Новой Зеландии, Новой Каледонии, Фиджи и других тихоокеанских островов. Потрясенный американский путешественник утверждал даже, что розыгрыш этого кубка имеет для австралийцев большее значение, президентские выборы или День независимости для граждан США¹⁸⁸.

¹⁸⁵ Уильям Уэнтворт – уроженец Австралии, исследователь, писатель, журналист, политик в Новом Южном Уэльсе. Основатель Сиднейского университета, Австралийской патриотической ассоциации и газеты «Австралиец».

¹⁸⁶ Sydney Mail and New South Wales Advertiser. 30 November 1878. P. 849.

¹⁸⁷ Ferguson N. Empire: How Britain made the modern world. London; New York: Allen Lane, 2003. P. 259.

¹⁸⁸ Seaman's Coast Journal. 23 August 1905 // Modern Australia in Documents. Vol. 1. 1901-1939 / Ed. by F.K. Crowley. Melbourne, 1973. P. 79-80.

Спорт становился в Австралии более доступным и эгалитарным, чем в Великобритании. Этому способствовало несколько факторов – благоприятный климат, отсутствие жесткой классовой структуры, подобной метрополии, а также высокий уровень образования. Свою роль играл и тот факт, что рабочие в Австралии, благодаря трудовому законодательству, имели больше свободного времени, а, следовательно, и возможностей для такого рода досуга, чем их британские собратья¹⁸⁹. К тому же, спортивные состязания объединяли представителей всех классов, выполняя важную социально-психологическую роль сплочения общества.

Спортом, надо добавить, не только занимались, его очень активно, возможно даже активнее, чем в Великобритании, смотрели. Все это получило должную оценку в метрополии. Англичане воспринимали увлечение австралийцев спортом не иначе как своеобразный оммаж империи¹⁹⁰.

Еще одной доминантной чертой англосаксов, определявшей их образ мышления и поведение, считалась приверженность индивидуализму. В Австралии, по мнению современников, она актуализировалась самими условиями жизни в удаленной части света, где личная свобода была главным слагаемым успеха переселенцев. «Среди всего, что объединяет иммигрантов и уроженцев, есть, безусловно, более сильный дух индивидуальной независимости, чем в метрополии...»¹⁹¹, - утверждал премьер Нового Южного Уэльса Генри Паркс. «Каждый человек занимается своими собственными мирными делами, едва ли волнуясь, чем заняты другие люди вокруг него...», - продолжал он свою мысль¹⁹². Это же своеобразие пятого континента

¹⁸⁹ van Duinen J. Playing to the «imaginary grandstand»: sport, the «British world», and an Australian colonial identity // *Journal of Global History*. 2013. Vol. 8. P. 354.

¹⁹⁰ Mandle W.F. Sport // *Australians and British: social and political connections*. Ed. by J.D.B. Miller. Marrickville, 1987. P. 143, 146.

¹⁹¹ Parkes H. Our growing Australian Empire // *The Nineteen century: a monthly review*. March 1877-Dec. 1900. 1884. Vol. 15, No 83. P. 141-142.

¹⁹² Ibid. P. 140.

облегчало, по утверждению современника Паркса, молодого художника из Нового Южного Уэльса Уила Уитни, отказ от «морально устаревших традиций» и сковывающих «старые» народы предубеждений, открывая в ближайшей перспективе огромный потенциал для экономического, политического и культурного развития¹⁹³.

Неизменным свойством подлинного представителя англосаксонской расы традиционно считалась искренняя любовь и глубокое уважение к своей родине. Прочные, многообразные связи с метрополией питали сильные пробританские настроения не только у недавних переселенцев, но и у коренных австралийцев. Вместе с тем, в этой сложной системе отношений пиетет к Соединенному Королевству все отчетливее замещался непреходящей духовной привязанностью к собственным колониям, а затем и к самой Австралии как части единой империи. Говоря о такого рода превращениях, Г. Паркс подчеркивал, что «ко многим высочайшим качествам настоящего английского джентльмена или леди здесь добавлено чувство горячего австралийского патриотизма...»¹⁹⁴. Один из известнейших австралийских литераторов рубежа XIX-XX веков Генри Лоусон в своем рассказе «Нет милее родной страны» («His Country – After All») изобразил уроженца Австралии, много лет назад уехавшего оттуда и нашедшего свой новый дом в США. Временно отправившись на работу в Новую Зеландию, он всячески критиковал австралийскую жизнь, климат и условия труда, однако столкнувшись с напоминанием о родине – австралийским эвкалиптом – резко изменил свое мнение. Услышав критику австралийских колоний со стороны своих попутчиков, он резко заявил: «Вздор!... Что вы, англичане, знаете об Австралии? Уж что-что, а вашей Англии она не хуже», после чего решил все-

¹⁹³ Whitney W. M. Some Australian Characteristics / Prepared from the article published in Cosmos magazine. January 31, 1899. P. 4. Sydney: University of Sydney Library, 2001. P. 6-7.

¹⁹⁴ Parkes H. Our growing Australian Empire // The Nineteen century: a monthly review. March 1877-Dec. 1900. 1884. Vol. 15, No 83. P. 141-142.

таки навестить свои родные места, которые прежде клялся никогда больше не посещать¹⁹⁵. Генри Лоусон в этом рассказе создал образ суровой, трудной и требующей полной самоотдачи жизни на пятом континенте, которая, тем не менее, всегда будет дорога сердцам австралийцев.

В социально-политических условиях австралийских колоний приверженность индивидуализму и патриотизму проявлялась в активном стремлении к созданию гарантий самовыражения личности. Порукой тому должны были выступать, кроме всего, политические институты. Стремясь подчеркнуть демократизм утвердившихся в автономиях порядков, Паркс писал, что «англичане в Австралии наслаждаются полным равноправием, не отличающимся от тех свобод, которыми люди пользуются в США или любой другой стране. Каждый подданный короны ничем не хуже и не лучше другого, разве что он может иметь превосходство в гражданских добродетелях»¹⁹⁶.

Одновременно моральным условием самореализации субъекта являлся дух взаимопомощи, который вырабатывался прежде всего у жителей буша¹⁹⁷, как характерный элемент коллективного сознания социальной группы, где особую роль играло не прошлое ее членов, а их готовность совершить бескорыстный поступок. В такой среде формировался особый тип товарищества – «mateship», сочетавший индивидуализм каждого с равенством всех членов коллектива. По мнению известных исследователей, эгалитарные устремления поднялись в колониях в ходе противодействия изначально

¹⁹⁵ Лоусон Г. Нет милее родной страны // Генри Лоусон. Рассказы. Катарина Сусанна Причард. Девяностые годы. Перевод с английского. Сост. А. Петриковская. М.: Художественная литература, 1976. Стр. 88-92.

¹⁹⁶ Ibid. P. 140.

¹⁹⁷ Так европейские поселенцы называли незнакомый им ландшафт, состоящий из кустарников и низкорослых деревьев. Также «буш» обозначает незаселенную территорию.

существовавшей авторитарной системе управления¹⁹⁸, когда бывшие заключенные и их потомки боролись за обладание гражданскими правами, вырабатывая и распространяя понятия о равенстве. Жители буша восприняли и усилили эти идеи, которые помогали им выживать в тяжелых условиях.

Наконец, развитию идей равноправия способствовала постоянная потребность в рабочей силе и, как следствие, активная деятельность рабочих организаций, испытывавших мощное влияние английского тред-юнионизма. По обоснованному мнению Рассела Уорда, дух индивидуальной свободы подпитывался прибывавшими с Британских островов чартистами и другими радикалами, которые разделяли коллективистские настроения с борьбой за улучшение условий жизни и труда¹⁹⁹.

Сбалансированность индивидуализма мощным чувством братства лежала в основе ментальности австралийцев²⁰⁰, что сказывалось, например, на их отношениях с начальниками-англичанами, привыкшими к субординации, и в целом входило в конфликт с консервативными представлениями жителей метрополии. Французский исследователь рубежа XIX-XX вв. Л. Вигуру в данной связи писал: «Слуги, особенно служанки... не переносят того снисходительного, покровительственного тона, с каким относятся к ним в Европе... Встречая знакомого, австралиец редко наклоняет голову или снимает шляпу: лёгкий кивок головой направо или налево заменяет поклон, в чем следует видеть не знак почета, а простой акт вежливости. Человек, приветствующий так другого, сознает, что он ничем его не хуже»²⁰¹.

¹⁹⁸ Kapferer B., Morris B. The Australian Society of the State: Egalitarian Ideologies and New Directions in Exclusionary Practice // Social Analysis: The International Journal of Anthropology. 2003. Vol. 47, No. 3. P. 87.

¹⁹⁹ Ward R.B. The Australian Legend. Oxford University Press, Melbourne, 1978. P. 157.

²⁰⁰ James L. The Rise and Fall of the British Empire. London, 1998. P. 313.

²⁰¹ Цит. по: Мижуев П.Г. Счастливая Австралия. Социальное законодательство Австралии и его результаты. Пг., 1918. С. 201.

Подобное, несколько романтизированное восприятие этой эпохи, помимо прочего, выражалось в развитии новых тем и сюжетов в художественной литературе, отражавшей формирование самосознания австралийцев как общности людей особого характера, прошедшего через тяготы жизни в неизведанном ранее мире. К английской литературной традиции добавлялись специфически австралийские сюжетные линии и образы героев – «благородных разбойников» – бушрейнджеров, а также выживающих в суровых условиях фермеров и золотоискателей²⁰². Адам Линдсей Гордон, Генри Лоусон, Эндрю Бартон Патерсон по прозвищу «Банджо» стали родоначальниками и легендами австралийской литературы. Последний написал одну из самых известных австралийских песен, едва не ставшую официальным гимном страны, - «Вальсирующая Матильда». В ее основе лежит сюжет о бродяге, который украл овцу и предпочел умереть, чем сдать ее властям. Такие герои, гордые и независимые, пусть и конфликтующие с законом, находили сочувствие в австралийском обществе.

В данной связи становится понятно, почему в последней трети XIX в. распространилось представление о «настоящем» австралийце как о бушмене или диггере. Наиболее подробно этот образ проанализировал в своей работе Р. Уорд. Такой австралиец, в интерпретации Уорда, являл собой тип человека практичного, грубоватого и презирающего любого, кто проявляет чопорность и манерность. В случае необходимости он способен на многое, однако не обнаруживает интереса к работе без достаточной на то причины. Речь бушмена резка, его отличает увлеченность азартными играми, склонность к употреблению алкоголя, скептицизм к религии. Он считает себя ничем не хуже своего начальства и не признает никаких авторитетов, особенно военных и полицейских, за исключением спортсменов. В то же время, он очень

²⁰² Петриковская А.С. Культура Австралии: XIX - XX века. М., 2007. С. 24-28.

гостеприимен и предан своим товарищам в радости и беде, даже если считает, что они неправы²⁰³.

В художественной литературе также присутствует образ жены бушмена. К примеру, Генри Лоусон описал жизнь женщины, переехавшей с мужем (в русском переводе – «гуртовщиком») в буш и вынужденной надолго (иногда даже до полутора лет) оставаться одной с детьми. Автор изобразил различные сложности, с которыми героиня была вынуждена сталкиваться один-на-один: пожары и наводнения, атаки диких животных и болезни домашнего скота, при этом самым пугающим были визиты проходивших мимо бродяг, стремившихся остаться в ее доме. Как отмечает Лоусон, хотя безымянной героине его рассказа поначалу и не нравилась такая жизнь, теперь же она, оказавшись в другом месте, будет чувствовать себя чужой²⁰⁴. Так, и образ женщин в Австралии соответствовал представлениям о «типичном» представителе белого населения континента.

По убеждению современников, именно эти неоднозначные и довольно противоречивые качества выработывала в людях жизнь в суровых условиях дикой природы. Один из самых известных специалистов по истории Австралии Мэннинг Кларк подчеркивал, что австралийцы отрицали привилегии, данные по праву рождения. Они признавали преимущества, достигнутые благодаря профессиональной деятельности. Причем степень «престижности» богатства и положения, зависела от сферы, в которой они приобретены, образуя своеобразную иерархию: на первом месте шло овцеводство, затем производство сахара, далее – выращивание пшеницы и мукомольная промышленность²⁰⁵.

²⁰³ Ward R.B. The Australian Legend. Sydney, 1965. P. 1-2.

²⁰⁴ Лоусон Г. Жена гуртовщика // Генри Лоусон. Рассказы. Катарина Сусанна Причард. Девяностые годы. Перевод с английского. Сост. А. Петриковская. М.: Художественная литература, 1976. Стр. 40-47.

²⁰⁵ Clark C.M.H. A History of Australia. Vol. V. The people make laws. 1888-1915. Melbourne University Press, 1981. P. 131.

Однако, это ходячее представление о «типичном австралийце» плохо соотносилось с реальным образом жизни и нравами большинства населения последней трети XIX в.²⁰⁶ На первый взгляд, кажется парадоксальным, что аграрная экономика континента поддерживала необычно высокий уровень урбанизации: большинство австралийцев не было занято в сельском хозяйстве, и они жили в городах²⁰⁷. Причины этого крылись, помимо географических условий, в последствиях ссыльно-каторжного характера многих колоний, когда поселенцы сосредотачивались вокруг портов, являвшихся и административными центрами, а также в специализации аграрного сектора преимущественно на животноводстве, которое не требовало такого количества рабочей силы, как земледелие. Статистика говорит о том, что люди концентрировались не просто в городах, а в столицах, где проживало от 19 до 46% всего населения автономий²⁰⁸. Будучи в основном горожанами, австралийцы были далеки от представленного образа бушмена, хотя им нравилось верить, что в них есть «естественная склонность»²⁰⁹ к подобному поведению, отличавшему их от британцев. К примеру, австралийский журналист Джеймс Хоган в 1880 г. назвал основными характеристиками всех австралийцев стремление избегать интеллектуальных занятий, нежелание

²⁰⁶ Gollan R. Nationalism and Politics in Australia before 1855 // *The Australian Journal of Politics and History*. 1955. Vol. 1, Issue 1. P. 38.

²⁰⁷ Spillman L.P. *Nation and Commemoration. Creating National Identities in the United States and Australia*. Cambridge University Press, 1997. P. 27.

²⁰⁸ *Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900*. No. 1. Melbourne, 1908. P. 158.

²⁰⁹ Ward R.B. *The Australian Legend*. Sydney, 1965. P. 193.

признавать авторитет родителей и вышестоящих лиц, а также любовь к спорту²¹⁰.

В рассуждениях о жителях Австралии большое внимание уделялось и женщинам. Австралийки также считались выше и стройнее англичанок, с более звонкими голосами. Им, подобно мужчинам, приписывали страсть к физическим нагрузкам и особенно любовь к верховой езде и танцам²¹¹. Уилл Уитни подчеркивал симпатию мужчин-австралийцев к энергичным женщинам, занимающимся спортом и активным отдыхом вместе с мужьями²¹², в отличие от англичанок – «тепличных цветков». Таким образом, то, что в Великобритании называли «новыми женщинами» и относили к молодому поколению, в Австралии уже считали характерной чертой жительниц континента²¹³.

Суммируя свой опыт, австралийцы утверждали, что именно их ветвь англосаксонской расы является наиболее «чистой» и соответствующей «идеалу». Они представляли себя лучшими среди британцев, чьи отличительные особенности являются залогом успешного будущего жителей автономий²¹⁴.

Формирование австралийского национального самосознания, крепнущее чувство внутреннего единства жителей пятого континента стимулировало их организационное сплочение. С 1871 г. в Мельбурне начала

²¹⁰ Hogan J.F. The Coming Australian. Victorian Review. 1 November 1880 // Alomes S., Jones C. Australian nationalism: a documentary history. North Ryde: Collins/Angus & Robertson, 1991. P. 50.

²¹¹ Argus. 26 January 1888. P. 5.

²¹² Whitney W. M. Some Australian Characteristics / Prepared from the article published in Cosmos magazine. January 31, 1899. P. 4. Sydney: University of Sydney Library, 2001. P. 7.

²¹³ Welsh F. Australia: a new history of the great southern land. Woodstock and New York, 2006. P. 314.

²¹⁴ White R. Inventing Australia: images and identity, 1688-1980. Sydney; Boston: Allen & Unwin, 1981. P. 71.

работу Ассоциация уроженцев Виктории. Она была создана по образцу аналогичных сообществ в Англии. А всего год спустя она преобразовалась в Ассоциацию уроженцев Австралии.

На первом этапе своей деятельности эта организация представляла собой объединение для оказания взаимной помощи (в случае, например, болезни или смерти). В своем изначальном виде Ассоциация осознанно ставила себя вне каких-либо политических и религиозных движений²¹⁵. Спустя несколько лет сфера ее интересов расширилась благодаря включению в повестку дня вопросов охраны природы, повышения уровня грамотности белых австралийцев, изучения в школах истории Австралии, содействия развитию местной литературы и искусства, а также создания традиций национальных праздников. Таким образом, Ассоциация постепенно превращалась в центр зарождающегося австралийского национализма, помогая формированию собственной идентичности и распространяя эти идеи по всему континенту. В 1880-е годы организация еще дальше раздвинула границы своей деятельности и стала оказывать активное влияние на политику – в частности, сосредоточившись на крайне актуальной проблеме ограничения азиатской миграции (Ассоциация поддерживала политику «белой Австралии» вплоть до 1970-х гг.). При этом она официально продолжала декларировать невовлеченность в политические процессы, под которой понималось отсутствие прямой поддержки с ее стороны какой-либо конкретной партии²¹⁶.

С конца 1880-х годов целью организации стало создание федеративного союза австралийских колоний, как необходимого условия осуществления поставленных задач²¹⁷. Ассоциация поддерживала межколониальные конференции, проводила агитационные мероприятия в поддержку идеи

²¹⁵ Johnson J. The role of the Australian Natives' Association in the Federation of Australia. One Nation With One Destiny. Melbourne, 1984. P. 2.

²¹⁶ Age. 6 May 1890. P. 6.

²¹⁷ Ibidem.

федерации, а ее члены, занимая порой самые высокие должности в органах власти автономий, содействовали воплощению планов организации в жизнь. К 1900 г. Ассоциация насчитывала 150 отделений, а ее численность приближалась к 20 тыс. чел.²¹⁸

Изменения, происходившие в общественном сознании британских автономий, были следствием не только внутренних процессов, но и тесно связанной с ними трансформации международных отношений, преломлявшейся сквозь призму имперских и австралийских интересов. Крупнейшие державы Европы и США приобретали все больший вес на мировой арене и начинали на равных соперничать с Британией в экономической и военной сферах. Одновременно близился к завершению территориальный раздел мира, который сопровождался гонкой вооружений и обострял и без того высокую конкуренцию великих держав. Складывался новый баланс сил, где Великобритания уже не была недостижимым лидером.

Эта ситуация способствовала ускорению кризиса идеологии и практики классического либерализма. Возникла потребность переосмыслить роль государства, общества и личности по отношению друг к другу. Присущая традиционному либерализму политика минимального государственного вмешательства в экономику и социальную сферу, стратегия фритреда все больше не соответствовали задачам адаптации к быстро меняющимся условиям. В противоположность индивидуалистическим тенденциям происходило усиление коллективистских настроений, во многом связанных с обострением социальных противоречий. Одновременно нарастало влияние на политику и экономику националистических идей. Углубились и проблемы имперских отношений. «Старый» империализм фритреда все определеннее не способствовал укреплению единства метрополии и ее владений. Получившие автономию переселенческие колонии быстро наращивали свою

²¹⁸ Tsokhas K. Making a Nation State. Cultural Identity, Economic Nationalism and Sexuality in Australian History. Melbourne University Press, 2001. P. 31.

самостоятельность и, казалось, вскоре могли объявить о своей независимости. Великобритания в таком случае утратила бы большую часть своих территорий и, как представлялось, стала бы не способна далее играть роль мирового лидера. Таким образом, классический либерализм и его имперская концепция все меньше отвечали требованиям времени.

В сложившейся обстановке в метрополии и автономиях начинают появляться труды публицистов и ученых, пытавшихся осмыслить весь ход британской истории под новым углом зрения. Это было необходимо для того, чтобы спрогнозировать дальнейший путь развития империи и найти варианты сохранения своего лидерства на мировой арене. Ответ был найден в так называемой концепции «нового империализма». Среди ее теоретиков особо выделяются либеральный политик Чарльз Дилк, историки Джон Сили и Джеймс Фруд, канадский публицист Джордж Паркин. Их основной мыслью было убеждение в том, что главный итог, венец английской истории – это Британская империя. Ее внутренняя стабильность и внешняя безопасность зависели от консолидации всех составных частей. Именно в максимальном использовании тех возможностей, которые предоставляло Англии владение колониями, и особенно в эффективном взаимодействии метрополии и автономий, виделся сторонникам «нового империализма» выход из сложившихся трудностей. Обеспечить же такой союз был призван актуализированный концепт англосаксонской расы, обосновывавший кровное, а вместе с ним духовное, культурное, политическое единство жителей метрополии и переселенческих колоний.

Помимо центральной идеи единства англосаксов теория «нового империализма» включала в себя ряд социально-этических принципов, таких как культ силы, воли, борьбы, долга²¹⁹. Во главу угла ставилось не просто достижение наибольшего личного преуспеяния, а активное служение

²¹⁹ Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996. С. 39-40.

интересам благополучия общества и величия государства. Одновременно представление о моральном долге означало и ответственность перед колониями, прекращение «замыкания» Великобритании на своих узко понимаемых «эгоистических» интересах.

Эта концепция стала обретать растущую популярность в политических кругах, особенно среди консерваторов. Благодаря поддержке Б. Дизраэли к концу 1880-х гг. идеи сторонников укрепления единства Британии и ее владений, как и сами понятия империи и империализма, стали входить в политический лексикон в позитивном значении²²⁰.

Конкретной формой политического объединения Великобритании и автономий должен был стать союз федеративного типа. Однако, как создать такой союз, каким образом гармонизировать интересы метрополии и самоуправляющихся колоний, не говоря о том, что такое «имперская федерация» и возможна ли она в принципе – эти вопросы были в последней трети XIX в. предметом бесконечных споров. Единственное, в чем мнения федералистов безоговорочно совпадали, так это в либеральной политической основе будущего союза и незыблемости прав автономий.

Определенным итогом широких дискуссий стало формирование круга лиц, готовых взять на себя инициативу практического воплощения представлений о единстве империи. В июле 1884 г. состоялась первая встреча инициаторов реконструкции имперских отношений, а спустя несколько месяцев, возникла организация под названием «Лига Имперской Федерации». Восемнадцатого ноября 1884 г. под председательством Уильяма Эдварда Фостера, депутата британского парламента и «одного из самых уважаемых политиков Соединенного королевства»²²¹, в Лондоне прошла учредительная конференция Лиги. Всего присутствовало около 50 человек, представителей как британских, так и колониальных сторонников укрепления имперского

²²⁰ Там же. С. 31-32.

²²¹ Capricornian. 17 January 1885. P. 13.

единства. От имени временного комитета с докладом выступил Фостер. Он информировал участников об интересе, проявленном к конференции во всех частях света, что подтверждалось, в частности, уже собранными членскими взносами в сумме 275 ф. ст.²²² Поскольку вступить в организацию мог любой британский подданный, разделявший ее цели и уплативший ежегодный взнос в 1 шиллинг, то к открытию уставной конференции можно говорить о 5,5 тыс. сторонников Лиги (хотя вероятнее всего эта цифра была скромнее, так как желающие могли вносить сумму, превышающую предусмотренный минимум).

На конференции было заявлено, что целью Лиги является защита единства империи путем преобразования ее в федеративный союз. Особо подчеркивалось, что ни одна модель федерации не должна ущемлять права существовавших на тот момент законодательных собраний колоний. Наряду с индивидуальным членством, приветствовалось создание во всех частях Британской империи местных филиалов Лиги. В качестве методов работы предлагались: сбор статистики и иных материалов, имеющих отношение к задачам организации, их максимально широкое обсуждение (для этого с 1886 г. издавался журнал «Империял федерейшн», который доставлялся по всей империи по подписке), проведение лекционных кампаний, а также обмен взглядами сторонников имперской федерации в Соединенном Королевстве и колониях на конференциях и иных мероприятиях.

Идея имперской федерации начала находить своих сторонников в высших эшелонах власти. Одними из самых ярких фигур в федералистском движении того времени являлись лорд Розбери и Джозеф Чемберлен. Розбери, руководивший Лигой с 1886 г. до 1892 г., в 1894-1895 гг. занимал пост премьер-министра Великобритании, а Чемберлен, ярый адепт имперской интеграции, с 1895 г. по 1903 г. возглавлял министерство по делам колоний.

²²² Brisbane Courier. 2 January 1885. P. 6.

Австралия не оставалась в стороне от этих набирающих популярность идей. Первые упоминания об имперской федерации начали появляться в австралийской прессе достаточно рано, в том числе благодаря принятой в то время практике публикации материалов из британских изданий. «Сидней Морнинг Геральд» в 1862 г. перепечатала статью из «Таймс», в которой комплексно рассматривались темы политического кризиса в США, миграции и «пользы» колоний для империи в целом. Признавая за ними важную роль, автор статьи развивал мысль о том, что все колонии без исключения желают союза с метрополией на более тесной основе, и на данный момент в их отношениях наблюдается высочайшая за всю историю степень единодушия. Поэтому в тексте «имперская федерация» упоминалась как уже вполне сложившееся добровольное объединение народов. Единственным вопросом, препятствовавшим достижению полного согласия, считалось обеспечение имперской обороны, поскольку существовавшая система не удовлетворяла ни колонии, ни метрополию²²³.

Особое внимание общественности к проблемам будущего империи на рубеже 1860-1870-х годов было привлечено в связи с решением кабинета У. Гладстона не только вывести войска из Новой Зеландии, где долгое время шли войны с маори, но и предельно сократить военное присутствие в австралийских и других самоуправляющихся колониях. Это вызвало широкую дискуссию, получившую название «имперская паника»: настолько современники опасались того, что уход военных подразделений метрополии из автономий подорвет оборону империи и приведет к ее распаду. Австралийская пресса писала о «тирании колониал офис», которая, если подобное пренебрежение интересами «белых» колоний продолжится, направит последних на неизбежный путь обретения независимости²²⁴. В автономиях даже звучала тревога по поводу угрозы вторжения в Австралию,

²²³ Sydney Morning Herald. 29 December 1862. P. 2.

²²⁴ South Australian Chronicle and Weekly Mail. 16 April 1870. P. 8.

например, в случае войны с Францией или Россией, сопровождавшаяся критикой автора реформы военного министра Э. Кардвелла, якобы верившего, что «благородство врага» не позволит тому претендовать на беззащитные владения²²⁵. Но, в первую очередь, в оставлении британскими войсками колоний виделась опасность для самой метрополии, которая, как писали газеты, не дорожит далекими провинциями, не видит всей их пользы и жалеет малые суммы на содержание контингентов, способных одним своим присутствием олицетворять единство империи²²⁶.

Тем не менее, автономии не желали ослабления связей со «страной-матерью», всячески стремясь сохранять верность англосаксонским идеалам. В складывавшихся обстоятельствах этому, в частности, эффективно способствовало колоссальное расширение информационного пространства, быстро устранявшее ту относительную изоляцию, в которой Австралия находилась вплоть до середины XIX в. Благодаря развитию инфраструктуры поток новостей со всех концов света увеличивался буквально на глазах. Количество печатных изданий быстро росло, а вместе с ними менялся и качественный подход к подаче и распространению новостей.

В последней трети XIX в. набирал силу так называемый «новый журнализм» – доступный и персонально окрашенный способ публикации²²⁷. Все шире развивались неизвестные ранее формы и способы журналистской деятельности – появлялись специальные корреспонденты, репортеры часто отправлялись в путешествия по заданию редакций в далекие страны, а лондонские газеты нанимали журналистов в колониях²²⁸. Настоящим воплощением имперской маскулинности стали военкоры, которые часто вели

²²⁵ Adelaide Observer. 23 July 1870. P. 13.

²²⁶ Kiama Independent, and Shoalhaven Advertiser. 25 August 1870. P. 4.

²²⁷ Griffiths A. The New Journalism: the New Imperialism and the Fiction of Empire, 1870 – 1900. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 7.

²²⁸ Potter S.J. News and the British World: The Emergence of an Imperial Press System, 1876-1922. Oxford University Press, New York, 2003. P. 22.

свои репортажи из зон боевых действий²²⁹. Во время Крымской войны британские корреспонденты начали использовать фотографии в своих публикациях для формирования у читателей положительного образа британских военных²³⁰. Также весьма популярными в имперском информационном поле были и спортивные известия. Пресса приходила на помощь, когда наблюдение с трибуны оказывалось невозможно. Большинство газет уделяло значительное внимание обзорам матчей и результатам различного рода соревнований, доводя до сведения читателей подробности спортивных баталий.

Долгое время «кабельные» новости были весьма дороги для приобретающих их газет, поскольку телеграфными линиями владели частные компании-монополисты. Однако, в 80-е годы XIX в. цены снизились благодаря вмешательству государства – власти получали скидки на телеграфные услуги в обмен на госсубсидии при прокладке новых линий²³¹. Появились имперские агентства, такие как «Рейтер», которые аккумулировали и продавали иностранные новости колониальным газетам от 50 слов в день (такой объем был самым дешевым)²³². Примечательно, что «Рейтер» также получал дополнительное финансирование от властей колоний за распространение известий о них по всей империи²³³.

Еще одной возможностью для жителей колоний и метрополии узнать больше друг о друге стали популярные во второй половине XIX в. выставки. Известные еще с XVIII в. как экспозиции достижений сельского хозяйства и

²²⁹ Griffiths A. *The New Journalism: the New Imperialism and the Fiction of Empire, 1870 – 1900*. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 7.

²³⁰ *Encyclopedia of Journalism*. Ed. by Sterling C. H. Thousand Oaks, Calif.: SAGE, 2009. P. 1060.

²³¹ Potter S.J. *News and the British World: The Emergence of an Imperial Press System, 1876-1922*. Oxford University Press, New York, 2003. P. 29.

²³² *Ibid.* P. 30.

²³³ *Ibid.* P. 88.

промышленности, подобные мероприятия вскоре начали использоваться в качестве площадки для демонстрации прогресса колоний, они также превратились в места общественного просвещения и увеселений²³⁴. Выставки отражали идеи, образы и практики, свойственные как имперским, так и национальным парадигмам мышления. «Они представляли собой идеализированную модель отношения внутри нации и империи», и в этом современный исследователь П. Хоффенберг увидел то самое «воображаемое сообщество», концепцию которого разработал Бенедикт Андерсон²³⁵.

Первая подобная выставка состоялась в 1851 г. в Лондоне, но тогда не все австралийские колонии приняли в ней участие. Однако уже на Парижской 1855 г., Кенсингтонской 1862 г. и Дублинской 1865 г. всемирных выставках они, за редким исключением, демонстрировали свои экспозиции и старались показать себя с наилучшей стороны²³⁶. При этом нередко случались курьезы. К примеру, на Парижской выставке французы проявили такую малую осведомленность об Австралии, что найденное там золото принимали не иначе как за калифорнийское. Более того, даже представители Великобритании показали тогда весьма скромные познания о пятом континенте. Многие из них удивлялись, когда узнавали, что на его территории сосуществуют несколько отдельных колоний²³⁷. А британские организаторы и вовсе указали Сидней в качестве столицы Южной Австралии и всячески доказывали австралийцам свою правоту²³⁸. Несмотря на это, авторы газетных статей были уверены в пользе выставок для Австралии, поскольку она, попав в фокус внимания зарубежных стран, могла таким образом заявить о себе на международном

²³⁴ Morgan C. *Building better Britains?: settler societies within the British empire, 1783-1920*. University of Toronto Press, 2017. P. 154-155.

²³⁵ Hoffenberg P.H. *An Empire on Display: English, Indian and Australian Exhibitions from the Crystal Palace to the Great War*. University of California Press, 2001. P. 3.

²³⁶ *Ibid.* P. 9.

²³⁷ *Colonial Times*. 20 September 1855. P. 2.

²³⁸ *Sydney Morning Herald*. 30 November 1855. P. 4.

уровне²³⁹. Постоянно звучали предложения о том, что на этих выставках австралийским колониям надо выступать вместе. Так, получив в 1874 г. приглашение на международную выставку в Филадельфии, колонии встали перед задачей «не ударить в грязь лицом»: «Американцы не знают и не должны узнать, что существует хоть малейшее расхождение между колониями Австралии, - писала аделаидская газета «Экспресс энд Телеграф». - США пригласили нации участвовать в международной, а не межколониальной выставке, ... поэтому они [автономии – *E.C.*] должны выступать как нация, и именно как австралийская нация»²⁴⁰. Тем не менее, в отчетах, составленных по итогам выставки, все же фигурировали три обособленные австралийские автономии (Новый Южный Уэльс, Квинсленд и Тасмания)²⁴¹.

Демонстрации достигнутого колониями прогресса помогал их энтузиазм и оптимизм, желание найти собственные внешние рынки, обрести больше экономической самостоятельности. В рамках выставочных мероприятий поднимался вопрос о развитии межколониальной, имперской и даже международной торговли напрямую, без посредничества метрополии. С этой целью автономии стремились исправить превратный образ Австралии, бытовавший в сознании жителей других стран. Последние обычно представляли себе расположенные там колонии как места с доиндустриальной экономикой, жестоким фронтиром и засильем ирландцев-католиков²⁴². Так, посредством проявления имперской и колониальной идентичности, выставки не только связывали производителей и потребителей в имперский рынок, сохранявший и институционализировавший расовые и национальные

²³⁹ Colonial Times. 20 September 1855. P. 2; Sydney Morning Herald. 30 November 1855. P. 4.

²⁴⁰ Express and Telegraph. 20 July 1874. P. 2.

²⁴¹ Ingram J.S. The Centennial Exposition, described and illustrated. Philadelphia, 1876. P. 421-426.

²⁴² Hoffenberg P.H. An Empire on Display: English, Indian and Australian Exhibitions from the Crystal Palace to the Great War. University of California Press, 2001. P. 136.

различия²⁴³, но и содействовали налаживанию контактов автономий с внешним миром. Событиями, выходящими за рамки обыденности, были открытия на территории Австралии консульств зарубежных государств. США основали свое первое представительство в 1836 г., Франция – 1842, Швейцария – 1855, Германия – 1879, Япония – 1896. Россия впервые назначила внештатных консулов в 1857 г., а штатного – в 1893 г.

Расширение системы коммуникаций, стремительно приобретающих глобальный характер, содействовало развитию связей между метрополией и колониями на всех уровнях, включая близких родственников царствующей особы. Английские монархи издавна использовали официальные и неофициальные визиты в колонии как средство повышения своей популярности среди подданных. Канаду члены королевской семьи начали посещать с конца XVIII в. Теперь британская элита хотела использовать институт монархии в интересах сплочения империи. С 1860-х гг. поездки представителей правящей династии в заморские владения положили начало традиции, сохраняющейся и по сей день. Первый же визит членов королевского дома в Австралию состоялся в 1867-1868 гг. Принц Альфред, второй сын королевы Виктории, незадолго до этого назначенный капитаном парового фрегата «Галатея», получил приказ совершить кругосветное путешествие. В рамках этого вояжа принц около пяти месяцев провел в Аделаиде, Брисбене, Мельбурне и Сиднее. Разумеется, колонии следили за тем, какие приготовления к визиту принца были сделаны их соседями, и практически соревновались между собой в том, кто лучше справится с ролью гостеприимных хозяев²⁴⁴.

Еще задолго до прибытия «Галатеи» газеты писали о том, что грядущий визит станет символическим отражением прогресса колоний и оставит в прошлом те времена, когда их имя «упоминалось со стыдом и

²⁴³ Ibid. P. 20-21.

²⁴⁴ Adelaide Observer. 20 July 1867. P. 6.

отвращением»²⁴⁵. Одно такое мероприятие, как утверждали журналисты, может сделать больше для развития сердечной привязанности метрополии и колоний, чем все многолетние труды генерал-губернаторов²⁴⁶.

В программу этого и последующих визитов обязательно включались официальные приемы, марши и парады, посещение госпиталей, школ и производственных предприятий, организация благотворительных сборов, торжественная закладка различных общественных зданий, а также демонстрация локальной «экзотики» – посещение музеев с необычными экспонатами, поездки в «настоящую», то есть загородную, Австралию и охота на местных животных²⁴⁷.

В 1881 г. Австралия принимала еще двух членов королевской семьи – принца Джорджа (внука королевы Виктории, будущего короля Георга V) и его брата принца Альберта Виктора, которые в то время проходили службу на флоте²⁴⁸. Это событие, хоть и вызвало широкий общественный интерес, отличалось гораздо меньшим ажиотажем, чем предыдущий визит. Принцы были слишком юны (им было 15 и 17 лет), и не выступали как официальные представители королевы. Вдобавок, находясь на службе, они не были свободны в своих перемещениях и не могли участвовать во всех мероприятиях.

Несмотря на это, даже рупор радикального крыла австралийского национализма журнал «Буллетин» освещал визит принцев в положительных тонах. Для него посещение Австралии членами королевской семьи являлось свидетельством того, что «более тесные отношения между метрополией и ее «южной дочерью» находятся в процессе становления»²⁴⁹. Вдобавок, этот знак

²⁴⁵ Empire. 25 June 1867. P. 4.

²⁴⁶ South Australian Register. 1 November 1867. P. 2.

²⁴⁷ Connors J. Royal visits to Australia. Canberra: National Library of Australia, 2015. P. 7.

²⁴⁸ Reed Ch. V. Royal tourists, colonial subjects and the making of a British world, 1860-1911. Manchester University Press, 2016. P. 23-24.

²⁴⁹ Bulletin. Vol. 6, No. 71. 4 June 1881. P. 1.

внимания рассматривался как признание прогресса, достигнутого колониями, о которых полвека назад в Британии знали лишь власти и ученые²⁵⁰.

В конце 1880-х годов вновь появились исключительно удобная возможность для демонстрации как монархической лояльности, так и стремления к обновлению имперских отношений. В 1887 г. в Лондоне проходило празднование 50-летнего юбилея правления королевы Виктории. В ходе пышных торжеств представители колоний вовлекались в символичное общеимперское действо и присутствовали как неотъемлемая часть Британской империи на парадах, выставках и других мероприятиях²⁵¹. В австралийских средствах информации это событие вызвало большой интерес. Телеграфные сообщения описывали ход торжественной процессии в Лондоне и другие праздничные мероприятия. Публиковались хвалебные оды и поздравления королеве²⁵². Колонии и сами не остались в стороне, стараясь каждая на свой манер отметить знаменательное событие. Например, в Южной Австралии состоялись торжественные церковные службы²⁵³, в Сиднее – праздничная иллюминация из бенгальских огней и китайских фонариков²⁵⁴, а в пригороде Мельбурна – Норткоте – детская процессия и пикник²⁵⁵.

Наряду с торжествами, Лига Имперской Федерации инициировала проведение первой имперской конференции – официального межправительственного совещания представителей метрополии и самоуправляющихся колоний, куда были приглашены и делегаты от всех австралийских автономий. Из 36 ее участников 15 представляли Австралию²⁵⁶.

²⁵⁰ Ibidem.

²⁵¹ Trainor L. *British Imperialism and Australian Nationalism: Manipulation, Conflict and Compromise in the Late Nineteenth Century*. Cambridge University Press, 1994. P. 69.

²⁵² См., например: *Daily Telegraph*. 21 June 1887. P. 2.

²⁵³ *Adelaide Observer*. 25 June 1887. P. 2.

²⁵⁴ *Australian Town and Country Journal*. 25 June 1887. P. 14.

²⁵⁵ *Mercury and Weekly Courier*. 1 July 1887. P. 3.

²⁵⁶ *The Imperial conference of 1887, with a preface*. London, 1887. P. 7-8.

В ходе конференции состоялись переговоры между премьерами автономий и британским руководством. Во время этих встреч обсуждались наиболее актуальные для колоний вопросы: военно-морская оборона, политические и коммерческие отношения с метрополией, инвестиции в колонии, прокладка тихоокеанского телеграфного кабеля, «цветная» иммиграция. Стоит отметить, что вопрос об имперской федерации еще на стадии организации конференции был исключен из повестки дня, несмотря на отчаянные усилия Лиги. Все совещания носили конфиденциальный характер, за исключением случаев оглашения резолюций.

Следующий 1888 г. дал еще один повод задуматься о судьбах империи и, в частности, ее владений в Австралии. Это был столетний юбилей английской колонизации пятого континента. Идея такого праздника пришла из США, которые в 1876 г. отметили столетие своей независимости. Инициаторами и главными организаторами торжеств являлись правительства автономий, в первую очередь Нового Южного Уэльса и Виктории, что отличает Австралию от Америки, где подобные события прошли благодаря множеству независимых частных обществ²⁵⁷. Однако стоит отметить, что наряду с властями большую роль как в устройении, так и в проведении праздника сыграла Ассоциация уроженцев Австралии.

В метрополии это событие не нашло значительного отклика. Несколько лондонских газет («Глоуб», «Дэйли Ньюс», «Дэйли Хроникл», «Стандарт» и «Дэйли Телеграф») опубликовали поздравления и статьи, посвященные юбилею²⁵⁸, а также поместили краткие репортажи о банкете, организованном в столице Великобритании сиднейским предпринимателем и финансистом

²⁵⁷ Spillman L.P. *Nation and Commemoration. Creating National Identities in the United States and Australia*. Cambridge, 1997. С. 51.

²⁵⁸ *South Australian Advertiser*. 27 January 1888. P. 5.

Ф. Дангаром²⁵⁹. Офисы генеральных агентов²⁶⁰ всех австралийских автономий в Лондоне приостановили свою работу в честь праздника²⁶¹.

В самой же Австралии юбилейные мероприятия прошли гораздо более масштабно. В основном, по сообщениям газет, это были банкеты, встречи общественных организаций, театральные постановки, иллюминации и фейерверки. В центре событий – Сиднее – прошло торжественное открытие городского парка и монумента королеве Виктории, а также пышный официальный банкет. Как ни парадоксально, на нем премьер Нового Южного Уэльса Г. Паркс призывал собравшихся к выражению лояльности Британии, империи и англосаксонской расе, но отнюдь не единству австралийцев, перспектива которого рисовалась ему лишь в неопределенном будущем²⁶². В то же время, мельбурнская газета «Аргус», отдавая дань англосаксонской солидарности, говорила об объединении Австралии как первом шаге к созданию имперской федерации, чем примиряла «националистов» и «империалистов»²⁶³.

Но, пожалуй, самое важное значение имела состоявшаяся в Мельбурне международная выставка, в которой приняли участие как различные части Британской империи, так и внушительная группа иностранных государств. Своих официальных представителей для обустройства соответствующих экспозиций прислали Великобритания (отдельно были представлены австралазийские колонии, а также британская Новая Гвинея, Фиджи и Сейшельские острова), Германия, Франция, Австро-Венгрия, Бельгия, Италия и США. Неофициально были представлены еще около двадцати стран, включая Россию, а также Британская Индия, Канада и другие доминионы и

²⁵⁹ Argus. 28 January 1888. P. 12.

²⁶⁰ генеральный агент – представитель интересов самоуправляющейся колонии перед британскими властями, финансируемый направившим его в Лондон правительством.

²⁶¹ South Australian Register. 26 January 1888. P. 5.

²⁶² Brisbane Courier. 27 January 1888. P. 6.

²⁶³ Argus. 26 January 1888. P. 4.

колоний²⁶⁴. Выставка пользовалась огромной популярностью и привлекла внимание свыше 2 млн. человек²⁶⁵.

Еще более масштабные празднования сопровождали бриллиантовый юбилей правления королевы в 1897 г. Если в 1887 г. в центре событий оказались монаршие особы европейских домов, то в 1897 г. (во многом, по финансовым соображениям и настроениям самой Виктории, а также стараниями нового госсекретаря колоний Джозефа Чемберлена²⁶⁶) внимание было сосредоточено на империи²⁶⁷. На празднование были приглашены представители всех самоуправляющихся и коронных колоний. Шествие кортежа королевы по улицам Лондона сопровождалось военными контингентами из разных частей империи, в том числе и из Австралии. Прежде чем выйти из Букингемского дворца, Виктория, в соответствии с духом происходивших перемен, отправила во все владения империи телеграмму: «От всего сердца благодарю моих возлюбленных подданных. Благослови вас Господь!»²⁶⁸

Итак, в последней трети XIX в. процесс преодоления австралийскими автономиями своей «провинциальности» заметно ускорился. Хотя и не без проблем, жители переселенческих колоний все определеннее воспринимали себя представителями единой гражданской общности. Ее характеристики во многом являлись результатом трансформации, которую под влиянием специфических условий пятого континента претерпевали социально-

²⁶⁴ Official Record of the Centennial International Exhibition, Melbourne, 1888-1889.

Melbourne: Sands & McDougall, 1890. P. 133.

²⁶⁵ Report of the Executive Commissioners for the Centennial International Exhibition of 1888, together with an account of income and expenditure. Melbourne, 1891. P. 7.

²⁶⁶ Arnstein W.L. Queen Victoria. New York, 2003. P. 188.

²⁶⁷ Arnstein W.L. Queen Victoria's Diamond Jubilee // The American Scholar. 1997. Vol. 66, No. 4. P. 595.

²⁶⁸ Plunkett J. Queen Victoria: First Media Monarch. Oxford, Oxford University Press, 2003. P. 240.

психологические, культурные и даже физические особенности, присущие, как считалось, англо-саксонской расе. Это позволило современникам заявить о выделении новой, особой австралийской нации и искать пути для ее институционализации в рамках империи.

Во второй половине XIX в. в Австралия вступила в период формирования общества современного типа. Специфика развития располагавшихся там автономных колоний состояла в свободе от пережитков доиндустриального периода, единстве происхождения значительной части населения, определяющем культурном влиянии британских традиций, что делало их довольно однородными обществами. При этом их специфическими чертами, сформировавшимися под влиянием условий пятого континента, стали идеи эгалитарности, коллективизма и взаимоподдержки. Данные обстоятельства оказывали глубокое, перманентное воздействие на процесс складывания национальной идентичности, основанной как на чувстве принадлежности к великой империи и англосаксонской расе, так и на осознании себя особым сообществом, добившимся впечатляющего прогресса и потому достойным признания со стороны метрополии.

Важным фактором, ускорившим развитие Австралии, оказалось открытие крупных залежей золота, которое позволило перейти от фазы первоначального накопления капитала к бурному экономическому росту, соответствующему эпохе промышленного переворота. В основе данного процесса лежали утверждение самоуправления и увеличение численности населения, укрепление финансовой самодостаточности и приток английских инвестиций, рост технических возможностей и развитие инфраструктуры, расширение внутреннего и имперского рынка, а также вхождение в сферу мировых хозяйственных связей. Все это способствовало усилению позиций средних слоев населения, которые успешно добились либерализации политической сферы и введения самого передового в мире на тот момент социального законодательства. Можно согласиться, что история Австралии

последней трети XIX в. действительно «представляет собой непрерывный процесс демократизации общественных учреждений»²⁶⁹ и яркий, своеобразный пример успешной модернизации общества, постепенно продвигавшегося по пути становления национальной государственности.

Таким образом, за последнюю треть XIX в. британские автономии в Австралии резко увеличили свой общий потенциал, объективно превратившись в ценного союзника метрополии и ее надежный плацдарм в юго-западной части Тихого океана и на подступах к Азии. В складывавшихся условиях перемен, назревавшие в имперских отношениях и на мировой арене, явно стимулировали активность австралийского национализма, его стремление к реализации собственных, все более отчетливо сознаваемых экономических и геополитических интересов.

²⁶⁹ Мижув П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902. С. 122.

Глава 2. Вызовы австрало-британских отношений: «колониальный» национализм и великодержавный империализм в поисках эффективного взаимодействия

§ 1. Территориальный раздел Океании в контексте имперских отношений

Неравномерность развития и, как следствие, острая конкуренция среди великих держав ярко проявились в ходе территориального раздела мира, развернувшегося в последней трети XIX в. Причины колониальной «гонки» диктовались потребностями не только экономического и военно-политического характера, но и соображениями международного престижа. Приоритетными направлениями экспансии Великобритании в это время являлись Восточная и Южная Африка, страны Персидского залива, территории, прилегающие к Индии, а также Дальний Восток. При этом, чем острее Великобритания ощущала давление со стороны своих соперников, тем очевиднее просматривалась тенденция ее политики компенсировать слабеющую военно-экономическую мощь при помощи колониальных приобретений в наиболее богатых и стратегически важных регионах мира.

Постепенно Австралазия также превращалась в арену напряженной борьбы европейских держав и США за островные территории, контроль над которыми обещал большие преимущества. Британские колонии в Австралии, переживавшие в конце XIX в. период модернизации и формирования национальной идентичности, не могли держаться в стороне от событий, которые имели прямое отношение к их судьбе. Развивавшиеся там государственные образования не желали оставаться лишь объектами политики, а пытались проявить самостоятельность, в первую очередь, когда дело касалось территориального раздела Океании. Исходя из складывавшегося у них комплекса интересов, они заявляли претензии на свою

«долю» добычи, которую намеревались разделить между собой великие державы.

Наиболее значимым побудительным мотивом экспансии для австралийцев становилось осознание стратегической важности островов и необходимость контроля за коммуникациями. Особую озабоченность в этой связи вызывала Новая Гвинея. Географически близкий к ней Квинсленд проявлял крайнюю заинтересованность в данной территории, обладание которой позволило бы «охранять» путь в Лондон через острова Торрессова пролива²⁷⁰. Роль Новой Гвинеи была понятна и другим колониям. Например, по утверждению «Тасмэниан Трибьюн», захват острова являлся обязательным условием безопасности автономий, поскольку «любая сила, контролирующая проливы, сможет закрыть их для нашей торговли»²⁷¹.

К приобретению островов и близлежащих, и весьма удаленных от пятого континента, австралийцев также подталкивали соображения престижа. Председатель Верховного суда Виктории Дж. Хайинботэм открыто утверждал, что каждый цивилизованный народ имеет право оккупировать любой незанятый другим цивилизованным народом остров где бы то ни было. Лишь правовой статус колоний, с сожалением признавал Хайинботэм, не позволяет им в полной мере воспользоваться этим правом и требует искать посредничества метрополии в вопросах аннексии²⁷². Именно Виктория проявляла особую щепетильность в делах, связанных с собственным престижем. Согласно бытовавшему там мнению, между ее значимостью и скромными размерами существовала явная диспропорция, которая могла быть устранена путем аннексии всех свободных островов в Тихом океане²⁷³.

²⁷⁰ McLean D. *The Prickly Pair: Making Nationalism in Australia and New Zealand*. University of Otago Press, 2003. P. 68-69.

²⁷¹ *Tasmanian Tribune*. 24 June 1875. P. 3.

²⁷² G. Higinbotham. *For the Annexation of New Guinea // Australia speaks: an anthology of Australian speeches* / ed. by A.L. McLeod. Sydney, 1969. P. 45.

²⁷³ *Herald*. 22 July 1878. P. 3.

Еще одной причиной стремления к обладанию новыми территориями была экономическая выгода. В этом смысле на острова возлагались надежды как на источники различных ресурсов. Разумеется, наиболее желанными для европейцев являлись залежи драгоценных металлов, найти которые рассчитывали, например, на Соломоновом архипелаге. Помимо месторождений полезных ископаемых тихоокеанские острова могли предоставлять и другие блага. Так, подконтрольная Франции Новая Каледония, наряду с залежами никеля и железа, обладала плодородными землями. Фиджи привлекал скупщиков сандала и ловцов трепангов, острова Торрессова пролива – искателей и торговцев жемчугом. Другие острова и близлежащие акватории были удобны для рыболовов и китобоев. Но, пожалуй, одним из самых выгодных объектов размещения инвестиций для австралийских предпринимателей являлась сложившаяся на Фиджи весьма прибыльная сахарная промышленность²⁷⁴.

Дополнительным доводом в пользу экономической целесообразности приобретения островов было то, что туземцы представляли собой дешевую рабочую силу. Особую активность в деле их вербовки на заработки проявляли предприниматели Квинсленда, где с 1864 г. началось масштабное производство сахара. На тростниковых плантациях трудились в основном жители соседних островов, главным образом – Новых Гебридов²⁷⁵. Их положение, несмотря на формальное наличие договора, можно сравнить с рабским или близким к таковому. Продолжительность рабочего дня, условия жизни и труда не регулировались, запрещены были любые неповиновения приказам, а также требования увеличения заработной платы и создание профсоюзов²⁷⁶. И это не говоря о том, что так называемая вербовка в лучшем

²⁷⁴ Thompson R.C. *Australian Imperialism in the Pacific. The expansionist era 1820-1920.* Melbourne University Press, 1980. P. 5.

²⁷⁵ *Ibid.* P. 82.

²⁷⁶ Saunders K. *Workers in Bondage: The Origins and Bases of Unfree Labour in Queensland 1824-1916.* University of Queensland Press, 1982. P. 74.

случае представляла собой мошенничество, но чаще являлась неприкрытым похищением, сопряженным с разбоем и убийствами²⁷⁷.

Со временем власти начали противодействовать такой бесчеловечной системе. Акт о защите полинезийцев 1872 г., принятый британским парламентом, был направлен против похищения аборигенов. Согласно этому закону, никто без лицензии губернатора какой-либо австралазийской колонии (включая Фиджи с 1874 г.) или британского консула на любом из островов, не имел права вербовать коренных жителей. Гарантом тому, в частности, являлась английская тихоокеанская эскадра, выполнявшая функции морской полиции²⁷⁸. Интересно, что именно стремление искоренить практику насилия в отношении туземцев стало еще одним из аргументов тех, кто агитировал за аннексию Великобританией островов Океании. С их точки зрения, только переход этих территорий под британскую юрисдикцию мог воспрепятствовать фактической торговле людьми²⁷⁹.

Однако экономическую привлекательность островов не стоит переоценивать. К примеру, обнаруженного в 1878 г. на Новой Гвинее золота оказалось слишком мало для начала «лихорадки». Более того, широко известный в империи австралийский публицист британского происхождения Чарльз Пирсон с полной определенностью писал, что ни англичане, ни немцы никогда не смогут колонизировать Новую Гвинею. По его убеждению, вызывала сомнения способность европейцев вообще когда-нибудь достаточно адаптироваться к жизни и работе в столь жарком климате²⁸⁰. Другие привлекательные для хозяйственного освоения острова, например, Новые

²⁷⁷ Массов А.Я. «Охота на черных дроздов» на побережье Новой Гвиней в 1883-1884 годах // Проблемы истории Океании. Сборник научных трудов. Иркутск, 1987. С. 47-49.

²⁷⁸ Willard M. History of the White Australia policy to 1920. Melbourne, 1967. P. 189.

²⁷⁹ Thompson R.C. Australian Imperialism in the Pacific. The expansionist era 1820-1920. Melbourne University Press, 1980. P. 35.

²⁸⁰ Pearson Ch.H. National Life and Character: A Forecast. London and New York: Macmillan and Co., 1894. P. 17.

Гебриды, часто подвергались воздействию разрушительных природных катаклизмов. В итоге полноценная колонизация этих территорий к 1880-м гг. все еще не развернулась²⁸¹. Тем не менее, общественный настрой в пользу расширения владений в южной части Тихого океана лишь нарастал. Периодическая печать автономий продолжала привлекать особое внимание к Новой Гвинее, которая объявлялась «таким же австралийским островом, как и Тасмания, только в десять раз больше»²⁸². «Не может быть никаких сомнений, – утверждалось в прессе, – что Новая Гвинея – это большая и плодородная территория, изобилующая самыми разнообразными ресурсами, дающими возможность для предпринимательства во многих направлениях»²⁸³.

Тихоокеанские острова представляли интерес и для проповедников из Австралии, стремившихся распространять там свою веру. Они всячески протестовали против французских миссионеров-католиков, которые, по их мнению, занимались христианизацией местного населения негуманными методами исключительно с целью подчинения аборигенов контролю со стороны Франции, дабы иметь возможность сослать туда заключенных²⁸⁴. Миссионеры утверждали, что британская аннексия островов благоприятно повлияла бы на местных жителей, уберегла их от ужасов работорговли и заодно соответствовала интересам Австралии²⁸⁵.

И все-таки, самым широко обсуждаемым в печати стимулом для экспансии было опасение упустить время и дать возможность другим странам захватить наиболее экономически и стратегически ценные территории. Подобная перспектива представлялась потенциальной угрозой для всей Австралии, а через это – и Британской империи в целом.

²⁸¹ Thompson R.C. *Australian Imperialism in the Pacific. The expansionist era 1820-1920.* Melbourne University Press, 1980. P. 49.

²⁸² *Northern Argus*. 19 April 1873. P. 2.

²⁸³ *Herald*. 28 September 1878. P. 3.

²⁸⁴ *Freeman's Journal*. 10 April 1886. P. 13.

²⁸⁵ *Brisbane Courier*. 17 November 1885. P. 5.

Опасения насчет иностранного присутствия на островах в критической близости от Австралии не были совсем безосновательными. Главными соперниками считались Франция (которая владела Новой Каледонией, Таити, Маркизскими островами, а также усиливала свое присутствие на Новых Гебридах) и Германия (расширявшая свое влияние в Новой Гвинее и на Самоа). Нидерланды обладали западной частью Новой Гвинеи и, совместно с Португалией, контролировали острова Индонезийского архипелага к северу от экватора. США также проявляли активность в Тихом океане – на Самоа, Гавайях, а кроме того и на безлюдных, но удобно расположенных островах и атоллах, где добывалось гуано.

Неудивительна поэтому острая реакция австралийской прессы на любые акты разворачивавшегося раздела Океании. Общественность автономий выражала готовность поддержать более настойчивые действия властей, нацеленные на присоединение островов в южной части Тихого океана. Газеты, подогревая эмоции, писали, что, колонии сами должны проявлять инициативу, постепенно исследуя и оккупируя отдельные территории, как было в случае с Новой Зеландией, чтобы развивать их ресурсы, и, в конечном счете, вынудить имперское правительство проявить решительность²⁸⁶.

И действительно, правительства австралийских автономий никогда не оставляли попыток повлиять на имперскую политику. Показательно их поведение на конференции в Мельбурне в 1870 г., где рассматривались вопросы об устранении ограничений в межколониальной торговле и целесообразности формирования таможенного союза. Ни по одному из основных вопросов ее участники не смогли прийти к соглашению, однако они единогласно приняли резолюцию, призывавшую Лондон объявить

²⁸⁶ Australian News for Home Readers. 28 May 1867. P. 2.

протекторат над островами Фиджи²⁸⁷. Газеты выражали солидарность с этой позицией, добавляя, что если «метрополия столь невнимательна к своим обязанностям, интересам, престижу нации-колонизатора и морской державы, то колония [Виктория], остро заинтересованная в процветании Фиджи, должна принять на себя инициативу и смело колонизировать этот архипелаг»²⁸⁸. В рассуждениях такого рода определенно просматривался алгоритм действий, нацеленный на создание собственной сферы контроля в регионе.

Установление британского протектората над Фиджи в 1874 г., пожалуй, только усилило подозрительность автономий и их интерес к островным территориям. Великие державы «активны и намерены расширять свои владения. И поэтому наша пассивность всегда будет возможностью для них. Фиджи нам удалось спасти только в последний момент», - утверждала «Сидней Морнинг Геральд». Создавая впечатление, будто Британская империя остается в стороне от раздела тихоокеанских островов, самая влиятельная газета Нового Южного Уэльса доказывала, что «немцы и американцы только и ждут момента для приобретения новой морской базы» на подступах к Австралии²⁸⁹. Архипелаг Самоа, например, виделся австралийцам удобным пунктом для заправки судов углем на транстихоокеанских линиях, и его потеря, казалось, подрывет обороноспособность всей империи. Новая Каледония представлялась удачным местом для создания военно-морской базы с целью атаки на Сидней, перекрытия каналов почтовой коммуникации и торговли с Европой. «Обладание Новой Каледонией в дальнейшем будет считаться обязательным условием для защиты обширных интересов, обусловленных развитием

²⁸⁷ Thomson R.P. A national history of Australia, New Zealand and the adjacent islands from their discovery to the centennial era and from that period to the present day. London, New York, 1917. P. 134.

²⁸⁸ Australasian. 30 April 1870. P. 17.

²⁸⁹ Sydney Morning Herald. 2 May 1876. P. 3.

австралийской нации», - писала «Аделаида Экспресс» еще в 1865 г.²⁹⁰ В 1884 г. на встрече сторонников создания федерации австралийских колоний Альфред Дикин утверждал, что аннексия островов совершенно необходима для безопасности как самой Австралии, так и всей империи. Журналисты, публиковавшие репортажи с этого собрания, поддерживали его, выразив особые опасения по поводу намерений Франции в регионе. «Французская оккупация Новой Гвинеи поставит под угрозу Борнео, Сингапур и Гонконг почти так же, как Брисбен и Сидней. Каждая заселенная британцами территория в этих широтах – это британский аванпост», - безапелляционно утверждала мельбурнская газета «Лидер»²⁹¹.

В представлении наиболее решительно настроенных экспансионистов Австралию ждало грандиозное будущее. Так, известный политический и религиозный деятель Джон Данмор Лэнг утверждал, что видит ее в качестве самостоятельной империи, доминирующей в южно-тихоокеанском регионе. В качестве первых шагов на пути к этому он предполагал передачу Фиджи и других островов «Южного моря» объединенной Австралии²⁹². Решительно поддерживали идею создания Австралийской империи влиятельные миссионерские организации, считавшие необходимым аннексировать Новую Гвинею, Новые Гебриды, Новую Британию, Новую Ирландию, Соломоновы острова и вообще все неподконтрольные кому-либо территории в акватории между Квинслендом и Фиджи²⁹³. Но наиболее впечатляющую перспективу нарисовал австралийский новеллист британского происхождения Маркус Кларк. Он представлял себе будущую империю от Сингапура и Малакки до Новой Зеландии, разделенную по географическим причинам на две части –

²⁹⁰ Adelaide Express. 22 August 1865. P. 2.

²⁹¹ Leader. 27 September 1884. P. 24.

²⁹² Rockhampton Bulletin and Central Queensland Advertiser. 6 September 1870. P. 2.

²⁹³ Age. 10 November 1883. P. 6.

северную и южную с границей посередине материковой Австралии²⁹⁴. Согласно его предсказанию, в течение грядущих 500 лет население этой империи сначала должно было преобразовать лик окружающей среды, а затем поглотить всю современную цивилизацию²⁹⁵.

И власти, и общественность были в основном единодушны в своих взглядах. Это способствовало усилиям австралийских политиков, направленным на то, чтобы побудить метрополию аннексировать тихоокеанские острова и передать их под контроль самоуправляющихся колоний. Глава правительства Виктории Грэм Бэрри в 1877 г. предложил принять некое подобие доктрины Монро для Австралии, в соответствии с которой «все острова в регионе должны принадлежать англосаксонской расе»²⁹⁶. Будущий «отец» австралийской федерации Генри Паркс в опубликованной в 1884 г. статье «Наша растущая Австралийская империя» доказывал, что автономии уже имеют все предпосылки и ресурсы для того, чтобы объединиться и стать не просто независимым и процветающим государством, а превратиться в империю²⁹⁷. Вместе с тем, по словам публициста, австралийцы совершенно не хотели выходить из состава Британской империи. Он разделял нередко высказывавшееся мнение, будто австралийские колонии проявляют больше лояльности короне, чем сама Англия²⁹⁸. Однако какой бы глубокой не была преданность Паркса метрополии, он отчетливо видел и альтернативу развития австрало-британских отношений. «Если Великобритания до сих пор с трудом признает

²⁹⁴ Clarke M. The Future Australian race // Alomes S., Jones C. Australian nationalism: a documentary history. North Ryde: Collins/Angus & Robertson, 1991. P. 48.

²⁹⁵ Ibid. P. 50.

²⁹⁶ Welsh F. Australia: a new history of the great southern land. Woodstock and New York, 2006. P. 279.

²⁹⁷ Parkes H. Our Growing Australian Empire // The Nineteenth century: a monthly review, Mar. 1877-Dec. 1900. 1884. Vol. 15, No 83. P. 138-149.

²⁹⁸ Ibid. P. 148.

нас за англичан, то тогда мы лучше станем австралийцами»²⁹⁹, - заявлял он с достоинством, к которому, впрочем, примешивались настроения обиды и сожаления. Сравнивая преданность австралийцев метрополии с чувством любовной привязанности, он писал, что оно может пережить «случайную небрежность», но умрет от «постоянного забвения»³⁰⁰.

К удивлению обитателей пятого континента, впечатляющие достижения британских самоуправляющихся колоний не получали должной оценки со стороны метрополии. Корона, продолжал Паркс, не торопилась признавать заслуги австралийцев, например, не наделяя дворянством уважаемых колонистов, хотя нередко англичане с намного меньшими достоинствами добивались его. Но гораздо острее воспринималась полная бесправность автономий в вопросах международной политики. В связи с этим Паркс задавался вопросом, почему имперским чиновникам хотя бы не консультироваться с колониями в тех случаях, когда речь идет об их собственных интересах?³⁰¹

В самом деле, лондонское правительство не спешило одобрять эти идеи и планы. Великобритания не желала провоцировать конфликты с великими державами из-за раздела отдаленных территорий в Океании. Они, по мнению метрополии, не имели сколько-нибудь серьезной ценности, их климат не подходил европейцам, а местное население могло создать сложности в случае вооруженного отпора³⁰². И хотя аргументы имперского правительства «звучали весьма убедительно, проблема начинала приобретать совсем другую окраску, если смотреть на нее с австралийской, а не британской, точки зрения», - утверждала «Тасмэниан Таймс», выражая широко распространенное убеждение³⁰³.

²⁹⁹ Ibid. P. 144.

³⁰⁰ Ibid. P. 149.

³⁰¹ Ibid. P. 148.

³⁰² Geelong Advertiser. 15 May 1878. P. 4.

³⁰³ Tasmanian Times. 23 January 1868. P. 3.

Одной из самых активных в Австралии была кампания за аннексию Новой Гвинеи, где скрестились экономические, стратегические и гуманитарные интересы разных групп давления. Еще в 1873 г. на страницах «Лондон Телеграф» появилось предложение объявить этот остров британским с целью защиты местных жителей от работорговцев, а также для удобства сообщения между Австралией и Индией. И, как утверждалось, действовать следовало на опережение, пока подобные шаги не предприняли Франция или США³⁰⁴. В 1875 г. в Сиднее прошло собрание многочисленных сторонников скорейшей аннексии Новой Гвинеи, на котором присоединение этой важной во многих отношениях территории объявлялось соответствующим не только интересам австралийских автономий, но и самой империи³⁰⁵. С конца 1870-х гг. появилась надежда на открытие там месторождений золота, достаточных для начала его промышленной разработки, что привело бы к резкому оттоку золотоискателей из Австралии и дало идеальный повод провозгласить этот остров собственностью британской короны. Однако колониальная пресса призывала не ждать наступления удобного случая, а действовать опять-таки превентивным образом. Считалось, что Квинсленд мог без труда установить с Новой Гвинеей телеграфное и пароходное сообщение для расширения уже существующих коммерческих связей и последующего включения острова в состав автономии³⁰⁶.

Английское правительство соглашалось поддержать австралийские предложения только в случае, если автономии «возьмут на себя все расходы, связанные с аннексией и колонизацией Новой Гвинеи»³⁰⁷. Выдвижение предварительных условий вызывало у австралийцев естественное раздражение, еще более подогревавшееся нежеланием Великобритании

³⁰⁴ South Australian Advertiser. 1 December 1873. P. 2.

³⁰⁵ Sydney Morning Herald. 14 May 1875. P. 2.

³⁰⁶ Queenslander. 13 July 1878. P. 464-465.

³⁰⁷ Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971. С. 137.

действовать решительно, как во время захвата Фиджи в 1874 г., когда интересы метрополии и колоний полностью совпали.

В начале 1880-х годов положение вокруг Новой Гвинеи стало быстро обостряться. Четвертого апреля 1883 г. в ответ на германские претензии относительно ее северной части, премьер Квинсленда Томас Макилрейт распорядился аннексировать весь остров от имени британской короны. Заместитель госсекретаря по делам колоний Э. Эшли представил британскому парламенту телеграммы правительств Нового Южного Уэльса, Виктории и Южной Австралии с призывом санкционировать аннексию³⁰⁸. Австралийская пресса следила за реакцией Лондона и ждала одобрения им действий квинслендских властей, поскольку, как утверждала «Квинслендер», все автономии выразили «полное единодушие и готовность» урегулировать новогвинейский вопрос в своих интересах³⁰⁹. По сообщениям сиднейской «Ивнинг Ньюс», крупнейшие лондонские издания – «Дэйли Телеграф», «Стандарт», «Спектейтор», «Сатурдей Ревью» – одобряли решение Квинсленда³¹⁰. В то же время другое сиднейское издание отмечало преобладание в британской прессе совершенно противоположных оценок³¹¹, подтвердив тем самым старую истину – каждый видит прежде всего то, что он желает увидеть.

На последовавшем за этими событиями заседании законодательного собрания Квинсленда в июне 1883 г. спикер Генри Кинг произнес речь, в которой сообщил депутатам, что «неминуемая опасность аннексии» со стороны Германии уже долгое время вызывала у правительства автономии «большую озабоченность и беспокойство». И хотя формальная санкция Лондона еще не предоставлена, «не может быть никаких сомнений в том»,

³⁰⁸ Evening News. 5 May 1883. P. 4.

³⁰⁹ Queenslander. 9 June 1883. P. 898.

³¹⁰ Evening News. 23 April 1883. P. 2.

³¹¹ Australian Town and Country Journal. 21 April 1883. P. 10.

заявлял Кинг, «что... Новая Гвинея и близлежащие острова Тихого океана в будущем должны принадлежать австралийскому народу». По словам спикера, совместно с властями Виктории предпринимались усилия, чтобы убедить метрополию в необходимости дальнейшей аннексии тех территорий в Тихом океане, интересы развития которых во многом «соответствуют интересам Австралии»³¹².

Вопреки ожиданиям правительств автономий, глава колониал офис лорд Дерби расценил эту инициативу как непродуманную и бесполезную. Оставляя без внимания такую реакцию британских властей было едва ли допустимо. Пребывавшие в Лондоне генеральные агенты колоний нашли представившийся случай исключительно удобным для того, чтобы информировать министра о своих взглядах на проблему территориального раздела Океании. Они нанесли ему совместный визит и предложили поддержать аннексию не только Новой Гвинеи, «но и Новых Гебридов, Самоа и, фактически, всего Южно-Тихоокеанского региона в пределах 1-1,5 тысяч миль от побережья Австралии»³¹³. Со слов министра, австралийцы были убеждены в том, что любая страна, которая овладеет этими территориями, непременно захватит и саму Австралию. Тем не менее, в ответ на просьбу обосновать свою точку зрения генеральные агенты так и не смогли предоставить убедительные, с точки зрения Дерби, доводы³¹⁴. Подобную позицию министр считал безосновательной, не видя ни необходимости, ни возможности для присоединения островов, находящихся на столь значительном удалении от Великобритании и ее колоний³¹⁵. Лорд даже не счел нужным скрывать своей иронии по поводу утверждений австралийцев, задав

³¹² Official record of the debates of the Legislative Assembly and Legislative Council during the sixth session of the eighth parliament. Vol. XXXIX. Brisbane, 1883. P. 2.

³¹³ Powell G. A Diarist in the Cabinet: Lord Derby and the Australian Colonies, 1882-85 // Australian Journal of Politics and History. 2005. Vol. 51, No. 4. P. 489-490.

³¹⁴ Ibidem.

³¹⁵ Ibid. P. 490.

им вопрос, казалось, исключавший всякую возможность альтернативного ответа: не хотят ли они заполучить другую планету в свое единоличное распоряжение. И каково же было удивление Дерби, когда из их реакции он заключил, что представители автономий не увидели в этом ни малейшего повода для шутки³¹⁶. Подобное восприятие показалось обескураженному министру «пугающим» для английского стиля мышления³¹⁷. В итоге действия правительства Квинсленда были дезавуированы. А. Дикин, подчеркивая важность поддержки, оказанной Макилрейту премьерами других австралийских колоний, предсказуемо назвал решение колониал офис «малодушным»³¹⁸.

Необычный способ выразить свое отношение к позиции Лондона избрал один «старый и весьма известный австралийский колонист». В опубликованном в газете «Телеграф» анонимном письме он саркастически «передразнил» полученный от Дерби ответ: «Я не подвергаю сомнению ваши факты или выводы... Принятие вашего предложения гарантирует безопасность, в то время как промедление таит угрозы... по причинам, которые я отказываюсь называть, я буду хранить молчание...»³¹⁹ Автор письма стремился продемонстрировать, насколько грубым, необоснованным и неразумным казался шаг лондонских политиков австралийцам, стремившимся аннексировать остров.

Настойчивые, но безуспешные усилия имперских провинций побудить Великобританию аннексировать Новую Гвинею и Новые Гебриды привлекли внимание германской стороны. Как утверждали австралийские газеты,

³¹⁶ Ibidem.

³¹⁷ Welsh F. Australia: a new history of the great southern land. Woodstock and New York, 2006. P. 279.

³¹⁸ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900). / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 18.

³¹⁹ Telegraph. 22 November 1883. P. 5.

демарши колоний вызвали серьезные дебаты в общественно-политических кругах Берлина, в ходе которых Бисмарк подвергся жесткой критике за промедление в деле аннексии островов³²⁰. Эти сообщения должны были указать на опасность любой заминки в решении данного вопроса и призвать британские власти к более настойчивым действиям.

Стремясь все же склонить имперское правительство на свою сторону, адепты экспансии искали возможность изменить ситуацию. Некоторые из них считали необходимым прибегнуть к маневру и признать (и осудить) тот факт, что аннексия была осуществлена вразрез с действующим законодательством. Одновременно они предлагали начать по всем колониям сбор подписей под петицией к имперским властям с просьбой присоединить Новую Гвинею. Затем, согласно этому плану, собранные в Мельбурне или Сиднее (даже в таком вопросе сказывалось противоборство двух центров притяжения и власти в Австралии) документы надлежало отправить почтой в Лондон. Предполагалось, что «чартистская» кампания произведет впечатление, и Палата общин «несомненно, воздаст должное выражению устремлений всех колонистов»³²¹.

Занятая Лондоном позиция по отношению к интересам колоний воспринималась как явно безразличная не только в заморских владениях Великобритании. «Когда они выдвигают резкие требования, когда они побуждают нас, как в случае с Новой Гвинеей, бросить вызов одной из великих держав Европы из-за соображений, которые нам кажутся фантазией, мы, возможно, поступаем правильно и мудро, отказывая им, – полагал авторитетный английский публицист и известный историк Дж. Фруд. – Но мы могли бы отказать так, чтобы продемонстрировать им, что мы разделяем их

³²⁰ South Australian Register. 29 October 1883. P. 5.

³²¹ Telegraph. 16 August 1883. P. 5.

чувства, уважаем их амбиции, понимаем их нетерпение как проявление того, что они ревностно стараются во имя величия империи»³²².

И все-таки реакция австралийцев была не столь однозначной, как может показаться. Вскоре после попытки аннексии в Сиднее состоялось собрание, на котором обсуждались возможные выгоды и проблемы, связанные с приобретением Новой Гвинеи. При этом было отмечено, что «операция» властей Квинсленда представляла собой не более чем попытку заручиться поддержкой плантаторов. В реальности же, как утверждалось, у колонии нет никаких возможностей ни для управления, ни для защиты новых территорий. Поэтому большинство собравшихся выразило свое неодобрение замыслам аннексии³²³. Несколько позднее «Брисбен Курьер» перепечатала из «Пэлл Мэлл Газетт» письмо некоего англичанина, проживающего в Новом Южном Уэльсе. Он утверждал, что там большинство людей совершенно не опечалено решением Лондона и, более того, вовсе не проявляет особого интереса к аннексии Новой Гвинеи³²⁴.

Как бы то ни было, после неудачной попытки аннексировать Новую Гвинею тенденция к политическому единству Австралии получила новый импульс. Двадцать шестого ноября 1883 г. в Сиднее была созвана очередная межколониальная конференция. В ней участвовали министры австралийских колоний и Новой Зеландии, а на более поздней стадии туда прибыли делегаты от колониальной администрации Фиджи. Наряду с расширением германского влияния на Новой Гвинее, поводом для конференции стали опасения французской аннексии Новых Гебридов и тревога, вызванная возможностью бегства на материк преступников из Новой Каледонии³²⁵ (не стоит забывать,

³²² Froude J.A. Oceana or England and her colonies. Leipzig, 1887. P. 198-199.

³²³ Evening News. 14 April 1883. P. 4.

³²⁴ Brisbane Courier. 28 December 1883. P. 3.

³²⁵ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900). / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 18.

что именно на Новую Каледонию были высланы лидеры Парижской коммуны 1871 г.³²⁶).

Однако гораздо более важным вопросом повестки дня являлось создание австралазийской федерации. Угроза вторжения иностранных войск на территорию британских владений в юго-западной части Тихого океана представлялась общей проблемой, дававшей колониям право считать союз единственным средством обеспечения надежной безопасности³²⁷. К этому австралийцев настойчиво побуждала и точка зрения имперских властей. Лорд Дерби, отвергнув инициативу Квинсленда, дал своим подопечным принципиальное наставление. «Если жители Австралии желают расширения своих нынешних границ, – говорил он, – то наиболее практичным шагом будет создание федерации, достаточно мощной, чтобы предпринимать действия, которые ни одна колония в настоящее время не может осуществить»³²⁸.

Указание британского министра полностью соответствовало общей тенденции развития отношений между колониями. Нельзя сказать, что прежде в автономиях не было осознания роли единства действий в решении столь важных для всего континента вопросов. «Мы предполагаем, что потребуются объединенные усилия для того, чтобы побудить колониал офис действовать в предлагаемом нами направлении, ведь необходимость обеспечения безопасности наших северных берегов очевидна»³²⁹, – писала газета «Нортерн Аргус» еще в 1873 г., подчеркивая принципиальную важность британского контроля над Новой Гвинеей. Тем не менее, именно указание Дерби, по словам одного из ведущих политиков Виктории Альфреда Дикина, создало твердую убежденность в том, что «любая резолюция, поступившая от объединенных

³²⁶ Powell G. A Diarist in the Cabinet: Lord Derby and the Australian Colonies, 1882-85 // Australian Journal of Politics and History. 2005. Vol. 51, No. 4. P. 489.

³²⁷ Moore W. The Constitution of The Commonwealth of Australia. London, 1902. P. 31.

³²⁸ Цит. по Moore W. The Constitution of The Commonwealth of Australia. London, 1902. P. 30-31.

³²⁹ Northern Argus. 19 April 1873. P. 2.

австралийских правительств, была бы принята во внимание» имперскими властями³³⁰. Это еще больше содействовало укреплению понимания всей важности сплочения автономий.

Далее Дерби конкретизировал выдвинутые Лондоном условия, информируя правительства колоний, что в случае их ежегодной финансовой поддержки в размере 15 тыс. фунтов стерлингов Новая Гвинея может перейти под юрисдикцию Великобритании. При обсуждении этого предложения в парламенте Квинсленда депутат законодательного собрания Питер Уайт заявил, что эта сумма слишком скромная, и для того, чтобы вернее удовлетворить интересы австралийцев, нужно «подстраховаться» более значительными финансовыми вложениями. По его мнению, естественная реакция на инициативу Дерби звучит так: «И это все, что требуется? Мы только счастливы заплатить больше»³³¹.

Третьего ноября 1884 г. Германия объявила протекторат над северной частью Новой Гвинеи. В ответ 6 ноября при согласии австралийских автономий взять на себя финансовые затраты был установлен британский протекторат над юго-восточной частью острова³³². В прессе царили настроения приподнятости. Так, квинслендская «Дарлинг Даунс Газетт» выражала восхищение активностью Томаса Макилрейта, упредившего действия британского правительства вопреки длительному противодействию лорда Дерби и других политиков³³³. Губернатор Виктории назвал протекторат «шагом в верном направлении» и обратил особое внимание, что это первый

³³⁰ Deakin A. *Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900)*. / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 18.

³³¹ Official record of the debates of the Legislative Assembly and Legislative Council during the second session of the ninth parliament. Vol. XLII. Brisbane, 1884. P. 4.

³³² *The Oxford History of the British Empire. Volume III: The Nineteenth Century*. Ed. by Porter A. Oxford, New York, 1999. P. 557.

³³³ Darling Downs Gazette. 17 November 1884. P. 2.

случай, когда имперское правительство привлекло австралийские автономии к управлению зависимыми территориями, включив их представителей в состав совещательного совета при британской администрации³³⁴. Церемония провозглашения протектората, проходившая в Порт-Морсби, описывалась в прессе как «весьма впечатляющая»³³⁵, а будущее Новой Гвинеи представлялось в самом радужном свете скорого и существенного улучшения положения аборигенов, подъема австралийской промышленности и торговли³³⁶.

Впрочем, полного удовлетворения данный вариант решения новогвинейского вопроса не вызвал. Вскоре на одном из заседаний созданного в Виктории отделения Лиги имперской федерации было высказано крепнущее мнение, что половина острова не была бы потеряна, если имперская, или хотя бы австралийская федерация уже существовала³³⁷. С тех пор голландская (Нидерланды также объявили протекторат над западной частью Новой Гвинеи) и особенно германская угрозы воспринимались как абсолютно реальные и австралийцы готовились отражать возможные атаки с их стороны.

Под влиянием общей политики Великобритании на Тихом океане колонии не оставляли сомнения в том, понимает ли метрополия в полной мере их потребности и готова ли она помогать им. Крайне показательный в этом отношении эпизод произошел в 1886 г. в Лондоне на встрече представителей Лиги имперской федерации с премьер-министром Великобритании лордом Солсбери. Используя редкий шанс, экс-премьер Виктории Джеймс Сервис с горечью указал ему на то, как метрополия пренебрегает интересами автономий или жертвует ими ради решения собственных задач. Ситуация с германским присутствием на Новой Гвинее, по его словам, вызвала сильнейшее огорчение

³³⁴ Age. 11 November 1884. P. 5.

³³⁵ Evening Journal. 14 November 1884. P. 2.

³³⁶ Herald. 15 November 1884. P. 2.

³³⁷ Telegraph, St Kilda, Prahran and South Yarra Guardian. 19 September 1885. P. 7.

в австралийских колониях. Сервис также заявил, что усилия имперского правительства по устранению иностранного присутствия на Новых Гебридах и Новой Каледонии сделали бы больше, чем что-либо еще, для упрочения связи между Австралией и метрополией. Однако Солсбери отказался от обсуждения этого вопроса как не входящего в область практической политики³³⁸.

Возмущение австралийцев возможной передачей Новых Гебридов Франции было почти единодушным. «Если бы [министр колоний] лорд Гренвилль взял на себя труд ознакомиться с происходящим за пределами собственного кабинета, – писала газета «Геральд» в апреле 1886 г., – то он уже понял бы, что сдача указанных островов окажется не только несправедливостью по отношению к Австралии, но и почти наверняка станет источником опасности в будущем». При этом мотивами адептов аннексии Новых Гебридов – членов Ассоциации уроженцев Австралии – газета называла «не столько местный патриотизм, сколько пылкую преданность Британской империи»³³⁹.

Под влиянием потребностей внутреннего развития и активизации политики великих держав в Океании австралийские автономии стремились извлечь максимальные выгоды от территориального раздела в данном регионе. Но британское правительство, не желавшее увеличения бюджетных расходов и особенно обострения военно-политического соперничества в южной части Тихого океана, сдерживало энтузиазм своих австралийских подданных. Последние, в свою очередь, представляли вопрос о присоединении тихоокеанских островов как проблему общеимперского характера: с одной стороны – это считалось единственным способом сохранить доминирование империи в регионе, а с другой – обеспечить неприкосновенность ее автономий. Ставшее одним из проявлений

³³⁸ Geelong Advertiser. 13 August 1886. P. 3.

³³⁹ Herald. 20 April 1886. P. 2.

поднимавшегося «колониального» национализма, стремление к овладению новыми территориями породило оригинальную идею Австралийской империи, наследницы и правопреемницы Британской империи в южной части Тихого океана. И хотя эта идея даже тогда выглядела предельно проблематичной, необходимость совместных усилий для создания собственной сферы влияния стала одним из первых реальных шагов, направленных к политическому объединению самоуправляющихся колоний.

§ 2. Оборона Австралии как региональная и имперская проблема

Установление контроля над территориями в южной части Тихого океана было неразрывно связано с обеспечением безопасности пятого континента. Для расположенных там автономий вопрос обороны на протяжении рассматриваемого периода был одним из ключевых в дискуссиях о будущем Австралии и империи.

Долгое время британские колонии в южном полушарии пребывали в состоянии относительного спокойствия. Но уже с 30-х гг. XIX в. представления о почти полной неуязвимости континента начали терять актуальность. Это было связано с развитием коммуникаций и ухудшением отношений между Великобританией и прочими великими державами.

Еще в 1839 г. два американских военных корабля незамеченными пришвартовались в Сиднейской гавани³⁴⁰. И хотя их намерения были абсолютно мирными, этот факт способствовал возникновению подозрительности в отношении намерений США. Например, в начале 1850 г. в австралийской газете «Лонсестон Экзаминер» прозвучали размышления о возможности аннексии Австралии североамериканской республикой. Ссылаясь на темпы политического и экономического развития США, в том

³⁴⁰ Welsh F. Australia: a new history of the great southern land. Woodstock and New York, 2006. P. 275.

числе и на расширение их присутствия в Тихом океане, автор статьи утверждал, что «если только Австралия не станет независимой нацией, она неизбежно окажется «неотъемлемой частью» Соединенных Штатов Америки»³⁴¹. Впрочем, в ответ на это «Порт Филлип Газетт энд Сеттлерс Джорнал» возражала, что географическая удаленность и разница в системе государственного устройства делают такой прогноз несбыточным. «Если и менять что-то, то нельзя позволить Австралии попасть под власть какой-либо другой нации, и уж в последнюю очередь – звездно-полосатой; лучше стать независимыми и начать существование как австралийская нация, чем сделать что-нибудь настолько безумное», - многозначительно резюмировал автор³⁴².

С началом Крымской войны в Австралии появился казавшийся намного более реальным страх перед российским вторжением³⁴³. Опасения военного характера усиливались общим неприязненным отношением к России, перенятым от англичан³⁴⁴. Нередко русские в австралийской прессе изображались как «агрессивный народ», который еще к моменту начала правления Петра I по сути представлял собой группу «неоседлых варваров», управляемых «интриганами»³⁴⁵. Недоверие к русским усиливалось также тем, что они якобы проявляли постоянную склонность к лжи³⁴⁶.

После Крымской войны стал заметен страх военного вторжения со стороны Франции. Англо-французский союз оказался лишь временным перемирием давних соперников. Анализ перспектив обороны Австралии в случае войны с Францией дал во время публичной лекции, прочитанной в

³⁴¹ Launceston Examiner. 2 March 1850. P. 3.

³⁴² Port Philip Gazette and Settler's Journal. 26 March 1850. P. 2.

³⁴³ Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб, 1998. С. 13.

³⁴⁴ Массов А.Я. Эволюция отношения белых жителей Австралии к России и русским (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 8. С. 36.

³⁴⁵ Adelaide Times. 19 March 1855. P. 2.

³⁴⁶ Empire. 26 April 1855. P. 2.

1858 г., Джон Данмор Лэнг. По его утверждению, Франция планировала одним рывком «захватить все заморские владения Великобритании, как только война будет объявлена... Наши знаменитые золотые месторождения, – продолжал свою мысль Лэнг, – станут той причиной, по которой колонии и их торговые пути превратятся в особую мишень для атаки, и война переместится из Европы в Австралию»³⁴⁷.

Имперские вооруженные силы, находившиеся к середине XIX в. в распоряжении метрополии, австралийцы считали недостаточными для обеспечения собственной безопасности. К тому же они не обладали возможностью контроля над ними. «Мы формально в ее [Великобритании] власти и под ее защитой, но на деле очевидно, что британское правительство не воспринимает оборону этих колоний как часть своих обязанностей... Через пять лет мы можем столкнуться с морской державой, обладающей превосходящими силами, и как мы к этому подготовлены? Предполагая, что Англия не сможет или не пожелает [оборонять Австралию], сможет ли Австралия, разделенная на отдельные колонии, защищать себя самостоятельно?»³⁴⁸ – задавались вопросом жители пятого континента. В такого рода размышлениях явно сквозили опасения, навеянные либеральной имперской политикой, при которой самоуправляющиеся колонии, официально оставаясь под властью короны, практически все более оказывались предоставленными себе.

Вместе с тем, сами будучи «зараженными» либеральным мировоззрением, колонии боялись быть втянутыми в военные операции метрополии. Как утверждал в 1858 г. Дж. Д. Лэнг, «в любых войнах, в которых может участвовать Великобритания, мы должны оставаться в мире со всеми

³⁴⁷ Empire. 26 August 1858. P. 2.

³⁴⁸ Argus. 14 January 1856. P. 4.

странами. Конечно, при этом наши горячие симпатии по-прежнему будут с Соединенным королевством...»³⁴⁹.

Однако подобные размышления не были ни однозначными, ни преобладающими. Осознание того, что оборона колоний теснейшим образом связана с имперской обороной, никогда не покидало австралийцев. Гарантом их безопасности всегда выступал именно имперский флот³⁵⁰. «Несомненно, – указывали газеты, – в случае необходимости она [Великобритания] будет нас защищать и мстить за нас»³⁵¹.

Можно, таким образом, говорить о сосуществовании двух тенденций в оценке австралийцами вопросов обороны. С одной стороны, имелось намерение «изолироваться» от метрополии и ее проблем, которые не должны были мешать мирному развитию региона, а с другой – обеспечение безопасности южной части Тихого океана считалось делом, в котором Британия и ее колонии будут тесно взаимодействовать.

Вероятность развития событий, влекущая за собой реальные боевые действия, считалась австралийцами весьма высокой. Представления о внешней угрозе особенно усиливались в моменты обострения англо-русских отношений – например, при подавлении восстания в Польше 1863 г.³⁵² И хотя, как считает исследователь российско-австралийских связей А.Я. Массов, эти страхи были лишены серьезных оснований³⁵³, они становились стимулом для актуализации вопросов повышения обороноспособности.

В 60-е годы XIX в. под влиянием доктрины добровольных имперских уз планы возложить на автономии расходы по их собственной обороне получили широкую поддержку британских либералов³⁵⁴. «Акт о военно-морской

³⁴⁹ Moreton Bay Courier. 25 September 1858. P. 4.

³⁵⁰ Grey J. A Military History of Australia. New York, 2008. P. 44.

³⁵¹ Adelaide Observer .12 June 1858. P. 6.

³⁵² Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб, 1998. С. 22.

³⁵³ Там же. С. 38.

³⁵⁴ Geelong Advertiser. 11 May 1859. P. 3.

обороне колоний» 1865 г. хоть и не воплотил эти замыслы в полной мере, но предоставил последним право создавать военно-морские силы для защиты своей акватории. Данный документ наделял имперские владения полномочиями самостоятельно определять и нести расходы, связанные со строительством, содержанием и использованием военных кораблей, набором и обучением личного состава их команд. При этом Лондон гарантировал себе право в случае необходимости включать указанные корабли вместе с экипажами в состав королевского флота и распоряжаться ими по собственному усмотрению. А за Адмиралтейством закреплялись полномочия повышать по служебной лестнице любого офицера, находящегося на службе в военно-морских силах автономий³⁵⁵.

Принятые меры не принесли кардинальных изменений в существовавший уклад. Из всех австралийских автономий появившейся возможностью поспешила воспользоваться только Виктория, поскольку она обладала достаточными средствами для постройки на британских верфях дорогостоящего боевого корабля. В целом в колониях эти меры не встретили широкой общественной поддержки³⁵⁶.

Вкупе с последовавшим выводом английских войск из автономий, приведшим к «имперской панике» 1869-1871 гг., действия метрополии оставляли ощущение незащищенности Австралии перед лицом потенциальных внешних завоевателей. Обеспокоенные колонисты, по их собственному мнению, были «подвержены всем опасностям войны наравне с Соединенным королевством», но при этом, по саркастичному замечанию мельбурнской «Эйдж», «могли влиять на ее объявление или прекращение в той же мере, в какой и на движение небесных тел»³⁵⁷. Воспринимая курс

³⁵⁵ The Colonial Naval Defence Act, 1865 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nzlii.org/nz/legis/imp_act_1881/cnda186528a29vc14242/ [Дата обращения: 01.11.2018]

³⁵⁶ Grey J. A Military History of Australia. New York, 2008. P. 26.

³⁵⁷ Age. 10 October 1870. P. 3.

британского правительства как проявление безразличия к своим интересам, австралийцы старались обезопасить себя доступными им способами. Так, при обсуждении сложившейся ситуации в парламенте Виктории Чарльз Гаван Даффи высказал мысль о том, что колонии должны обладать правом провозглашения нейтралитета в случае, если Британия окажется в состоянии войны с другим государством. Эти идеи были поддержаны и другими австралийскими политиками, предлагавшими добиться от метрополии гарантий безопасности или обеспечения автономиям возможности оставаться в стороне от войн³⁵⁸. Газеты, публиковали мнения сторонников подобных мер, указывавших на развитие парового судоходства, благодаря которому колонии могли бы стать первыми жертвами будущих войн с Россией, США или Францией. Более того, «учитывая позицию России на Амуре», казалось вполне вероятной нелепая ситуация, когда о начавшейся войне австралийцы узнают не от метрополии, а уже столкнувшись с враждебной русской экспедицией³⁵⁹.

В конце 1870-х гг., когда англо-русские отношения снова угрожали войной, пресса с тревогой писала, что Австралия в случае вооруженного конфликта будет вынуждена противостоять врагам «разъединенная» и полностью зависящая от метрополии в поставках военного снаряжения, которые к тому же могут в любой момент прекратиться из-за обрыва коммуникаций. И уже тогда зазвучали предложения создать общий для австралийских автономий флот, а также арсенал со всем необходимым на случай непредвиденных обстоятельств³⁶⁰.

Заявления о «русской угрозе» звучали и в последующие десятилетия. Россия ассоциировалась с мощной силой, наделенной «нецивилизованной» жестокостью, неразрывно связанной с ее историческим прошлым. К примеру,

³⁵⁸ Allin C. D. Proposals for the Neutrality of the British Colonies // *Political Science Quarterly*. 1922. Vol. 37, No. 3. P. 420-425.

³⁵⁹ *South Australian Register*. 26 June 1871. P. 3.

³⁶⁰ *Argus*. 22 April 1878. P. 6.

Петр I изображался не только как государственный деятель, сумевший успешно превратить «варварскую» страну в великую державу, но и как правитель, который собственноручно совершал публичные казни аристократов и нес ответственность за убийство родного сына³⁶¹. Поэтому возраставшая, как казалось, угроза вторжения российских войск на пятый континент вызывала все большую тревогу. По мнению австралийских газет, в случае англо-русской войны именно Австралия вероятнее всего оказалась бы под ударом как наименее защищенная часть Британской империи³⁶².

Самый пессимистичный вариант развития событий политические и общественные круги автономий связывали с возможным наступлением России на индийские владения короны. Такой поворот в середине 1880-х годов многим виделся совершенно реальным. «Стотысячные армии будут находиться в Индии, если она окажется под контролем царя. И это представляло бы для австралийцев даже более серьезную опасность, чем для жителей Британских островов», – отмечалось в журнале, издаваемом Лигой имперской федерации³⁶³. Размышления подобного рода ставили перед самоуправляющимися колониями вопрос глобального характера: «может ли Канада в одиночку защищать свои тихоокеанские рубежи, или Австралия – всю ее обширную береговую линию против огромного растущего деспотизма Москвы, или против некоторых других европейских держав?»³⁶⁴ В связи с этим на повестку дня выходила задача создания надежной всеобъемлющей системы обороны Британской империи.

Вместе с тем, как ни велика была тревога австралийцев за свою безопасность, вопрос организации обороны на Тихом океане считался делом исключительно имперским, а не региональным. На проходившей в 1881 г.

³⁶¹ Narracoorte Herald. 19 May 1885. P. 3.

³⁶² Northern Star. 08 April, 1882. P. 5.

³⁶³ Imperial Federation. The Journal of the Imperial Federation League. Vol. I. January to December, 1886. P. 154.

³⁶⁴ Ibidem.

конференции премьеров австралийских колоний была высказана уверенность в том, что усиление имперской военно-морской мощи должно происходить без финансовых вложений со стороны Австралии. Имперская оборона, как утверждали участники конференции, – задача Великобритании, а обязанность колоний состоит в защите своих портов и недопущении в них чужих кораблей³⁶⁵.

Ради обеспечения обороны собственных территорий австралийские автономии были готовы к существенным финансовым расходам. В 1880-е годы начались активные переговоры с британским Адмиралтейством о строительстве флота, который бы осуществлял защиту исключительно австралазийской акватории³⁶⁶. Имперские власти соглашались на рассмотрение подобных проектов, помимо прочего, еще и из-за опасения оказаться в неловком положении, если в случае их отказа австралийские автономии построили бы корабли за свой счет без какого-либо участия с их стороны³⁶⁷.

Обострение международных отношений вызывало тревогу и у Великобритании. Еще в 1879 г. для общей оценки состояния имперской обороны была назначена специальная комиссия под руководством лорда Карнарвона. Выводы комиссии не предавались гласности, однако представители колониальных властей были с ними впоследствии ознакомлены. Ее основные предложения заключались в привлечении австралийских колоний к строительству и содержанию оборонительных сооружений и кораблей в южной части Тихого океана³⁶⁸. Выдвинутые комиссией рекомендации, по сути, стали основой для обсуждения этой

³⁶⁵ Gordon D.C. *The Dominion Partnership in Imperial Defense, 1870-1914*. Baltimore, 1965. P. 78.

³⁶⁶ *Ibid.* P. 81-85.

³⁶⁷ *Ibid.* P. 86-87.

³⁶⁸ Shields R.A. *Australian Opinion and Defence of the Empire: A Study in Imperial Relations 1880-1890* // *The Australian Journal of Politics and History*. 1964. Vol. 10, Issue 1. P. 42.

проблемы в 1887 г., когда представители английского руководства и правительств автономий встретились на первой имперской конференции. Для австралийских самоуправляющихся колоний это был шанс объединенными усилиями продемонстрировать свое отношение к системе управления империей и добиться принятия важных для всего региона решений. Стоит отметить, что перед отбытием в Лондон делегаты колоний были проинструктированы своими парламентами не принимать никаких решений от лица автономий без согласования с местными представительными органами власти.

Главным результатом дискуссий делегатов стала разработка «Акта о морской обороне Австралазии». Итоговый документ, принятый на конференции, предусматривал «создание и обеспечение деятельности дополнительных военно-морских сил для защиты морской торговли в водах Австралазии»³⁶⁹. В портах Австралии и Новой Зеландии должна была базироваться эскадра в составе семи кораблей (пяти быстроходных крейсеров и двух торпедных канонерок), находившихся под командованием британского Адмиралтейства. Выход кораблей за установленные границы австралазийской акватории должен был согласовываться с местными правительствами. Финансовое обеспечение соглашения распределялось между метрополией и автономиями. За 10 лет, на которые заключался договор, последние должны были сообща выплатить сумму в 126 тыс. фунтов стерлингов (на австралийские колонии приходилось около 106 тыс. фунтов стерлингов). Изначальная стоимость постройки и отправки кораблей в австралазийские порты компенсировалась из имперской казны. В случае потери боевых единиц, они замещались за счет имперского правительства. При этом корабли, построенные автономиями и находящиеся в их акватории, не входили в число

³⁶⁹ The Australasian Naval Agreement // Speeches and documents on New Zealand history. Oxford, 1971. P. 252.

регулируемых данным соглашением и оставались в полной ответственности и распоряжении последних³⁷⁰.

В переполненной опасениями военного вторжения Австралии Акт о морской обороне был очень важен как демонстрация партнерских отношений метрополии и автономий, к которым последние так стремились. Наряду с этим, данное соглашение представляло собой принципиально важный прецедент соучастия колоний в финансировании имперских вооруженных сил³⁷¹. Газеты поддерживали соглашение, выражая надежду, что «лишь небольшое число колонистов не готовы поздравить Австралию и Англию»³⁷². Более того, по утверждению «Эйдж», в условиях потенциальной военной опасности для автономий было бы «глупо и бесчестно» дезавуировать действия своих представителей³⁷³.

Разумеется, реакция на достигнутую договоренность не могла быть однозначной. При обсуждении в парламентах колоний согласованная схема софинансирования военно-морской обороны столкнулась с оппозицией. Дело осложнялось тем, что придерживавшиеся разных точек зрения политики интерпретировали соглашение по-своему. Так, сторонники имперской федерации видели в договоре шаг на пути к созданию более тесного союза с метрополией, что вызывало резкую неприязнь их оппонентов, считавших его несвоевременным. Своеобразную позицию занял Генри Паркс, который расценивал этот акт лишь как средство усиления обороноспособности Австралазии без каких-либо скрытых намерений в направлении дальнейшей федерализации, но при этом обвинял противников в стремлении отделиться от Великобритании³⁷⁴.

³⁷⁰ Ibid. P. 252-254.

³⁷¹ Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996. С. 58.

³⁷² Daily Telegraph. 28 November 1887. P. 4.

³⁷³ Age. 21 November 1887. P. 4.

³⁷⁴ Daily Telegraph. 28 November 1887. P. 4.

Тем не менее, вскоре соглашение было одобрено повсеместно. Показательно прошло его рассмотрение в Виктории. Там законопроект приняли «без какой-либо острой критики, в духе всеобщего патриотизма, ... и с многочисленными проявлениями самого преданного энтузиазма», – сообщила «Аргус». Когда же все формальности и согласования были завершены, премьер Грэм Берри пригласил законодателей в буфет отпраздновать это событие «в истинно британском стиле», провозгласив тосты в честь королевы и империи³⁷⁵.

Вопреки ожиданиям, создание системы военно-морской обороны региона полностью не успокоило австралийцев, не переставших ощущать угрозу в связи с тем, что Южно-Тихоокеанский регион становился местом все более жесткой конкуренции великих держав. Как утверждал один из членов Ассоциации уроженцев Австралии, «Франция, Германия, Голландия, США, Россия и Китай обосновались вокруг нас, и самые сильные из них ясно показали, что они хотят здесь остаться»³⁷⁶. Даже канадский федералист Дж. Паркин в своем публичном выступлении, проходившем в британском Лидсе, говорил о том, что «Германия и Франция владеют островами в окрестностях Австралии, и вполне возможно, будут угрожать ее свободе»³⁷⁷. В самой Австралии вероятность подобного исхода оценивали еще выше. «Мы полагаем, – передавал мнения австралийских политиков журнал Лиги Имперской Федерации, – что великие державы Европы предпримут все возможные шаги, какие только в их силах, для захвата новых территорий... С каждым днем они подходят все ближе к нам, и мы становимся подвержены возможным нападениям, от которых были свободны в прошлом»³⁷⁸.

³⁷⁵ Argus. 26 November 1887. P. 6.

³⁷⁶ Imperial Federation. The Journal of the Imperial Federation League. Vol. V. January to December, 1890. P. 114.

³⁷⁷ Ibid. P. 120.

³⁷⁸ Imperial Federation. The Journal of the Imperial Federation League. Vol. III. January to December, 1888. P. 50.

Очевидное стремление австралийцев оценивать международную обстановку, рассматривая ее из юго-западной части Тихого океана, приводило порой к искаженному восприятию общей картины, когда даже удаленные латиноамериканские государства начинали казаться потенциально опасными. К примеру, лидер оппозиции в Законодательном собрании Нового Южного Уэльса Дж. Диббс утверждал в 1888 г., будто «даже у Японии, Китая, Перу и Чили достаточно военно-морских сил, чтобы разбить все укрепления колоний»³⁷⁹. В известном смысле это был показательный случай, свидетельствующий о нарастании фобий в определенных кругах.

И все-таки какова бы ни была угроза – надуманная или действительная – внешняя обстановка заставляла австралийских политиков искать выход в максимальном объединении усилий. Будущий премьер-министр Австралийского Союза Альфред Дикин был убежден, что все межгосударственные союзы и объединения возникают «под давлением внешней опасности»³⁸⁰. В самом деле, страх перед внешним вторжением стимулировал реальное движение колоний к союзу³⁸¹. Налаживание кооперации в вопросах обороны Австралии представлялось тем шагом, который сможет обеспечить не только безопасность ее жителей, но и процветание всего континента, а вслед за этим, усиление империи. Как писал премьер Квинсленда сэр Сэмюэль Гриффит, «пройдет не так много лет, прежде чем мы увидим единый австралийский доминион, контролирующий южное полушарие»³⁸². Он связывал с политической интеграцией вполне конкретный замысел – через повышение статуса объединенных австралийских колоний стать полноправным игроком на имперской и международной арене.

³⁷⁹ Ibidem.

³⁸⁰ Deakin A. Federal Council / Prepared from the print article published in Review of Reviews. February 20, 1895. Pages 154-159. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 6.

³⁸¹ Younger R.M. Australia and the Australians. Richmond, 1982. P. 346.

³⁸² Imperial Federation. The Journal of the Imperial Federation League. Vol. V. January to December, 1890. P. 78.

«Когда мы поставим перед собой цель заложить основы национального процветания у себя дома, и когда мы полностью возьмем на себя защиту наших собственных берегов, то мы станем силой, с которой будут считаться... Тогда вместо опоры на Лондон мы будем иметь власть, на которую Лондон сможет опереться в случае необходимости», – утверждал Гриффит³⁸³.

При этом угрозы для Австралазии виделись автономиям глобально сквозь призму опасностей для империи в целом, где бы они не возникали: «Русские могут напасть на Индию, немцы могут показать свои зубы нашим африканским колонистам, и даже Португалия может отомстить за недавнее оскорбление³⁸⁴, в то время как Франция – удовлетворить свои амбиции в землях антиподов»³⁸⁵. Потому и защита колоний должна была, с точки зрения австралийцев, являться одним из главных приоритетов империи. Так, в ответ на вопрос лорда Солсбери, ожидает ли Австралия, что Англия вступит в войну с Францией из-за Новых Гебридов, представители колоний на имперской конференции 1887 г. заявили, что война будет меньшим злом для Великобритании, чем подталкивание колоний к мыслям о распаде империи³⁸⁶.

Новый импульс для активизации военных приготовлений появился в 1889 г. в связи с публикацией доклада генерала Б. Эдвардса, которого британское правительство направило в Австралию с целью инспектирования и выработки плана по усовершенствованию ее обороны. Главное предложение генерала сводилось к созданию военного союза британских владений как единственно возможного способа увеличения эффективности их потенциала в случае боевых действий. Он считал необходимым унифицировать

³⁸³ Imperial Federation. The Journal of the Imperial Federation League. Vol. III. January to December, 1888. P. 79.

³⁸⁴ Имеется в виду британский ультиматум 1890 г., требовавший от Португалии отказаться от оккупации определенных территорий в Африке.

³⁸⁵ Imperial Federation. The Journal of the Imperial Federation League. Vol. V. January to December, 1890. P. 115.

³⁸⁶ Leader. 7 May 1887. P. 25.

организацию и оснащение вооруженных сил колоний, привести железные дороги к общему стандарту ширины колеи и учредить пост главнокомандующего обороной континента³⁸⁷.

Сторонниками объединения Австралии доклад Эдвардса был воспринят как ясное указание на то, что все угрозы для нее исходят от разделения, и потому заключение союза автономий жизненно важно ради обеспечения их безопасности³⁸⁸. Это стало поводом для очередного пересмотра колониями своих подходов к сотрудничеству по предотвращению предполагаемого вторжения иностранных держав³⁸⁹. Однако подобным замыслам зачастую продолжала мешать происходившая из местечковости «провинциальная зависть», соперничество колоний, не желавших попасть под командование своих соседей, а также боязнь потери «престижа» и «независимости».

В том же 1889 г. Лига имперской федерации выдвинула план организации всеобъемлющей системы обороны. Он имел в виду формирование имперского военного совета из представителей метрополии, автономий и Индии. Предлагалось создать объединенный флот и усовершенствовать локальную оборону. Таким образом, подразумевалось участие колоний в обеспечении безопасности не только своих территорий, но и всей империи. Такой подход ожидаемо был встречен в автономиях более чем прохладно³⁹⁰.

Как отмечал Р.А. Шилдс, в 1880-1890-е годы австралийцы проявляли энтузиазм в вопросах, связанных с созданием единой эффективной обороны,

³⁸⁷ The Report of Major-General Edwards // Argus. 15 October 1889. P. 9.

³⁸⁸ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900). / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 31.

³⁸⁹ Official record of the proceedings and debates of the Australasian Federation Conference, 1890, held in the Parliament House, Melbourne. Melbourne, 1890. P. 269.

³⁹⁰ Shields R.A. Australian Opinion and Defence of the Empire: A Study in Imperial Relations 1880-1890 // The Australian Journal of Politics and History. 1964. Vol. 10, Issue 1. P. 52-53.

однако исключительно на региональном уровне. Планы по созданию общеимперской обороны проваливались, поскольку австралазийские автономии, как и все остальные, были не готовы принять какую-либо ответственность, выходящую за пределы их непосредственных интересов. Особенно противодействие подобным проектам усиливалось из-за боязни установления центрального, а не местного, контроля за военно-морскими силами в юго-западной части Тихого океана³⁹¹. В случаях, когда речь заходила об участии в защите всей империи, законодательные собрания автономий не только не были в этом заинтересованы, но и всячески тому препятствовали³⁹². «Поддержание целостности Британской империи – имперская забота»³⁹³, – считали в Австралии. Причем колониальный офис прекрасно знал о подобных настроениях³⁹⁴, но не мог повлиять на них.

Последнее десятилетие XIX в. принесло дополнительные поводы для беспокойства о внешних угрозах. Обострились международные противоречия на Дальнем Востоке, что вновь ставило вопрос об опасности, якобы исходившей от Российской империи. Одна из австралийских газет сообщала, что за последние два десятилетия Австралия минимум дважды была на пороге войны с Россией, и без создания эффективной системы обороны континента все коммуникации между северной и южной его частями будут легко разрушены³⁹⁵. Географическая протяженность России, по утверждению прессы, обуславливала ее вовлеченность во все национальные движения и потенциальные военные конфликты в любой части Европы и Азии³⁹⁶. К этому добавилась настороженность, вызванная усилением активности Японии в

³⁹¹ Ibid. P. 41-53.

³⁹² Ibidem.

³⁹³ Capricornian. 5 March 1898. P. 18.

³⁹⁴ Shields R.A. Australian Opinion and Defence of the Empire: A Study in Imperial Relations 1880–1890 // Australian Journal of Politics and History. 1964. Vol. 10, Issue 1. P. 53.

³⁹⁵ National Advocate. 6 January 1898. P. 2.

³⁹⁶ Dungog Chronicle: Durham and Gloucester Advertiser. 5 October 1894. P. 2.

регионе. Японо-китайская война 1894-5 гг. «открыла глаза» австралийцам и всему миру на мощь Японии, ранее незаметную в сравнении с Китаем³⁹⁷, и актуализировала вопрос об объединении усилий в области обороны³⁹⁸. Япония, констатировала пресса, показала всему миру, что она стала обладать военной силой, значительной даже по европейским стандартам, тем самым доказав свое право вступить в число великих держав³⁹⁹.

В сложившейся ситуации российское вторжение представлялось еще более вероятным. Россия наращивала свое военное присутствие в регионе, в частности во Владивостоке, и, казалось, со временем могла приобрести военно-морскую базу в Корее⁴⁰⁰. Усилению подобных опасений способствовало и строительство Транссибирской магистрали, что могло превратить Владивосток в аналог Ливерпуля и уменьшить дистанцию между Россией и Австралией⁴⁰¹. Переход Порт-Артура под контроль Российской империи укрепил убеждение австралийцев, что она на этом не остановится. Политические деятели автономий, как писали некоторые газеты, наивно игнорируют факты усиления России и, вероятно, поймут всю опасность такой позиции только тогда, когда быстроходные и многочисленные российские корабли получат возможность добраться из незамерзающего порта до австралийских берегов всего за пару недель. Более того, согласно утверждениям прессы, на протяжении долгого времени неизбежность войны между Англией и Россией была очевидна, и спустя всего лишь пару-тройку лет положение Великобритании в этом противостоянии перестанет быть выгодным⁴⁰². В результате последствия могут оказаться для Австралии самыми печальными. А «Майтлэнд Дэйли Меркьюри» приводила мнение

³⁹⁷ Sydney Morning Herald. 16 May 1895. P. 6.

³⁹⁸ Evening News. 14 May 1895. P. 2.

³⁹⁹ Barrier Miner. 19 April 1895. P. 2.

⁴⁰⁰ Dungog Chronicle: Durham and Gloucester Advertiser. 5 October 1894. P. 2.

⁴⁰¹ Geelong Advertiser. 7 June 1895. P. 3.

⁴⁰² Sunday Times. 21 August 1898. P. 6.

Джорджа Крейга, автора работы «Федеративная оборона Австралии», который утверждал, что если Россия вторгнется на пятый континент, не готовый к такому развитию событий, то, не встретив сколь-нибудь серьезного сопротивления, она будет вести себя крайне негуманно и нецивилизованно. Сидней будет бомбардирован с моря и разрушен еще до начала организации обороны, города обяжут поставлять продовольствие под угрозой сожжения, а жители подвергнутся самому жестокому обращению и лишению всех благ и достижений австралийского общества – политических, экономических и социальных. Для предотвращения подобного сценария считалось необходимым убедить имперское командование в необходимости коренной реорганизации системы обороны, иначе осознание важности этого шага придет вместе с горьким уроком⁴⁰³. Еще одним поводом для беспокойства австралийцев стало направленное против закабаления китайцев так называемое боксерское восстание. Встревоженные подъемом антизападного движения автономии в очередной раз организовали отправку своих добровольческих сил для поддержки британских войск⁴⁰⁴.

В условиях нараставшей тревоги крепло убеждение, что австралийцам недостает конкретных действий. Как утверждал британский генерал-майор Эдвард Хаттон, австралийские политики напрасно игнорируют события на Дальнем Востоке и их возможные последствия. Исключение, по его словам, составлял лишь Генри Паркс, который в полной мере понимал влияние региональных конфликтов на Австралию. «Нынешнее состояние дел весьма опасно и требует объединенных усилий по укреплению обороны больше, чем когда-либо», - цитировала мнение генерала одна из газет Нового Южного Уэльса⁴⁰⁵. Другое издание, говоря о скором окончании строительства Транссибирской железной дороги, напоминало своим читателям, что все

⁴⁰³ Maitland Daily Mercury. 14 February 1898. P. 4.

⁴⁰⁴ Argus. 7 July 1900. P. 13.

⁴⁰⁵ Kiama Independent, and Shoalhaven Advertiser. 12 November 1895. P. 4.

федерации создавались под влиянием страха перед внешними угрозами, и задавало своей аудитории риторический вопрос – а в достаточной ли мере Австралия свободна от опасностей⁴⁰⁶.

Принимая во внимание внешнюю обстановку, в 1897 г. на второй колониальной конференции участники согласились продлить действие Акта о морской обороне Австралазии, который в целом был признан удовлетворительным. Однако решение не стало легким и единогласным. Премьер Южной Австралии Чарльз Кингстон воздержался от голосования и предлагал взамен рассмотреть проект создания в Австралии Королевского военно-морского резерва⁴⁰⁷. Он предусматривал подготовку личного состава для британского флота вместо выплаты субсидий, которые многими австралийцами считались своего рода «данью», унижительной для достоинства автономий. Несмотря на разницу во взглядах, премьеры единодушно выступили против предложения о том, чтобы корабли созданной в рамках соглашения дополнительной эскадры во время военных действий могли отправляться за пределы австралазийской акватории⁴⁰⁸. По мнению австралийцев, в таком случае сам характер соглашения подразумевал бы не совместную с метрополией оборону Австралазии, а прямое участие колоний в войнах Великобритании при абсолютном отсутствии возможностей влиять на принятие решений в вопросах войны и мира⁴⁰⁹.

В свою очередь, имперские власти тоже не были вполне довольны актом, так как доля расходов, оплачиваемая колониями, была более чем скромной, особенно при пересчете на душу населения. Колонии в свою очередь возражали, что береговая линия пятого континента, которую необходимо охранять, несравнимо больше его заселенной части. К тому же

⁴⁰⁶ Armidale Chronicle. 9 April 1898. P. 6.

⁴⁰⁷ Proceedings of a conference between the Secretary of State for the Colonies, and the Premiers of the self-governing colonies, at Colonial Office. London, 1897. P. 18.

⁴⁰⁸ Sydney Morning Herald. 6 July 1897. P. 5.

⁴⁰⁹ Truth. 21 February 1897. P. 3.

Великобритания, участвуя в данном проекте, усиливает свое положение, вкладываясь в защиту собственных жизненно важных торговых путей⁴¹⁰. Вдобавок, считали австралийцы, метрополия обладает намного большими финансовыми ресурсами, пополняемыми не в последнюю очередь благодаря установленным ею же правилам налогообложения. Например, налоги с инвестиций шли в Великобританию, снижая потенциальные доходы автономий⁴¹¹. При этом, все стороны понимали, что даже если колонии, вопреки просьбам метрополии, и откажутся платить больше на содержание эскадры, ее все равно не выведут из австралазийских портов и не оставят столь важную часть империи вовсе без защиты⁴¹².

В результате, к 1898 г. безопасность Австралии обеспечивали 16 британских кораблей, размещенных на пяти военно-морских базах. При этом в портах Британских островов располагалось тогда лишь 15 кораблей⁴¹³, хотя и других классов. Несмотря на это, дискуссии о потенциальной внешней угрозе в Австралии не утихали. «Если бы Англия находилась в состоянии войны с Францией или Россией, что бы делала Австралия? – задавались вопросом журналисты. – Мы точно будем в плачевном состоянии. Большая часть нашей длинной береговой линии находится практически без охраны. В любой из колоний винтовок недостаточно, чтобы вооружить хотя бы десять процентов мужского населения; боеприпасов не хватит даже для двухдневного ведения активной стрельбы; и почти нигде нет полевой артиллерии, достойной такого названия... Это просто приглашение к нападению»⁴¹⁴.

Итак, на протяжении последней трети XIX в. проблема локальной и региональной обороны постоянно находилась в центре внимания

⁴¹⁰ Evening News. 3 July 1897. P. 4.

⁴¹¹ Sydney Morning Herald. 7 July 1897. P. 4.

⁴¹² Evening News. 3 July 1897. P. 4.

⁴¹³ Ferguson N. Empire: How Britain made the modern world. London; New York: Allen Lane, 2003. P. 245.

⁴¹⁴ Geraldton Advertiser. 5 January 1900. P. 2.

политических кругов и общественности автономий. Первоначальная уверенность в безопасности континента в силу его удаленности и стремление к «самоизоляции» постепенно сменялись убеждением в острой необходимости коллективной всеобъемлющей защиты колоний от внешних угроз. Вопрос об организации обороны Австралии привел как к усилению осознания необходимости межколониального сотрудничества, так и к появлению новых схем кооперации с имперским правительством. При этом конкретные планы подобного взаимодействия часто встречали сопротивление, вызванное как «колониальной завистью», так и стремлением не оказаться в заложниках внешнеполитического курса Великобритании. Со своей стороны, метрополия противодействовала вмешательству австралийских колоний в те вопросы, которые Лондон считал своей вотчиной. Такой подход привел к тому, что, хотя охрана австралийского побережья улучшилась, организация общеимперской обороны на Тихом океане в рассматриваемый период не претерпела кардинальных изменений. В целом вопросы обороны оставались одними из важнейших при обсуждении будущего как Британской империи, так и ее владений в Австралии, стимулируя осознание собственных интересов новой нацией, формировавшейся, согласно господствовавшему убеждению, в лоне семьи англосаксонских народов.

§ 3. Миграция в Австралию: общественные настроения и политическая стратегия

Среди факторов, оказывавших влияние на развитие австралийских переселенческих колоний, исключительно важная роль принадлежала иммиграции.

Продолжительное время колонизация пятого континента тормозилась из-за нехватки рабочей силы. Для улучшения положения с 1830-х гг. британское правительство и предпринимательские круги активизировали деятельность по привлечению эмигрантов. В это время развернулось

применение так называемой системы Уэйкфилда, при которой доходы от продажи земли контролировались колониальным офисом и шли на оплату путешествия из Англии в Австралию для тех, кто не мог его себе позволить. В середине XIX в. возникли и иные схемы субсидирования мигрантов. Получив самоуправление, колонии сами стали распоряжаться средствами от продажи земли⁴¹⁵ и начали участвовать в отборе и финансировании желающих поселиться на их территории. Во второй половине XIX в. появился институт генеральных агентов – уполномоченных автономий в Лондоне (Южная Австралия назначила своего представителя в 1856 г., Виктория – 1857 г., Новый Южный Уэльс – 1864 г., Квинсленд – 1869 г., Тасмания – 1886 г., Западная Австралия – 1889 г.). Они-то и сосредоточили в своих руках всю работу с кандидатами на переезд.

Имперские чиновники при этом отвечали только за отправку мигрантов, но не за их подбор. Таким образом, австралийские власти приобрели основной контроль над процессами заселения материка. Существовало три схемы, в рамках которых колонии привлекали мигрантов. Основной оставалась подача австралийскими властями заявок генеральным агентам на финансирование переезда представителей определенных профессий с учетом возраста и пола. Вторым вариантом были приглашения жителей колоний для членов семей и друзей, при этом заявители сами оплачивали часть стоимости путешествия и помогали переселенцам трудоустроиться на новой земле. И, наконец, в Западной Австралии и Квинсленде наибольшее распространение получил способ, при котором расходы на проезд не компенсировались, однако вновь прибывшие наделялись землей⁴¹⁶.

Программы субсидирования эмигрантов с Британских островов были удобным инструментом для контроля за въездом в колонии. К примеру,

⁴¹⁵ Каневская Г.И. «Заселить или погибнуть». Иммиграционная политика Австралии (XIX - начало XXI веков). Владивосток, 2017. С. 17.

⁴¹⁶ Harper M., Stephen C. Migration and Empire. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 52.

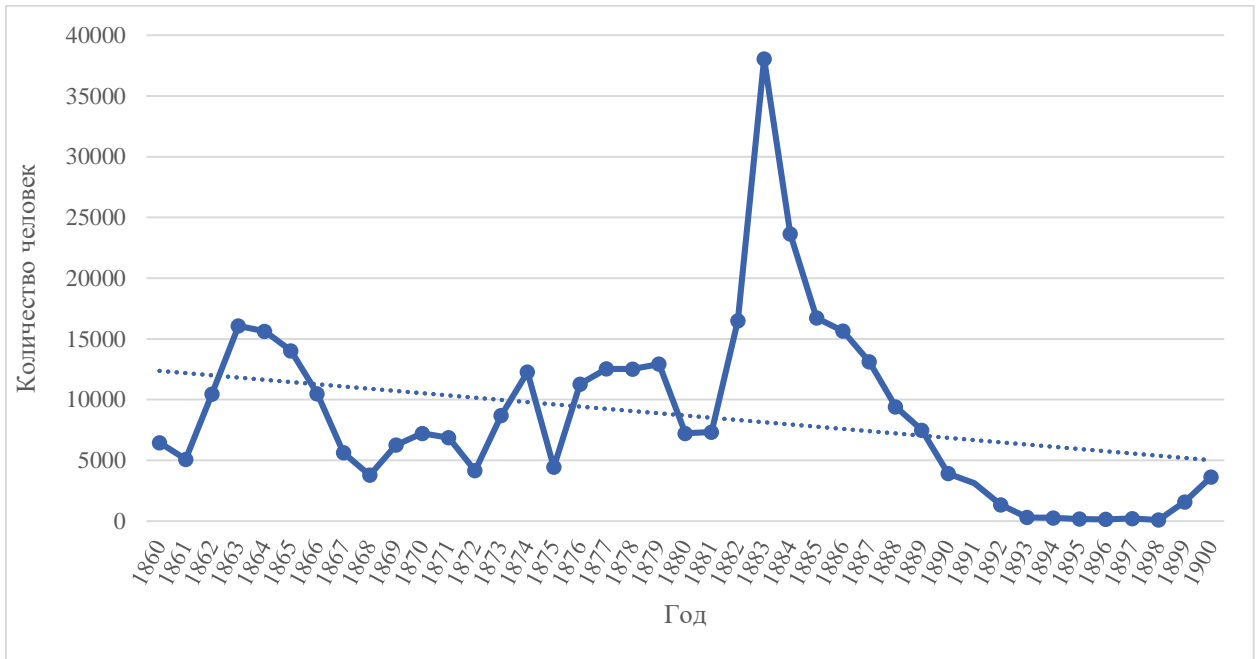
попасть в программу поддержки миграции первого типа могли лишь обладатели определенного набора профессиональных, физических и моральных характеристик. Так, чтобы получить субсидию на переселение в Новый Южный Уэльс, необходимо было, помимо прочего, заручиться рекомендациями двух уважаемых домовладельцев, удостоверявших, в частности, что кандидат ведет честный и трезвый образ жизни. Требовалось и медицинское заключение о том, что указанное лицо не страдает психическими расстройствами, слепотой, глухотой или иными серьезными физическими недостатками, мешающими вести полноценную трудовую деятельность и сокращающими продолжительность жизни. Могли выдвигаться и дополнительные условия. Например, генеральный агент Нового Южного Уэльса мог отказать в предоставлении средств, ссылаясь на то, что кандидат ранее уже проживал в колониях или имел намерение вскоре после прибытия переехать в другую австралийскую автономию⁴¹⁷.

Постепенно продажа земли как основной источник финансирования иссякала⁴¹⁸. Субсидирование иммиграции перестало применяться в Виктории с 1873 г., Новом Южном Уэльсе (за некоторыми исключениями) с 1877 г., Южной Австралии – 1886 г., а в Тасмании выделение средств для переезда прекратилось в 1891 г. Прекращение этих программ привело, как показано на графике №2, к снижению количества субсидированных мигрантов в 1890-е годы практически до нуля.

⁴¹⁷ Ev. of G. F. Wise, Immigration Agent for New South Wales, to the Select Committee on Assisted Immigration, pp. 2-4. V. and P. of the Legis. Ass. of N.S.W. 1879-80, Vol. 5. // Clark С.М.Н. Select documents in Australian history. Sydney, 1950. P. 255-256.

⁴¹⁸ Каневская Г.И. «Заселить или погибнуть». Иммиграционная политика Австралии (XIX - начало XXI веков). Владивосток, 2017. С. 21.

График 2. Количество прибывших в Австралию субсидированных мигрантов, 1860-1900 гг.⁴¹⁹

Тем не менее, по сведениям Г.И. Каневской, из 768 тыс. чел., прибывших в Австралию за период с 1861 по 1900 гг., количество субсидируемых иммигрантов составило 50,5%⁴²⁰ Таким образом, политика британского правительства и австралийских автономий вносила ощутимый вклад в увеличение численности населения континента и, через регулирование требований к въезжающим, в формирование качественных характеристик австралийского общества.

Однако сама идея финансовой поддержки переселенцев вызывала споры. С одной стороны, приверженцы субсидированной колониями миграции обосновывали ее пользу тем, что при прочих равных условиях жители метрополии выберут США или Канаду в качестве нового места жительства, так как финансовые и временные затраты на переезд в Северную

⁴¹⁹ Сост. по: Development and Migration Commission. Second Annual Report for Period Ending 31 December 1928. C'W. P.P. 1929, Vol. 2. // Clark C.M.H. Select documents in Australian history. Sydney, 1950. P. 257.

⁴²⁰ Каневская Г. И. Иммиграционная политика в австралийских колониях Великобритании в XIX в. // Россия и АТР. 2013. №1. С. 144.

Америку будут значительно ниже. А Австралия, между тем, нуждалась в увеличении численности населения, особенно для того, чтобы своими силами противостоять любой потенциальной военной угрозе⁴²¹. С другой стороны, противники подобных мер хотели возложить бремя финансовых расходов на переезд лиц, не нашедших своего места в метрополии, на саму Великобританию. Член Законодательного собрания Виктории Дж. Хайинботэм объяснял необходимость отказа от этих программ, поскольку жители Австралии не должны платить за освобождение Англии и Ирландии от бремени пауперизма. Хайинботэм даже назвал эту систему «депортацией нищих». Кроме того, в последней трети XIX в. потерял свою актуальность обыкновенно использовавшийся аргумент «необходимости вливания новой крови». По мнению Хайинботэма, он приводил к прибытию на континент малополезной неквалифицированной рабочей силы, а не столь необходимых австралийскому обществу состоятельных и образованных людей⁴²². Сторонники подобного подхода утверждали, что материальное благополучие общества не зависит напрямую от его численности, а лишь от соотношения работающего населения и размеров капитала, а также естественных богатств страны. Таким образом, искусственное увеличение населения колоний при сохранении прежних объемов материальных ресурсов могло изменить это соотношение в худшую сторону⁴²³.

Однако, объективно значение иммиграции для Австралии постепенно уменьшалось. Согласно сведениям на 1861 г., уроженцами колоний была

⁴²¹ Speech by Mr Michie on the Immigration Vote in the Legis. Ass. of Vic. 2 June 1870. Vic. P.D. 1870, Vol. 10, pp. 718-9 // Clark C.M.H. Select documents in Australian history. Sydney, 1950. P. 246-247.

⁴²² G. Higinbotham. Against assisted immigration // Australia speaks: an anthology of Australian speeches / edited by A.L. McLeod. Sydney, 1969. P. 54-59.

⁴²³ Speech by Mr Higinbotham on the Immigration Vote in the Legis. Ass. of Vic. 2 June 1870. Vic. P.D. 1870, Vol. 10, pp. 710-11 // Clark C.M.H. Select documents in Australian history. Sydney, 1950. P. 247-248.

почти половина жителей континента, а оставшиеся – за малым исключением – Великобритании⁴²⁴. По данным переписи за 1881 г., в самой Австралии родилось уже около 64% населения, в других частях Британской империи – около 30%, а из-за ее пределов прибыло всего 5,4% населения, или около 125 тыс. чел., из которых примерно 38 тыс. чел., то есть 1,6% всего зарегистрированного населения, являлись китайскими иммигрантами. Остальные переселенцы прибыли из Германии, США и Франции⁴²⁵. К концу рассматриваемого периода ситуация продолжила развиваться в заданном направлении. В 1901 г. доля коренных белых жителей Австралии достигла 77%, а выходцев из иных британских территорий – 18%. Лица небританского происхождения составляли лишь 5%: в основном выходцы из Германии, скандинавских стран и Китая⁴²⁶⁴²⁷.

Но если переселенцы из стран Западной Европы принципиальных возражений не вызывали, то практически все слои населения Австралии были согласны с необходимостью ограничения или даже полного запрета азиатской миграции на континент. Как высокомерно восклицал один из современников: «Австралийцы, разумеется, не собираются становиться нацией китайцев!»⁴²⁸.

Последних обвиняли в несоответствии стандартам жизни белого человека. Им в вину вменялись антисанитария, рабская роль женщин и детей в семье, отсутствие понятий о грехе и морали. Это могло приводить, по

⁴²⁴ Harper M., Stephen C. Migration and Empire. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 41.

⁴²⁵ Historical and Colonial Census Data Archive – HCCDA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hccda.ada.edu.au/P.s/VIC-1881-census_01-03_29 [Дата обращения: 05.05.2016]

⁴²⁶ Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. Melbourne, 1908. P. 168.

⁴²⁷ Данные приведены без учета аборигенов

⁴²⁸ Imperial Federation. The Journal of the Imperial Federation League. Vol. III. January to December, 1888. P. 50.

мнению европейцев, к различного рода безнравственным действиям: продаже отцами-китайцами собственных детей, бессовестному вранью, предательству товарищей и т.д.⁴²⁹ Согласно утвердившемуся представлению, наибольшей опасности и деморализующим последствиям от заселения континента китайцами, которые прибывали туда обычно без женщин, подвергались австралийские девушки. В первую очередь это касалось тех из них, кто проживал неподалеку от «чайнатаунов», считавшихся очагами процветания проституции⁴³⁰.

Приток дешевой и нетребовательной рабочей силы из Китая рассматривался и как угроза благополучию австралийских рабочих. Готовность азиатов работать в любых условиях при самой минимальной оплате мог свести на нет усилия тред-юнионов по улучшению условий труда и росту заработной платы. Первый закон, призванный ограничить въезд нежелательных лиц на территорию Австралии, был принят в Виктории уже в 1855 г.⁴³¹ Он стал следствием золотой лихорадки и волнений диггеров, в том числе и Эврикского восстания. Недовольство вызывал образ жизни китайцев и высокая конкуренция на месторождениях. Акт ограничивал количество китайцев, которых можно было доставлять на судах в австралийские порты, и облагал перевозчиков дополнительным налогом на каждого пассажира-китайца⁴³². Однако пока подобный закон действовал только на территории Виктории, он оставался малоэффективным, так как корабли с азиатами

⁴²⁹ Thomson R. Australian nationalism: An Earnest Appeal to the Sons of Australia in Favor of the Federation and Independence of the States of Our Country. Loc. cit. [Burwood, near Sydney, (1888)] // Clark C.M.H. Select documents in Australian history. Sydney, 1950. P. 795-6.

⁴³⁰ Chinese. Petition from the People of New South Wales // Alomes S., Jones C. Australian nationalism: a documentary history. North Ryde: Collins/Angus & Robertson, 1991. P. 129.

⁴³¹ Каневская Г.И. «Заселить или погибнуть»: иммиграционная политика Австралии (XIX – начало XXI веков). Владивосток, 2017. С. 29.

⁴³² Lee J. Anti-Chinese Legislation in Australasia // The Quarterly Journal of Economics. 1889. Vol. 3, No. 2. P. 218.

свободно прибывали в порты других колоний. Благодаря усилиям властей Виктории, в 1857 г. подобный акт был принят Южной Австралией, а в 1861 г. и Новым Южным Уэльсом. В Квинсленде схожий акт появился в 1877 г. Остальные колонии на время остались в стороне. Снижение темпов добычи золота привело к тому, что число нежелательных мигрантов снизилось, и ограничительные меры Виктории, Южной Австралии и Нового Южного Уэльса были аннулированы в 1865, 1861 и 1867 гг. соответственно.

Сокращение прибыли от добычи драгоценных металлов побудило часть мигрантов из Азии перемещаться из отдаленных лагерей золотоискателей в города в поисках новых источников дохода, где они все больше взаимодействовали с белыми австралийцами. Возникшая вскоре волна антикитайских настроений вынудила законодателей вновь вернуться к данной проблеме. Например, в 1878 г. по итогам встречи представителей различных рабочих объединений была составлена петиция в законодательное собрание Нового Южного Уэльса. В ней говорилось о том, что проникновение китайской рабочей силы в автономию ставит под угрозу сохранение достойной заработной платы рабочих, мир и счастье их семей, равно как и репутацию самой колонии, которая будет в опасности из-за «аморальности» китайцев⁴³³. Столкновения, направленные на борьбу с мигрантами из Китая, проходили на протяжении всей второй половины XIX в.⁴³⁴ Например, в 1888 г. мелкий конфликт жителя Брисбена с китайским продавцом привел к нанесению увечий последнему, потом к погрому и разорению сперва его магазина, а затем и всех окрестных лавок и домов, принадлежавших выходцам из Китая. Массовые беспорядки сопровождались призывами к изгнанию всех китайских мигрантов. При этом наиболее «позорной и трусливой» деталью

⁴³³ Chinese. Petition from M. Guest, Chairman of a Public Meeting of Mechanics, Labourers, and others. // Alomes S., Jones C. Australian nationalism: a documentary history. North Ryde: Collins/Angus & Robertson, 1991. P. 129.

⁴³⁴ Alomes S., Jones C. Australian nationalism: a documentary history. North Ryde: Collins/Angus & Robertson, 1991. P. 125.

этих событий газеты называли нападение на двух уважаемых австралийцев, которых заподозрили в связях с китайцами⁴³⁵. Этот «страх» перед китайской иммиграцией, «который трудно понять англичанам дома», австралийцы называли ничем иным как «инстинктом самосохранения, усиленным опытом»⁴³⁶.

Наряду с аргументами экономического и социально-этического характера, с 1880-х гг. антиазиатские настроения в австралийском обществе особенно усиливались под влиянием идей национализма и расизма. Австралийский политик, историк и журналист британского происхождения Чарльз Пирсон заявлял: «Мы защищаем последнюю часть света, где высшие расы могут жить и свободно развиваться, для высшей цивилизации»⁴³⁷. Газеты полагали, будто прибытие большого числа китайцев поставило бы под угрозу само строительство единой австралийской нации, которая не могла иметь иной, кроме европеоидной, расовой базы⁴³⁸. Как писал в 1888 г. другой выразитель идей австралийского национализма Роберт Томсон, «их [китайцев] преступление в том, что они принадлежат дешевой расе, дешевой настолько, что это разрушительно для белой расы»⁴³⁹. По утверждению известного пропагандиста имперских идей Генри Паркса, китайцы – это «полчища людей рабской расы, чуждые [австралийцам] по языку, религии, и правовым понятиям»⁴⁴⁰. Необходимость их исключения из австралийского общества он объяснял тем, что «при создании свободного государства не следует опираться

⁴³⁵ Queanbeyan Age. 16 May 1888. P. 4.

⁴³⁶ Pearson Ch.H. National Life and Character: A Forecast. London and New York: Macmillan and Co., 1894. P. 17.

⁴³⁷ Ibidem.

⁴³⁸ Hamilton Spectator. 27 May 1880. P. 2.

⁴³⁹ Thomson R. Australian nationalism: An Earnest Appeal to the Sons of Australia in Favor of the Federation and Independence of the States of Our Country. Loc. cit. [Burwood, near Sydney, (1888)] // Clark C.M.H. Select documents in Australian history. Sydney, 1950. P. 794.

⁴⁴⁰ Parkes H. Fifty years in making Australian history. In 2 Vol. London, 1892. Vol. 2. P. 206.

на национальность или класс, за которыми мы не готовы признать все наши привилегии, связанные с правами собственности и гражданства, социальным доверием и обычаями, в том числе возможностью заключения смешанных браков. Существование рабского или деградировавшего класса несовместимо с безопасным сохранением национальной свободы»⁴⁴¹. Томсон в борьбе за построение единой независимой австралийской нации считал возможным прибегнуть даже «к войне против засилья китайцев»⁴⁴². В связи с этим на 1880-е годы пришелся новый виток антимиграционного законодательства.

Интересно, что именно стремление ограничить въезд нежелательных лиц было одним из оснований для межколониального сотрудничества, реально способствовавшим совместным действиям весьма разрозненных австралийских правительств. Показательно в этом смысле начало деятельности созданной в 1880 г. в Виктории Австралийской национальной ассоциации. Цели этой организации заключались в содействии политическому (в первую очередь), культурному и экономическому объединению Австралии. Китайскому вопросу было уделено особое внимание уже на первом ее установочном собрании. Намерение устранить скорейшим образом конкуренцию между дешевым трудом китайцев и высокооплачиваемым трудом европейцев стало поводом для бурной дискуссии и даже нашло отражение в уставе ассоциации в качестве одной из ее ключевых задач⁴⁴³.

В ноябре 1880 г. – январе 1881 г. по инициативе Генри Паркса состоялась общеконтинентальная конференция, посвященная вопросу об отношении к мигрантам из Китая. Несмотря на то, что тогда их количество, согласно

⁴⁴¹ Ibid. P. 207.

⁴⁴² Thomson R. Australian nationalism: An Earnest Appeal to the Sons of Australia in Favor of the Federation and Independence of the States of Our Country. Loc. cit. [Burwood, near Sydney, (1888)] // Clark C.M.H. Select documents in Australian history. Sydney, 1950. P. 794-795.

⁴⁴³ Hamilton Spectator. 27 May 1880. P. 2.

официальным данным, составляло менее 2% населения колоний⁴⁴⁴, все они, кроме Западной Австралии, высказались за необходимость ввода согласованных ограничительных мер⁴⁴⁵. Курс, взятый австралийскими автономиями, явно шел вразрез с задачами внешней политики Великобритании на Дальнем Востоке. В ответ, Лондон отказался санкционировать вводимые самоуправляющимися колониями законы, препятствовавшие въезду азиатских иммигрантов. Фактически, теперь британское правительство действовало в этом вопросе, исходя лишь из задач имперской политики и опираясь на собственный авторитет.

Согласно крепнувшему в колониях представлению, если они будут действовать заодно, как части единой федерации, убеждая имперские власти в необходимости принятия предлагаемых мер, то вопрос будет разрешен в пользу Австралии⁴⁴⁶. И действительно, твердая консолидированная позиция автономий убедила метрополию пойти на уступки. В 1881 г. Новый Южный Уэльс, Виктория и Южная Австралия вернули отмененным в 1860-х годах актам юридическую силу. В 1887 г. ограничения на прибытие китайцев ввела и Тасмания⁴⁴⁷.

Тем временем антиазиатские настроения в австралийском обществе продолжали нарастать. В Квинсленде, к примеру, в 1887 г. появилась идея отметить приближающийся золотой юбилей правления королевы Виктории выпуском памятной медали. На одной ее стороне должен был размещаться портрет самой королевы, а на обороте – надпись «Квинсленд для белого

⁴⁴⁴ Historical and Colonial Census Data Archive – HCCDA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hccda.ada.edu.au/> [Дата обращения: 05.05.2016]

⁴⁴⁵ Willard M. History of the White Australia Policy to 1920. London, 1967. P. 62.

⁴⁴⁶ Hamilton Spectator. 27 May 1880. P. 2.

⁴⁴⁷ Choi C.Y. Chinese migration and settlement in Australia with special to the Chinese in Melbourne. A thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy. Australian National University, 1971. P. 54-66.

человека; никаких китайцев»⁴⁴⁸. Подобные замыслы австралийцев заставили британского министра колоний лорда Натсфорда указать им на необходимость действовать более тактично в отношении подданных азиатских государств. Для того, чтобы как-то замаскировать антиазиатскую политику австралийских колоний, министр предложил им ввести формальные ограничения на въезд из всех зарубежных стран. Правительства колоний отказались выполнить эти рекомендации, заявляя, что никаких ограничений для европейцев вводиться не будет, и даже наоборот, им будут предоставлены преимущества⁴⁴⁹. Что же касается азиатских иммигрантов, то тут точка зрения колоний только ужесточилась. На встрече властей и представителей общественности в Сиднее в 1888 г. участники приняли резолюцию, гласившую, что, невзирая ни на какие международные договоры Великобритании и имперское законодательство, ни одному китайцу более не должно быть позволено прибытие в Австралию⁴⁵⁰. Месяц спустя, по улицам Сиднея прошла демонстрация, вылившаяся в 30-тысячный митинг в поддержку ужесточения антикитайского законодательства⁴⁵¹.

В том же году состоялась вторая общеавстралийская конференция, посвященная вопросу о китайских иммигрантах. Мнение участников осталось по-прежнему бескомпромиссным – не допускать азиатов в Австралию⁴⁵².

Спустя восемь лет, в 1896 г., была проведена очередная подобная конференция, которая прошла под лозунгом «За изгнание азиатов»⁴⁵³. Теперь главное внимание обращалось на усиление японской иммиграции в Австралию в связи с англо-японским договором о торговле и мореплавании

⁴⁴⁸ Queensland Figaro and Punch. 7 May 1887. P. 17.

⁴⁴⁹ Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971. С. 166.

⁴⁵⁰ Daily Telegraph. 4 May 1888. P. 4.

⁴⁵¹ Wagga Wagga Advertiser. 5 June 1888. P. 3.

⁴⁵² Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971. С. 167.

⁴⁵³ Каневская Г. И. Иммиграционная политика в австралийских колониях Великобритании в XIX в. // Россия и АТР. 2013. №1. С. 146.

1894 г.⁴⁵⁴ Согласно ему, японцы (и взаимно британские подданные в Японии) получили право проживать и заниматься торговой и промышленной деятельностью на всей территории империи (однако без права владения землёй). Направив правительствам британских владений в Австралии копии этого договора, министр колоний лорд Рипон одновременно сообщал, что если те пожелают, то могут прислать свои ноты о присоединении к соглашению. И вновь правительства автономий вопреки настойчивым рекомендациям Лондона заняли резко отрицательную позицию, отказавшись присоединиться к договору. Они не желали, как утверждалось, видеть на своей земле «неподходящих» людей, основными занятиями которых в Австралии стали ловля жемчуга и проституция⁴⁵⁵. Более того, они приняли обновленные законы об ограничении иммиграции из стран Азии. Западная Австралия, Новый Южный Уэльс и Тасмания утвердили новый порядок регулирования въезда, который предусматривал проведение диктанта для проверки у прибывающих уровня владения европейскими языками. Неудача при прохождении теста означала отказ в праве пребывания на территории колонии. Возможно, в этом изменении имел место некоторый компромисс с имперским правительством, поскольку теперь запрет на въезд официально обосновывался не расовой принадлежностью, а уровнем образования. Хотя стоит отметить, что Новый Южный Уэльс пошел еще дальше, приняв закон в такой формулировке, которая ограничивала въезд всех неевропейцев, включая даже британских подданных из «цветных» колоний⁴⁵⁶.

⁴⁵⁴ Британия была первой из великих держав, заключившей равноправный договор с Японией.

⁴⁵⁵ The Oxford History of the British Empire. Volume III: The Nineteenth Century. Ed. by Porter A. Oxford, New York, 1999. P. 559.

⁴⁵⁶ Choi C.Y. Chinese migration and settlement in Australia with special to the Chinese in Melbourne. A thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy. Australian National University, 1971. P. 54-66.

Одновременно еще одним предметом общественной дискуссии был вопрос о допуске в Австралию коренных жителей Новых Гебридов и других тихоокеанских островов, работавших на сахарных плантациях в Квинсленде. В 1883-1892 гг. премьер Квинсленда С. Гриффит неоднократно пытался запретить ввоз аборигенов для этих целей. Он желал видеть экономической основой автономии не крупных плантаторов, а мелких фермеров. Более того, наличие большого количества представителей «менее развитой» расы несло, по его мнению, угрозу демократическим институтам квинслендского общества. Однако идеализированные представления Гриффита вступали в жесткое противоречие с реалиями хозяйственных отношений в колонии. Сахарная промышленность оставалась завязана на эксплуатации труда островитян. Белые австралийцы отказывались работать за мизерную зарплату, которую получали канаки. А среди политиков многие являлись владельцами плантаций или были заинтересованы в получении прибыли от сахарного бизнеса, и потому не спешили запрещать использование дешевой рабочей силы. Для обоснования экономической необходимости этого фактического рабства в ход шли расистские лозунги и теории. По воспоминаниям Генри Паркса, главный казначей Квинсленда Томас Макилрейт указывал на неизбежность привлечения островитян к работе на плантациях, обусловленную неспособностью белых людей долгое время трудиться в тропическом климате, который вреден для их здоровья и со временем якобы превращает их в «чернокожих»⁴⁵⁷. Попытки изменить ситуацию натолкнулись также на распространенное убеждение, что только возможность использования труда канаков и спасает колонию от наплыва мигрантов из Китая⁴⁵⁸. Это привело к сосуществованию в Квинсленде понятий «белая

⁴⁵⁷ Parkes H. Fifty years in making Australian history. In 2 Vol. London, 1892. Vol. 2. P. 323-325.

⁴⁵⁸ Megarrity L. «White Queensland»: The Queensland Government's Ideological Position on the Use of Pacific Island Labourers in the Sugar Sector 1880-1901 // Australian Journal of Politics and History. 2006. Vol. 52, No. 1. P. 3.

Австралия», что подразумевало привилегированное положение европейского населения континента, и «белый Квинсленд», где при том же доминировании европейцев практически игнорировалось наличие «черной» рабочей силы, на которой была основана экономика автономии⁴⁵⁹. И хотя политикой «белой Австралии» исследователи обычно называют печально известное своей расовой детерминированностью миграционное законодательство Австралийского Союза, его база была прочно заложена в XIX в. как в строгих ограничениях для неевропейцев, так и в пренебрежительном отношении к ним.

В конце XIX в. стереотипное представление о наводнении огромными массами азиатских народов малонаселенной и незащищенной Австралии настолько захватило воображение ее белых обитателей, что привело к появлению подобных тем и в поднимающейся австралийской художественной литературе⁴⁶⁰. К примеру, журналист и писатель Уильям Лэйн в 1885 г. опубликовал повесть «Белая или желтая? История расовой войны 1908 г.». В ней этот сторонник утопического социализма описал, как вследствие корыстной политики британских законодателей и капиталистов огромные массы китайских рабочих легально прибыли на континент. Последовавшие за этим конфликты привели к настоящей войне с белыми жителями Австралии, которые в ходе ожесточенного сопротивления все-таки сумели одержать победу. А в 1895 г. увидел свет роман «Желтая волна» члена законодательного собрания Нового Южного Уэльса Кеннета Макея. Сюжет произведения аналогично исходил из попыток предсказания грядущих трагических потрясений. Только в этом случае главная угроза исходила от России, которая

⁴⁵⁹ Megarrity L. «White Queensland»: The Queensland Government's Ideological Position on the Use of Pacific Island Labourers in the Sugar Sector 1880-1901 // Australian Journal of Politics and History. 2006. Vol. 52, No. 1. P. 12.

⁴⁶⁰ Ross C. Prolonged Symptoms of Cultural Anxiety: The Persistence of Narratives of Asian Invasion within Multicultural Australia // Journal of the Association for the Study of Australian Literature: JASAL. 2006. Vol. 5. P. 87-88.

для отвлечения британских сил атаковала Индию, направив китайские войска на захват оставшейся без защиты Австралии. Газета «Сандей Таймс» назвала эту книгу «обращением к здравому смыслу людей в той единственной форме, которая возымеет эффект, как таблетка, покрытая сахаром»⁴⁶¹.

Долгие годы миграция оставалась крайне важным источником столь необходимой для освоения и развития континента рабочей силы. Стремление сохранить гомогенность жителей пятого континента вело к проведению как селективной миграции с Британских островов, так и политики строгих ограничений на въезд для лиц «нежелательного» происхождения и состояния вообще, а также к распространению расовых предрассудков. Необходимость согласованных действий в вопросах миграции побуждала автономии к более тесному взаимодействию между собой и приводила к недопониманию и даже спорам с британским правительством.

Геополитические, экономические, социокультурные процессы в последней трети XIX в. актуализировали значение духовных основ имперской идентичности, которая, согласно представлениям австралийцев, была призвана служить интересам всей империи, одновременно способствуя решению конкретных задач автономных колоний в области территориальной экспансии, обороны и иммиграции. Тенденция к самоизоляции быстро вытеснялась стремлением к взаимодействию. С другой стороны, темпы и формы сближения с метрополией далеко не всегда удовлетворяли запросам автономий, и последние искали выход в установлении тесного сотрудничества друг с другом, как для более эффективного решения местных вопросов, так и для придания большего веса своим интересам на общеимперском уровне. Более того, интересы самоуправляющихся колоний и Великобритании в той или иной мере расходились во всех важнейших проблемах, касавшихся, в частности, раздела Океании, организации обороны в регионе, отношений со

⁴⁶¹ Sunday Times. 2 January 1898. P. 5.

странами Азии. Это позволяло сторонникам австралийского национализма заявлять о необходимости активных действий по превращению разрозненных колоний в единую сильную федерацию, которая сможет намного результативнее доносить свою точку зрения и взаимодействовать с метрополией на новых, выгодных для Австралии условиях.

Глава 3. Федералистское движение в Австралии в последней трети XIX в.

§ 1. Идея федерации в общественно-политической жизни автономий и альтернативы государственной трансформации

Идея необходимости федеративного объединения колоний и изменения характера отношений с метрополией сравнительно быстро заняла центральное место в общественно-политической мысли Австралии. Основой этой концепции стало представление об общности белых жителей пятого континента, выразившееся в понятии новой молодой нации. Под влиянием быстро меняющейся в конце XIX в. обстановки, ее апологеты выступали в качестве лидеров политической и культурной жизни автономий, пытаясь воплотить свои убеждения в реальность.

Согласно бытующему в современной историографии мнению, австралийские националисты видели своей главной целью построение более совершенного общества, основанного на экономическом, политическом и социальном равенстве прав и возможностей⁴⁶². Его основу должны были составить люди, разделявшие общие идеалы и устремления⁴⁶³. Создавать новое устройство, считалось, легче сообща, тем более, что жители различных австралийских колоний были намного ближе друг к другу, чем к метрополии.

К. Блэкберн, изучая концепт австралийской нации в начале XIX в., пришел к выводу, что на момент его возникновения он «являлся не современной идеей национального государства... а домодерновым определением нации... то есть просто группой людей, имевших схожие обычаи

⁴⁶² McGregor R. The necessity of Britishness: ethno-cultural roots of Australian nationalism // Nations and Nationalism. 2006. Vol. 12, Issue 3. P. 503.

⁴⁶³ Birrell B. Federation: The Secret Story. Sydney, 2001. P. 3.

и общее происхождение»⁴⁶⁴. Действительно, для первой половины XIX в. в целом характерно определение «нации» как синонима понятия «народ», «граждане». Например, в 1837 г. «Саус Аустрэлиан Газет энд Колониал Реджистер» говорила о Южно-Австралийской нации, подразумевая отнюдь не обособленную нацию в современном ее понимании, а просто совокупность всех граждан колонии⁴⁶⁵. По аналогии в прессе упоминались, например, и «Западно-Австралийская нация»⁴⁶⁶, и «нация тасманийцев»⁴⁶⁷. В публикации «Колониал Таймс» говорилось о том, что тасманийская нация – часть австралийской, а та, в свою очередь, входит в состав империи⁴⁶⁸. Таким образом, очевидно, что в данном контексте «нация» еще не вышла за рамки понятия «население». Именно поэтому, например, аборигены тоже порой назывались «австралийской нацией», отличающейся, к примеру, от нации новозеландцев-маори или коренного населения Северной Америки⁴⁶⁹.

Однако и на этом уровне осознания национальной проблемы жителям колоний не были чужды политические идеалы. Так, основанная в 1835 г. при участии У. Ч. Уэнтворта Австралийская Патриотическая Ассоциация ставила своей целью ни много ни мало продвижение идеи величия Австралии – «Новой Британии Юга»⁴⁷⁰. Со временем эти представления лишь укреплялись. Согласно популярному мнению, «великой австралийской нации» было

⁴⁶⁴ Blackburn K. Imagining Aboriginal Nations: Early Nineteenth Century Evangelicals on the Australian Frontier and the «Nation» Concept // Australian Journal of Politics and History. 2002. Vol. 48, No. 2. P. 192.

⁴⁶⁵ South Australian Gazette and Colonial Register. 11 November 1837. P. 4.

⁴⁶⁶ Inquirer. 17 January 1844. P. 4.

⁴⁶⁷ Colonial Times. 21 April 1846. P. 3.

⁴⁶⁸ Ibidem.

⁴⁶⁹ См., например: Maitland Mercury and Hunter River General Advertiser. 3 October 1846. P. 4.

⁴⁷⁰ McLean D. The Prickly Pair: Making Nationalism in Australia and New Zealand. University of Otago Press, 2003. P. 47.

предначертано «сохранить в южном полушарии религию и язык англосаксонской расы», способствуя прогрессу цивилизации⁴⁷¹. Более того, вскоре австралийской нации уже предсказывалось будущее доминирующей силы в южном полушарии⁴⁷² и, позднее, даже превращение в империю⁴⁷³.

К середине XIX в. в связи с общественно-политическими изменениями в колониях понятие «нация» стало постепенно приобретать иной смысл. В 1850 г. известный религиозный и общественно-политический деятель, сторонник независимости Австралии Дж. Д. Лэнг начал издавать журнал «Австралийская нация». Одной из его целей провозглашалось содействие политическому союзу колоний (за исключением каторжной Западной Австралии) под эгидой «великой австралийской нации». В то же время Лэнг основал организацию «Австралийская лига», которая должна была способствовать распространению идей единства и свободы колоний, а также прекращению высылки каторжан на континент. С этого времени концепция нации все больше связывалась с моделью федеративного государственного устройства.

Характерно, что термин «национальный» также стал употребляться как антоним определения «колониальный»: например, газета «Саус Аустрэлиэн Адвертайзер» в одной из статей выражала надежды на то, что настанет день, когда «усилия и патриотизм колонистов сольются воедино с целью превращения отдельных атомов-колоний в австралийскую нацию»⁴⁷⁴. Обладателем настоящего «духа нации» назывался тот, кто разделял «убеждение, что мы должны быть едины, работая вместе ради общего дела, а не разрывая его на части подобно табуна диких лошадей»⁴⁷⁵. Преодоление ее раздробленности, в соответствии с господствовавшей либеральной

⁴⁷¹ Sydney Morning Herald. 20 July 1850. P. 5.

⁴⁷² Australian. 28 September 1839. P. 2.

⁴⁷³ Argus. 14 January 1856. P. 4.

⁴⁷⁴ South Australian Advertiser. 27 April 1869. P. 2.

⁴⁷⁵ Tasmanian Times. 16 February 1870. P. 3.

идеологией, называлось процессом «естественной эволюции»⁴⁷⁶, а также неизбежным и закономерным итогом развития прогрессивных обществ. При этом на протяжении последней трети XIX в. продолжало укрепляться представление о том, что Австралия в перспективе достигнет статуса независимого государства и выйдет на международную арену, став «Великой Британией южных морей»⁴⁷⁷.

К 1880-м годам было уже не в новинку утверждение о том, что понятие «австралийская нация» «обязательно подразумевает политическую независимость»⁴⁷⁸. Нация напрямую и безусловно связывалась с государством, которое должно быть «ответственно перед собой за свою внутреннюю политику и перед семейством наций за участие в международных отношениях»⁴⁷⁹. Кроме того, именно политическая жизнь считалась одной из тех «школ», где формировался национальный характер⁴⁸⁰.

В духе происходивших перемен, организованная в 1880 г. Австралийская национальная ассоциация поставила своей главной целью политическое объединение колоний. Последнее было невозможно без установления некой культурной общности всех жителей автономий. Как писал «Буллетин» в 1887 г., для настоящего австралийца необязательно быть рожденным в Австралии. Австралийцем мог называться любой человек, прибывший в колонии «без криминального прошлого, который оставил позади классовые и религиозные различия старого мира; все те, кто ставят счастье, процветание и прогресс своей новой страны выше интересов империализма»⁴⁸¹. Однако препятствием этому Австралийская национальная

⁴⁷⁶ South Australian Advertiser. 26 November 1880. P. 4.

⁴⁷⁷ Toowoomba Chronicle and Darling Downs General Advertiser. 6 February 1877. P. 2.

⁴⁷⁸ Age. 3 January 1880. P. 5.

⁴⁷⁹ Warwick Argus. 20 January 1880. P. 3.

⁴⁸⁰ Sydney Mail and New South Wales Advertiser. 30 October 1880. P. 849.

⁴⁸¹ Bulletin. 02 July 1887 // Clark C.M.H. Select documents in Australian history. Sydney, 1950. P. 800.

ассоциация видела в китайской иммиграции⁴⁸². «Буллетин» также провозглашал четкое расовое ограничение – австралийцами могли называться только европейцы. Азиаты, аборигены Австралии и окрестных островов, африканцы якобы могли лишь притворяться, что разделяют интересы Австралии и республики (что признавалось синонимами), а, следовательно, доказывал «Буллетин», они не австралийцы⁴⁸³.

Замысел федерации, согласно бытовавшему тогда выражению, «вital в воздухе» еще с 1850-х годов, когда под влиянием всеобщего воодушевления от открытия золота многие грандиозные планы казались возможными⁴⁸⁴. Идея союза несла в себе значительные политические и экономические выгоды. Проживая на соседних территориях, колонисты ощущали потребность в устранении неудобств, причиняемых разного рода препонами и границами. Единый беспоплиный внутренний рынок, общая система коммуникаций, эффективная оборона, регулируемая миграция на континент – все это могло быть создано только совместными усилиями автономий.

Параллельно, и особенно с последней трети XIX в., на повестке дня присутствовала идея модернизации союза метрополии и автономий. Такие замыслы, питавшиеся настроениями культурно-исторического «родства» англосаксонских народов, а также потребностями экономического и военного сотрудничества, были свойственны тогда всей «белой» империи, хотя Австралия являла особый случай. Британский историк Н. Фергюсон даже говорил о «великом парадоксе австралийской истории», который заключался

⁴⁸² Bendigo Advertiser. 27 July 1880. P. 2.

⁴⁸³ Bulletin. 02 July 1887 // Clark C.M.H. Select documents in Australian history. Sydney, 1950. P. 800.

⁴⁸⁴ McLean D. The Prickly Pair: Making Nationalism in Australia and New Zealand. University of Otago Press, 2003. P. 66.

в том, что колонии, населенные людьми, изгнанными из Великобритании, оставались лояльными ей так долго⁴⁸⁵.

Отношение к метрополии в австралийском обществе было, конечно, неоднозначно. Появившиеся на рубеже 1860-1870-х годов публикации местных авторов, посвященные непосредственно проблеме создания имперской федерации, поначалу носили скорее скептический характер. Одной из первых стала статья «Предложение о создании федерации Великобритании и ее колоний» в газете «Ивнинг ньюс» за 26 января 1870 г., в которой анализировался проект неуказанного англо-австралийца. Схема федерации подразумевала формирование союза 9 штатов – абсолютно равноправных частей империи (Индия в их число не входила). Представители legislatures каждого штата образовывали федеральный парламент, состоящий из 350 членов. Автор статьи в целом поддерживал замысел федерации с участием метрополии, полагая, что ее сторонники найдутся и в Лондоне, и в колониях, но считал предложенный проект теоретическим построением, лишенным реальной возможности применения в силу его громоздкости и непроработанности⁴⁸⁶.

Тогда же, в 1870 г., «самопровозглашенными выразителями колониальных взглядов» в Лондоне была сделана попытка организовать конференцию по вопросу о создании федеративного союза автономий с метрополией. Однако если госсекретарь по делам колоний лорд Грэнвилль выразил лишь сомнение в пользу подобной конференции, то власти австралийских автономий, включая членов законодательного собрания Виктории, категорично высказались против этой идеи⁴⁸⁷. В общем, первое время в прессе распространялось мнение о том, что само по себе усиление

⁴⁸⁵ Ferguson N. Empire: How Britain made the modern world. London; New York: Allen Lane, 2003. P. 105.

⁴⁸⁶ Evening News, January 26, 1870. P. 4.

⁴⁸⁷ Wallaroo Times and Mining Journal. 04 May 1870. P. 4.

внутриимперских связей желательно, но для федерации в данный момент нет ни необходимости, ни возможности⁴⁸⁸.

Сложности в согласовании таких планов на первоначальном этапе состояли, помимо идейных разногласий, в слабой проработанности проектов, представленных на суд публике. «Сторонники имперской федерации имеют дело почти исключительно с надеждами и чаяниями и прилежно избегают практических деталей»⁴⁸⁹, – писали газеты. Однако со временем проектов становилось все больше, и они приобретали все более детальный и конкретный вид.

Среди тех, чьи взгляды отличались наибольшей убедительностью и популярностью, стоит отметить видного новозеландского политика сэра Юлиуса Фогеля. Его работы достаточно часто публиковались в Австралии. Он сравнивал Великобританию и ее владения с живым организмом, в котором роль мозга выполняет метрополия, связанная с другими органами-колониями посредством нервной системы – телеграфа. Чем развитей организм, тем сложнее его структура, считал Фогель, и империи надлежит следовать этой же схеме. Новозеландец предлагал объединение по принципу германского таможенного союза, обосновывая его необходимость тем, что британскому народу, его промышленности «тесно» в рамках «Малой Англии», которая вместе со своими колониями должна образовать единое экономическое пространство. Проанализировав план Фогеля, газета «Экспресс энд Телеграф» осмелилась сделать вывод, что теперь благодаря его замыслам и энтузиазму идея имперской федерации становится способной снискать гораздо больше симпатий в общественном мнении Австралии и Новой Зеландии, чем за весь предыдущий период развития подобных проектов⁴⁹⁰.

⁴⁸⁸ См., например, *Leader*. 08 April 1871. P. 17; *Argus*. 20 July 1871. P. 6; *Darling Downs Gazette and General Advertiser*. 19 August 1871. P. 4; *Brisbane Courier*. 27 September 1872. P. 3.

⁴⁸⁹ *Leader*. 24 April 1880. P. 17.

⁴⁹⁰ *Express and Telegraph*. 26 June 1878. P. 2.

И действительно, вскоре голоса в поддержку федерации начали звучать все громче и увереннее. На рубеже 1870-1880-х гг. ее создание уже называлось в австралийской прессе «крупнейшей проблемой, которая поднималась за всю историю британской расы»⁴⁹¹ и «темой последних лет, о которой так много написано, и так много еще нужно сказать»⁴⁹². По мнению современников, наступило «время, когда полезно обсудить это дело с разных точек зрения»⁴⁹³. Так империализм как идейно-политический феномен становился одним из способов выражения интересов австралийского национализма, пытавшегося придать имперским отношениям новые качества, соответствующие его растущей самооценке. Обеспечение безопасности региона от внешнего вторжения, стремление завладеть близлежащими островами от имени Британской империи и контролировать миграционные процессы – собственные задачи автономий, которые они намеревались решать, сохраняя и культивируя имперскую идентичность.

С развитием сети коммуникаций позиции федералистов представлялись все более убедительными. «Аргументы против имперской федерации по причине географической удаленности стран, которые бы входили в нее, ослаблены сокращением этого расстояния при помощи телеграфа и пара, – утверждала «Квинслендер» в декабре 1877 г. – Монреаль сейчас настолько близок к Лондону, как сто лет тому назад был Эдинбург, и Брисбен не дальше от Саутгемптона или Ливерпуля, чем был Гибралтар в то же время»⁴⁹⁴. Спустя десять лет после публикации «Великой Британии» Дилка, тасманийская газета «Дэвон Геральд» не скрывала восхищения столь прозорливым названием («Greater Britain»), которое, по ее словам, с каждым днем становилось все более оправданным. Искренняя преданность и готовность помогать

⁴⁹¹ South Australian Register. 30 September 1880. P. 6.

⁴⁹² Brisbane Courier. 20 September 1880. P. 2.

⁴⁹³ South Australian Register. 19 August 1880. P. 4.

⁴⁹⁴ Queenslander. 29 December 1877. P. 23.

метрополии представлялась базовой характеристикой британских владений, которые чувствовали ту самую «духовную» и «кровную» связь, присущую англосаксам. «Вполне возможно, что наступит то время, когда колониальное сотрудничество, колониальные вооруженные силы и колониальные флоты смогут оказать ценную помощь, и великий замысел имперской федерации из вещего сна превратится в явь», - говорилось в статье⁴⁹⁵.

В качестве идеологического обоснования стремления к более тесному взаимодействию в это время активно разрабатывались идеи приоритета родственных и культурно-исторических уз между метрополией и ее владениями, даже если они противоречили сиюминутным политическим или экономическим выгодам. «Если государственные мужи могут сделать что-нибудь ради укрепления чувств [взаимной гордости с собратьями-англичанами – *E.C.*] вместо того, чтобы находить экономичные доказательства их бесплодности, то это будет лучше для нас, Англии и всей большой имперской федерации, которую метрополия и ее колонии образуют в один прекрасный день»,⁴⁹⁶ – писала газета «Аустрэлейзиан Скетчер».

В то же время события последней трети XIX в. подталкивали колонии навстречу друг другу, побуждая и приучая их ко все большей слаженности в решении общих задач. Австралийский историк В. Мур назвал период 1863-1883 гг. «временем межколониальных конференций»⁴⁹⁷. За двадцать лет не менее десяти таких конференций было проведено с целью согласования действий в различных вопросах, представлявших взаимный интерес. Вот далеко не полный перечень тем, поднимавшихся на межколониальных форумах: почтовое и телеграфное сообщение, навигация у австралийского побережья, земельное законодательство и золотодобыча. К числу же наиболее острых и регулярно включавшихся в повестку дня относились вопросы о

⁴⁹⁵ Devon Herald. 10 April 1878. P. 3.

⁴⁹⁶ Australasian Sketcher. 10 April 1880. P. 50.

⁴⁹⁷ Moore W. The Constitution of the Commonwealth of Australia. London, 1902. P. 33-34.

таможенных пошлинах, регулировании азиатской иммиграции и организации судопроизводства⁴⁹⁸.

Несмотря на постоянный рост интереса к идее австралийской федерации, реальное движение к союзу началось только под влиянием страха внешнего вторжения⁴⁹⁹. В Сиднее в 1883 г. состоялась межколониальная конференция, на которой, помимо традиционно заботившей автономии проблемы принадлежности близлежащих островов, обсуждались планы создания федеративного союза. И как заметил участвовавший в ней Альфред Дикин, «никто на тот момент не считал возможным объединение колоний на основе какого бы то ни было вопроса внутренней политики»⁵⁰⁰.

Главным итогом сиднейской конференции стало образование Федерального Совета. От каждой колонии, принимавшей участие в его работе, делегировалось по 2, а с 1895 г. по 5 представителей. На Совет возлагалась задача решать общие для всех колоний вопросы, такие как: координация политики в отношении тихоокеанских островов, недопущение высылки каторжников в Австралазию, соблюдение правил рыболовства в прилегающей к континенту акватории, обеспечение порядка судебного преследования за пределами отдельных колоний. Однако шансов на успех у этого органа было мало. Во-первых, Совет обладал весьма ограниченными законодательными полномочиями: он мог только предлагать, а затем вводить в действие заранее одобренные парламентами колоний законопроекты. А во-вторых, и это являлось наиболее слабой стороной Совета, у него отсутствовали какие-либо финансовые средства.

К этим «дефектам» добавилось противостояние двух сильнейших автономий – Виктории и Нового Южного Уэльса. Уже на торжественном

⁴⁹⁸ Ibid. P. 34-35.

⁴⁹⁹ Younger R.M. *Australia and the Australians*. Richmond, 1982. P. 346.

⁵⁰⁰ Deakin A. *Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900)*. / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 22.

ужине по случаю закрытия конференции, ее организатор премьер Виктории Джеймс Сервис неожиданно изумил публику утверждением, будто это он «разбудил спящий Сидней» и «привел его на конвент, чтобы тот исполнил свой федеральный долг». Высказывание Сервиса удивило даже делегатов от Виктории, не говоря о буре возмущения представителей Нового Южного Уэльса. В ответ один из них заявил под одобрительные крики своих коллег, что «Новый Южный Уэльс настолько же выше Виктории, насколько небо выше земли», а другой уничижительно назвал Викторию «капустным огородом»⁵⁰¹. Это был яркий показатель хрупкости отношений и политического провинциализма. Дикин позже сожалел об этом инциденте, сказавшемся на всем ходе процесса объединения: «Хуже всего, что конференция, проведенная в Сиднее, в действительности была детищем Виктории, и потому Федеральный Совет стал носить клеймо викторианского изобретения. Это послужило поводом для патриотов Нового Южного Уэльса выступить против Совета»⁵⁰². По мнению Дикина, «локальный патриотизм в сочетании с чувством местечкового превосходства всегда обладали гораздо более мощным влиянием в Сиднее, чем в любой другой столице автономии. Они сказывались на протяжении всей истории федералистского движения как одно из самых серьезных препятствий»⁵⁰³.

Так и вышло, что после инцидента на закрытии конференции Новый Южный Уэльс (а также Новая Зеландия) ни разу не принял участие в работе Федерального Совета, что крайне понизило его авторитет и не позволило обеспечить согласованность действий австралазийских колоний. Кроме того, Южная Австралия присылала своих делегатов только в 1889-1891 гг.⁵⁰⁴ Все

⁵⁰¹ Ibid. P. 23.

⁵⁰² Ibidem.

⁵⁰³ Ibid. P. 24.

⁵⁰⁴ La Nauze J. A. Alfred Deakin: a biography. 2 Volumes. Melbourne, 1965. Vol. 1. P. 111.

эти причины дали повод современникам оценивать Совет как «орган, который с самого момента своего создания был обречен на недолговечность»⁵⁰⁵.

Стремление так или иначе трансформировать отношения с метрополией не покидало австралийцев, развиваясь в тесной связи с национальными идеями. Летом 1885 г. очередной импульс для развития этих идей пришел из столицы Виктории Мельбурна. Там 5 июня открылся местный (ставший впоследствии австралийским) филиал Лиги Имперской Федерации, созданной в метрополии менее года назад. Интересно, что ему было суждено пережить и головную организацию в Лондоне, и все ее отделения на территории Британской империи⁵⁰⁶. Многие австралийские политики, бывшие и действующие премьеры колоний, министры, бизнесмены, австралийцы, обучавшиеся и проживавшие в Англии, принимали участие в деятельности Лиги Имперской Федерации с самого ее основания. Так, первым председателем отделения Лиги в Виктории стал мэр Мельбурна Г.Д. Картер. Другими известными ее членами были, например, журналист и политик, будущий премьер-министр Австралии Альфред Дикин, премьер Виктории Джеймс Сервис, банкир Генри Д'Эстерр-Тейлор. По справедливому утверждению сиднейской газеты «Ивнинг ньюс», эта организация объединяла австралийцев, которые ставили своей целью «сохранить целостность Британской империи и способствовать союзу ее составных частей»⁵⁰⁷.

Газеты описывали учредительное собрание отделения Лиги как оптимистично настроенное и весьма многочисленное. В одной из статей даже говорилось о нескольких тысячах присутствовавших там горожан⁵⁰⁸. При этом упоминались единичные попытки противников федерации изменить ход

⁵⁰⁵ Deakin A. Federal Council / Prepared from the print article published in Review of Reviews. February 20, 1895. Pages 154-159. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 13.

⁵⁰⁶ Лига Имперской Федерации, основанная в Лондоне, просуществовала до 1894 г., ее отделение в Виктории прекратило свою деятельность последним из всех, в 1912 г.

⁵⁰⁷ Evening News. 6 June 1885. P. 4.

⁵⁰⁸ Kerang Times and Swan Hill Gazette. 12 June 1885. P. 4.

обсуждения, но они не достигли никакого результата, и резолюция о необходимости тесного взаимодействия всех частей империи путем создания федерации была принята единогласно⁵⁰⁹. Лояльная этим замыслам пресса противопоставляла перспективе создания имперской федерации угрозу полной дезинтеграции империи. В таком случае, как писали журналисты, Великобритания перестала бы играть сколько-нибудь заметную роль в мире, а независимая Австралия вскоре оказалась бы под иностранным владычеством. Именно в колониях, согласно газетам, эта опасность осознавалась отчетливее, чем в метрополии, и потому из чувства огромной привязанности к последней они стремились сохранить единство Британской империи в виде федерации⁵¹⁰. Вслед за Викторией, отделения Лиги были открыты в Южной Австралии, Тасмании и Квинсленде, хотя и на непродолжительное время.

Стратегическая цель Лиги состояла в том, чтобы примирить политическое кредо «колониального» национализма с общей великодержавной установкой на сохранение Австралии как неотъемлемой части Британской империи. Для этого уже в день ее создания было заявлено о необходимости решения двух задач: организации всеобъемлющей системы обороны, где каждая часть империи будет играть отведенную ей самостоятельную роль, и обеспечении возможности достижения автономиями своих целей во внешней политике империи⁵¹¹. Неудивительно, что для австралийских федералистов, независимо от их конкретных взглядов, империализм был внешним выражением их «колониального» национализма⁵¹².

Другим важнейшим направлением деятельности Лиги в Австралии стал вопрос об образовании австралийской федерации как первом шаге к

⁵⁰⁹ South Australian Register. 6 June 1885. P. 5.

⁵¹⁰ Weekly Times. 13 June 1885. P. 8.

⁵¹¹ Documents on Australian International Affairs, 1901-1918 / Ed. G. Greenwood and Ch. Grimshaw. Melbourne, 1977. P. LXII.

⁵¹² Ibid. P. LVII.

федерации имперской⁵¹³. Однако, опасаясь вторжения в сферу самоуправления, колониальные правительства не торопились с конкретными инициативами⁵¹⁴. Премьер Виктории и член генерального комитета Лиги Сервис в ответ на сомнения скептиков объяснял суть проблемы таким образом: «Определенная неясность по данному вопросу возникла от ошибочного представления о том, что выражение «имперская федерация» подразумевает состояние подчинения в той или иной форме отдаленных членов империи лондонскому правительству. Это огромная ошибка. Федерация любого рода предполагает равенство ее участников. Когда австралийские колонии будут создавать федерацию, Тасмания и Западная Австралия встретятся с Новым Южным Уэльсом и Викторией на равных для того, чтобы обсудить условия, на которых их союз будет существовать. И когда придет время обсуждать создание Имперской Федерации, то Канада, Австралия и Южная Африка так же встретятся с Великобританией на равных, чтобы определить условия объединения... Англия будет контролировать их не больше, чем они смогут контролировать ее»⁵¹⁵. Как видно, предполагалось, что отношения между частями империи должны были повторять равноправные отношения между австралийскими автономиями, и наоборот.

Перспективы, открывавшиеся перед Австралией в связи с идеями имперских федералистов, стимулировали политическую инициативу. В 1885 г. в Лондоне генеральные агенты Южной Австралии и Нового Южного Уэльса А. Блайт и С. Сэмюэл представили на заседании Торговой палаты свою точку зрения на будущее политическое устройство империи. По их мнению, для наилучшего воплощения идей имперской федерации необходимо было разрешить представителям колоний заседать в Палате общин британского

⁵¹³ Argus. 6 June 1885. P. 8.

⁵¹⁴ Trainor L. *British Imperialism and Australian Nationalism: Manipulation, Conflict and Compromise in the Late Nineteenth Century*. Cambridge, 1994. P. 17.

⁵¹⁵ *Imperial Federation*. The Journal of the Imperial Federation League. Vol. III. January to December, 1888. P. 163.

парламента. При этом, полномочия делегатов из заморских владений короны требовалось полностью уравнивать с правами депутатов от метрополии⁵¹⁶. Близкие идеи разделял и Джеймс Сервис, который в том же году в письме генеральному агенту Виктории указывал на свою всестороннюю поддержку делу имперского федерализма. Он отмечал, что сейчас австралийцы не имеют никакого представительства в центральном правительстве и являются по отношению к колониал офис скорее «внешними просителями», влияние которых не больше возможностей депутата какого-нибудь графства в палате общин⁵¹⁷. По словам Сервиса, идея имперской федерации – это нечто большее, чем просто «уступки из вежливости, ведь колониальные интересы достаточно важны, чтобы позволить нам занять определенную позицию в имперской экономике и, если необходимо, на деле отстаивать наши права»⁵¹⁸.

В противовес этому мнению, журналисты тасманийской газеты «Меркьюри» утверждали, что Палата общин не сможет стать эффективным органом управления имперской федерацией. С их точки зрения, привлечение представителей колоний превратило бы Палату в орган, неработоспособный из-за слишком большого количества депутатов. Более того, как считала газета, она уже сейчас решает слишком широкий круг вопросов и не смогла бы уделять время еще и вопросам колоний. Поэтому наиболее практичным представлялось создание общеимперского законодательного органа, который стоял бы над британским парламентом⁵¹⁹.

Таким образом, с одной стороны, для австралийцев было принципиально важно напрямую участвовать в принятии решений, касающихся их положения и роли в империи. С другой, обсуждение данного вопроса в Австралии, происходившее параллельно с общеимперскими

⁵¹⁶ Imperial Federation League. Expression of opinions on Imperial Federation, by public men at home and in the colonies. London, 1885. P. 10.

⁵¹⁷ Ibid. P. 13.

⁵¹⁸ Ibidem.

⁵¹⁹ Mercury. 15 April 1886. P. 2.

дискуссиями, отражало наличие разных, порой противоположных точек зрения на практическое воплощение федералистских идей. Благодаря этим обстоятельствам, общественный интерес к совершенствованию имперских отношений не утихал.

Империалистически настроенные силы не только декларировали, но и демонстрировали свою готовность встать плечом к плечу с Лондоном для решения общеимперских вопросов. В 1885 г. Новый Южный Уэльс на добровольных началах отправил свои войска (770 человек, включая 30 офицеров) для участия в Суданской кампании по спасению окруженного в Хартуме отряда генерала Гордона. Это был первый случай, когда метрополия приняла предложение колонии об отправке добровольцев⁵²⁰. «Сидней Морнинг Геральд» придавала принципиально важное значение этому событию, которое показало Великобритании, что «Новый Южный Уэльс – такая же неотъемлемая часть Британской империи, как и Мидлсекс, а не далекое владение на другой стороне земного шара»⁵²¹. Стоило бы, конечно, продолжала газета, отправить это предложение в Лондон совместно, ведь все австралийские колонии выражали свое желание поддержать империю, но, так уж вышло, что Новый Южный Уэльс был первым, и потому только его помощь оказалась принята. Открывшийся шанс проявить имперскую солидарность вызвал среди австралийцев подъем настоящего энтузиазма. Количество волонтеров намного превысило количество вакантных мест, так что пришлось проводить отбор самых достойных кандидатов. Отплытие воинского контингента превратилось в грандиозную демонстрацию. Воспользовавшись решением властей объявить этот день праздничным, проводить добровольцев пришла толпа восторженных сиднейцев, вдохновленных проимперскими

⁵²⁰ Grey J. A Military History of Australia. New York, 2008. P. 49.

⁵²¹ Sydney Morning Herald. 11 March 1885. P. 5.

настроениями, которые соседствовали с гордостью за своих соотечественников⁵²².

Чем конкретнее становились проекты «большой» и «малой» федерализации, тем принципиальнее обозначался вопрос о соотношении имперской и национальной идей. Альфред Дикин, например, на имперской конференции 1887 г. заявлял, что «нет таких австралийских интересов, которые не были бы имперскими интересами»⁵²³, и всячески подчеркивал необходимость и желание колоний оставаться в составе империи, усиливая ее внутренние связи. Напротив, австралийский националист Р. Томсон в 1888 г. заявлял, что имперская федерация противоречит австралийским устремлениям. По его мнению, Австралия должна была стать независимой, и только тогда ее ресурсы расходовались бы в целях ее процветания, а не в интересах метрополии⁵²⁴.

Как видно, у идеи имперской федерации среди австралийцев были не только приверженцы. К числу ее критиков принадлежал и знаменитый австралийский писатель и поэт Генри Лоусон. В 1888 г. в своем эссе «Единое разделение» он доказывал, что не может быть имперской федерации в истинном значении этого термина. «Имперская федерация означает союз между Англией и каждой из ее колоний в отдельности, в то время как последние будут разделены взаимными обидами и завистью самым подлым и гадким образом. Скажите, – вопрошал далее автор, – а может ли вообще когда-нибудь существовать такое же братское чувство между австралийскими колониями Великобритании, какое было бы между Соединенными Штатами

⁵²² Ibidem.

⁵²³ Palmer V. *The Legend of the Nineties*. Melbourne: Melbourne University Press, 1954. P. 11.

⁵²⁴ Thomson R. *Australian nationalism: An Earnest Appeal to the Sons of Australia in Favor of the Federation and Independence of the States of Our Country*. Loc. cit. [Burwood, near Sydney, (1888)] // Clark C.M.H. *Select documents in Australian history*. Sydney, 1950. P. 790-793.

Австралии?»⁵²⁵. Таким образом, в его представлении имперская федерация могла стать препятствием на пути объединения континента, поскольку колонии остались бы разрознены политически и психологически. Лоусон «развенчивал» идейные основы англосаксонской солидарности: «У нас мало общего с народом Англии, кроме нашего языка. Мы быстро стали совершенно разными людьми. Мы более либеральны, и, учитывая наш возраст, более прогрессивны, чем Англия. Большинство англичан ничего не знают об Австралии, и даже высшие классы не понимают ни нас, ни нашу страну. Последние испытывают своего рода добродушное презрение к нам, которое является лишь результатом их контакта с нашей собственной дрянной аристократией, которая на несколько градусов более презренна, чем английская»⁵²⁶.

Лоусон считал невозможным говорить об интересах «страны-матери» и идеях имперского патриотизма, если они требовали от австралийцев жертвовать своими жизнями в Судане, Египте и Бирме. Эти же примеры он приводил как доказательство отсутствия у Австралии возможности соразмерно помогать Англии.

При этом автор отметил открытость австралийцев к мигрантам из метрополии. Англия же, по его мнению, отвечала тем, что на пятый континент прибывали лишь худшие слои ее населения. Лоусон замечал презрение мигрантов-англичан к Австралии, большинство из которых вместе с тем не желали возвращаться на родину после накопления достаточного состояния, что свидетельствовало о безосновательном превознесении ими Англии и напрасном унижении места, где они нашли лучшую жизнь. В целом, Лоусон, явившийся выразителем интересов более радикально настроенного крыла

⁵²⁵ Lawson H. United Division. Published in The Republican 7 January 1888. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.telelib.com/authors/L/LawsonHenry/prose/republican/uniteddivision.html> [Дата обращения: 15.04.2016]

⁵²⁶ Ibidem.

австралийского национализма, считал, что в отдаленном будущем имперская федерация может иметь место, но на данный момент жители всех австралийских автономий должны выработать общий австралийский дух, стать не мигрантами из Англии, а настоящими австралийцами, которые «не знают другой страны»⁵²⁷.

Крайняя скудность представлений английских чиновников и прессы о состоянии дел в колониях обескураживала не только весьма радикально настроенного Лоусона, но даже убежденных империалистов. Ярким свидетельством такого рода стал эпизод на колониальной конференции 1887 г. По воспоминаниям Альфреда Дикина, он и его коллеги столкнулись с искренним удивлением английских властей тому факту, что «народ Австралии действительно возражал против французской оккупации Новых Гебридов и депортации преступников в Тихоокеанский регион»⁵²⁸.

Английское невежество по отношению к Австралии порой доходило до курьезов. Однажды Генри Парксу пришлось пережить настоящий шок, когда в беседе с англичанином ему был задан вопрос: «А какого австралийцы цвета?». Разговор шел вовсе не об аборигенах, и Паркс с удивлением осознал, что его собеседник совершенно не понимает того, что речь идет о таких же «англичанах, как и он сам, но по счастливому стечению обстоятельств рожденных под более ярким небом»⁵²⁹.

Еще менее был склонен романтизировать историю Австралии и ее отношения с метрополией оппозиционно настроенный «Буллетин». На его страницах звучали слова о том, что метрополия своими суровыми законами, несправедливыми действиями и предвзятым отношением к некоторым слоям населения вынудила многих людей искать лучшей доли на далеком

⁵²⁷ Ibidem.

⁵²⁸ Mr Deakin on the Imperial Conference // Nelson Evening Mail. Volume XXI, Issue 159, 7 July 1887. P. 2.

⁵²⁹ Parkes H. Our growing Australian Empire // The Nineteen century: a monthly review. March 1877-Dec. 1900. 1884. Vol. 15, No 83. P. 138.

континенте. Преследования и криминализация чартистов, ирландцев и шотландцев, лэндлордизм и монополии, процветавшие в Великобритании, контрастировали с настроениями, преобладавшими в австралийском обществе, и вызывали резкую антипатию редакции «Буллетина»⁵³⁰.

Особенно критика Великобритании усилилась в связи с ситуацией вокруг Новой Гвинеи в 1880-е гг. Неосведомленность лондонской бюрократии о положении в Австралии и ее нежелание идти навстречу интересам колоний провоцировали центробежные устремления. Они проявлялись и в период экономического кризиса начала 1890-х, когда постоянно звучали жалобы на то, что метрополия делает недостаточно для своих «лучших» колоний. По мнению австралийцев, государство в такой сложной ситуации должно было брать на себя больше ответственности за благосостояние своих граждан⁵³¹.

Участие в имперских военных операциях тоже не воспринималось как однозначно позитивный и необходимый шаг. Крайне отрицательно об отправке войск в Судан отзывался Генри Паркс, не имевший на тот момент места в парламенте Нового Южного Уэльса. Во-первых, по его мнению, это была непрошенная и бессмысленная акция, которая повлекла за собой никому не нужные смерти австралийцев без малейшей пользы для самой Австралии. Во-вторых, доказывал Паркс, сами действия властей колонии являлись нелегитимными. Решение приняли генеральный прокурор и временно исполнявший обязанности премьер-министра Нового Южного Уэльса (премьер Александр Стюарт находился в отпуске по состоянию здоровья), тогда как к этому процессу в обязательном порядке следовало привлечь весь кабинет министров и главного казначея⁵³². Дополнительная правовая сложность состояла в том, что, в соответствии с действовавшим на тот момент

⁵³⁰ Bulletin. 18 February 1888. P. 4-5.

⁵³¹ Ward R. The Australian Legend. Sydney, 1965. P. 192.

⁵³² Parkes H. Fifty years in making Australian history. In 2 Vol. Volume 2. London, 1892. P. 139-146.

законодательством, добровольческие отряды не являлись частями регулярной армии. Они определялись понятием «милиция и другие силы обороны». Такой статус устанавливал пребывание данных подразделений исключительно в пределах колоний, в которых они были сформированы⁵³³. При отправке же в другие регионы эти отряды не имели никаких законных оснований подчиняться имперскому командованию, так как «силы Ее величества» могли быть мобилизованы только с санкции имперского парламента. Но парламент, в свою очередь, не мог объявить мобилизацию сил колоний, по определению являвшихся добровольческими⁵³⁴. К тому же этот отряд прибыл под конец военных действий и не оказал существенного влияния на ход событий⁵³⁵. Журнал «Буллетин» отмечал, что единственная причина, по которой Австралия может оказаться в состоянии войны, это факт принадлежности к Британской империи, а потому, будь колонии независимы, им бы даже не понадобилось беспокоиться о собственной обороне⁵³⁶.

Однако каким бы ни было недовольство политикой метрополии, и как бы вызывающе не звучали идеи о независимости Австралии, они никогда не становились достаточно влиятельными и популярными для того, чтобы привести к реальному обострению имперских отношений. Ощущение неразрывной культурной и кровной связи с Великобританией и британским миром, а также следовавшие за этим политические и экономические преимущества, вели Австралию по пути трансформации, а не разрыва имперских отношений. Стремясь увидеть в метрополии «движение навстречу», австралийская периодика с интересом и удовольствием следила за развитием представлений англичан о своих заморских автономиях. Так, газета «Ивнинг Ньюс» посвятила статью австралийским политическим деятелям,

⁵³³ Gordon D.C. *The Dominion Partnership in Imperial Defense, 1870-1914*. Baltimore, 1965. P. 129.

⁵³⁴ *Ibid.* P. 143.

⁵³⁵ Peel M., Twomey C. *A history of Australia*. Second ed. London, 2018. P. 106.

⁵³⁶ *Bulletin*. 7 May 1887. P. 2.

упомянутым в новой работе Чарльза Дилка «Проблемы Великой Британии». В публикации отмечалось, что Дилк затронул все основные проблемы политической ситуации в Австралии, продемонстрировав высокий уровень осведомленности в этой теме⁵³⁷.

Тем временем, планы по созданию имперской федерации продвигались не так быстро, как хотелось бы их сторонникам, в том числе из-за позиции, занятой официальным Лондоном. Сложности при общении с британским руководством показывали австралийцам, что их чаяния интересовали Великобританию в гораздо меньшей степени, чем они считали необходимым. Все наиболее важные для Австралии вопросы оставались на периферии внимания имперских политиков. Удаленность от метрополии, хотя и постепенно компенсируемая развитием коммуникаций, сохраняла определенный разрыв между Лондоном и его далекими тихоокеанскими владениями. Это усугубляло различие геополитических и стратегических взглядов даже между самими адептами имперской федерации. Экономический кризис начала 1890-х также заставил автономии задуматься о том, как на них сказывается зависимость от Великобритании. Такие размышления усиливали представления о том, что австралийцы – не просто британцы в другом полушарии, но особое сообщество со своими интересами и судьбой. Это подталкивало австралийских политиков искать альтернативные пути решения собственных проблем как регионального, так и более широкого масштаба.

С другой стороны, в деле объединения самих колоний в политический союз также имелись свои труднопреодолимые барьеры. География и здесь долгое время мешала оперативной связи между территориями, и, как следствие, усугубляла низкую осведомленность о жизни «соседей» и вообще дефицит взаимного интереса. «По моему мнению, одно из двух самых серьезных препятствий на пути к федерации – недостаток знакомства австралийских общественных деятелей с другими колониями, помимо своей

⁵³⁷ Evening News. 20 January 1890. P. 4.

собственной», - писал в 1896 г. верховный судья Квинсленда и его бывший премьер сэр Сэмюэль Гриффит⁵³⁸. Вторым таким препятствием он считал «отсутствие каких-либо определенных представлений о возможном влиянии будущей федерации на финансовые и хозяйственные дела колоний»⁵³⁹. Принципиально важной стороной этого вопроса являлась разница в экономической политике Нового Южного Уэльса и Виктории, не позволявшая им на протяжении долгого времени выработать общую торговую и таможенную систему. Без участия Нового Южного Уэльса – самой развитой и влиятельной автономии – создание союза было невозможно, но только он единственный из всех придерживался концепции фритреда. Пять протекционистских колоний во главе с Викторией не были готовы пойти по этому пути. Одним из ключевых аргументов являлся тот факт, что в случае перехода к фритреду будущий союз не имел бы ни одного источника дохода, крупного в достаточной мере для пополнения федеральной казны, и это могло потребовать введения новых налогов, лишая федеральное правительство широкой общественной поддержки⁵⁴⁰.

К тому же, по мере роста собственного благосостояния наиболее развитые автономии приобретали все большую уверенность в своих возможностях и превосходстве над соседями. Локальный патриотизм переходил в партикуляризм и «местечковость». Вкупе с экономическими противоречиями это вело к конкуренции элит отдельных колоний между собой, «зависти» к соседям, провинциальному самомнению и нежеланию находить компромиссы. На это обращали особое внимание федералисты, стремившиеся устранить трудности, которые препятствовали объединению

⁵³⁸Griffith S.W. Some Conditions of Australian Federation. Presidential Address (Delivered 11th June, 1896) / Prepared from the print edition published in Brisbane, 1896. Sydney: University of Sydney Library, 2001. P. 23.

⁵³⁹ Ibidem.

⁵⁴⁰ Wise B.R. The making of the Australian Commonwealth 1889-1900, a stage in the growth of the Empire. London, New York, Bombay, Calcutta, 1913. P. 72.

Австралии. Например, говоря о причинах неблагоприятного отношения к идее союза со стороны имперских властей, газета «Джилонг Адвертайзер» из Виктории указывала, что лорд Дерби легко может найти общий язык с единой Канадой, а вот в случае с Австралией он «понимает, что имеет дело с набором автономных образований, вдохновляемых провинциальной завистью друг к другу, и потому он в состоянии без труда оправдать бездействие империи»⁵⁴¹. Другая газета из Западной Австралии сокрушалась, что такой не самый принципиальный вопрос, как выбор будущей столицы федерации, способен затормозить движение к союзу, разжигая до предела взаимную зависть колоний и не оставляя им ни малейшего шанса договориться⁵⁴².

«Мы в первую очередь викторианцы, тасманийцы, квинслендцы, и только затем – австралийцы», – констатировала газета «Вестерн Мэйл»⁵⁴³. Под влиянием подобных настроений разные колонии создавали разную историю, подчеркивавшую их отличия – например, Виктория и Квинсленд праздновали день отделения от Нового Южного Уэльса, а Тасмания – день открытия острова Абелем Тасманом⁵⁴⁴.

В таких условиях создание федерации требовало обеспечения по-настоящему массовой общественной поддержки. На начальном этапе идею объединения разделяли в основном те, кто ощущал на себе административные проблемы межколониальной торговли, регулирования миграции и организации обороны – бизнесмены, юристы и политики⁵⁴⁵. Постепенно к ним присоединилось множество различных организаций, включая местные сообщества, международные торговые и промышленные картели, финансовые

⁵⁴¹ Geelong Advertiser. 31 July 1883. P. 2.

⁵⁴² Inquirer and Commercial News. 22 November 1889. P. 6.

⁵⁴³ Western Mail. 28 January 1888. P. 13.

⁵⁴⁴ Tsokhas K. Making a Nation State. Cultural Identity, Economic Nationalism and Sexuality in Australian History. Melbourne University Press, 2001. P. 54.

⁵⁴⁵ Ward J.M. The State and the people: Australian Federation and nation-making 1870-1901. Leichhardt: Federation Press, 2001. P. 53.

институты⁵⁴⁶. Таким образом, национальное и федералистское движение составили люди, разделявшие идею новой австралийской нации и при этом непосредственно заинтересованные в ее реальном воплощении. Однако, как справедливо подчеркивал историк Боб Биррелл, психологическое удовлетворение от вовлечения в движение по строительству нации не сводилось лишь к желанию улучшения материального положения или статуса, хотя эти выгоды могли быть важны при формировании интереса к национальному вопросу на начальном этапе⁵⁴⁷.

В сложившейся обстановке все большую роль приобретала Ассоциация уроженцев Австралии, поддерживавшая сторонников австралийского национализма и федерализма. Примечательно, что в ее состав входили главным образом технические специалисты и квалифицированные рабочие, а также клерки. Таким образом, ядро наиболее активной организации, выступавшей за объединение, составляла нижняя прослойка среднего класса⁵⁴⁸. Вместе с тем Ассоциация привлекала и интеллигенцию, которая становилась идейным локомотивом движения. Как утверждал Дикин, ее лидерами были «молодые люди с разнообразным способностям и знаниями, в большинстве своем хорошо подготовленные к дебатам, и все глубоко проникнутые национальной идеей»⁵⁴⁹.

Однако это движение не было однородным, и национальные настроения порой принимали довольно радикальные формы. Так, в 1888 г. в Новом Южном Уэльсе была основана Республиканская лига, тесно связанная с

⁵⁴⁶ Tsokhas K. Making a Nation State. Cultural Identity, Economic Nationalism and Sexuality in Australian History. Melbourne University Press, 2001. P. 29.

⁵⁴⁷ Birrell B. Federation: The Secret Story. Sydney, 2001. P. 50.

⁵⁴⁸ Ibid. P. 107.

⁵⁴⁹ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900) / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 16.

лейбористской партией⁵⁵⁰. Целью лиги стало создание независимого от Великобритании союза австралийских колоний с республиканской формой правления⁵⁵¹. И хотя ее деятельность не оказала значительного влияния на политический процесс, сама идея не могла не вызывать беспокойство проимперски настроенных кругов в Австралии.

Австралийская пресса опасалась, как бы планы объединения автономий не были восприняты в Великобритании в качестве первого шага к обретению ими независимости. Такие опасения назывались «необоснованными и происходящими главным образом от неведения» реальных умонастроений в колониях⁵⁵². «Величие Австралии никогда не было оценено британцами в полной мере», – с сожалением заключали местные журналисты⁵⁵³. Поэтому и в автономиях, и в метрополии сторонники имперской интеграции считали, что инициатива союза с Британией должна исходить именно от них, чтобы особенности и интересы Австралии были учтены при создании федерации⁵⁵⁴.

В результате к началу 1890-х годов газеты сходились во мнении, что «идея имперской федерации витает в воздухе, и пусть она окружена трудностями, но ее достижение гораздо более вероятно, чем дезинтеграция империи»⁵⁵⁵. Укрепление политического единства метрополии и автономий представлялось империалистам как прямо отвечающее насущным интересам Австралии. К экономическим достоинствам «органического» союза они относили возможность регулировать миграцию на континент, ограничив ее «желательными» британцами и европейцами, заселение последними

⁵⁵⁰ The Governors of New South Wales 1788-2010. Ed. by Clune D., Turner K. Sydney, 2009. P. 20.

⁵⁵¹ McLean D. The Prickly Pair: Making Nationalism in Australia and New Zealand. University of Otago Press, 2003. P. 66.

⁵⁵² Daily Northern Argus. 5 May 1890. P. 2.

⁵⁵³ Warwick Argus. 6 May 1890. P. 3.

⁵⁵⁴ Leader. 31 August 1895. P. 16.

⁵⁵⁵ Evening News. 2 January 1890. P. 2.

пустующих земель и развитие сельского хозяйства, а благодаря этому – выход австралийской продукции на новые рынки сбыта как внутри империи, так и, при ее посредничестве, в Европе⁵⁵⁶.

Столь же позитивными оставались и оценки будущего собственно австралийской федерации. Правда, как отмечают исследователи, участие в обсуждениях планов по созданию союза автономий часто принимали политики, уже находившиеся в конце своей карьеры, деятели «без будущего»⁵⁵⁷. Их консерватизм и личная незаинтересованность могли играть свою роль в затягивании процесса принятия конкретных решений, что начало вызывать плохо скрываемое раздражение. Так, газета «Колонист» едко отмечала, что представление о союзе колоний «определенно продолжит витать в воздухе до тех пор, пока политики не спустятся со своих ходулей и не займутся практическим решением этого исключительно важного вопроса»⁵⁵⁸.

Главным побудительным мотивом для воплощения замыслов объединения Австралии по-прежнему оставались проблемы военного характера. Под влиянием доклада генерала Б. Эдвардса, который рекомендовал унификацию вооруженных сил автономий, а также создание единой системы управления и коммуникаций, Генри Паркс добился согласия на проведение в феврале 1890 г. в Мельбурне конференции, непосредственно посвященной вопросу о политическом союзе. В ней приняли участие члены Федерального совета, к которым присоединились представители от Нового Южного Уэльса и Новой Зеландии⁵⁵⁹.

Если прежде разногласия между колониями сводились к самой необходимости объединения, то данная конференция выявила споры вокруг выбора модели федеративного устройства. Новый Южный Уэльс предлагал

⁵⁵⁶ Telegraph. 8 February 1890. P. 2.

⁵⁵⁷ Palmer V. The Legend of the Nineties. Melbourne: Melbourne University Press, 1954. P. 116.

⁵⁵⁸ Colonist. 28 June 1890. P. 20.

⁵⁵⁹ Cockburn J. A. Australian Federation. London, 1901. P. 119.

систему управления, существовавшую на тот момент в Канаде, а Тасмания и Южная Австралия считали единственно приемлемой американскую модель организации федеральной власти. Разница виделась собравшимся в следующем: «Кардинальное различие между США и Канадой в том, что в Соединенных Штатах ограничены полномочия центрального правительства, в то время как в Канаде ограничены полномочия провинциальных законодательных органов»⁵⁶⁰. В конце концов делегаты согласились, что столь важное решение не должно быть делом закрытого собрания узкого круга лиц⁵⁶¹.

Основным итогом проделанной в Мельбурне работы стала договоренность автономий прислать своих делегатов на «Австралазийский национальный конвент» для разработки и принятия федеральной конституции. Вместе с тем, некоторые участники конференции, в частности, Новая Зеландия, выразили сомнения о том, войдут ли они в планируемую федерацию⁵⁶².

В марте 1891 г. в Сиднее собрались по 7 представителей от каждой колонии, назначенных местными парламентами (от Новой Зеландии прибыло всего 3 участника)⁵⁶³. Именно тогда впервые прозвучало название будущего объединенного государства – Австралийский Союз (Australian Commonwealth). Оно было предложено Генри Парксом, проявившим интерес к эпохе «Великой гражданской войны» в Англии⁵⁶⁴, откуда термин «Commonwealth», означавший не просто союз, но содружество и общее благо,

⁵⁶⁰ Official record of the proceedings and debates of the Australasian Federation Conference, 1890, held in the Parliament House, Melbourne. Melbourne, 1890. P. 252.

⁵⁶¹ Ibid. P. 246.

⁵⁶² Imperial Federation. The Journal of the Imperial Federation League. Vol. V. January to December, 1890. P. 58.

⁵⁶³ Jose A.W. History of Australasia from the earliest times to the present day, with a chapter on Australian literature. Sydney, 1913. P. 194.

⁵⁶⁴ речь шла об эпохе Английской революции XVII в.

прочно вошел в политический лексикон. Но поскольку с этим понятием ассоциировался республиканизм и стремление к обретению полной независимости, большинство делегатов на тот момент не сочли его приемлемым, предложив назвать государственный союз «Федерация» или «Федеративные Штаты Австралазии»⁵⁶⁵.

В ходе бурных дебатов делегаты подготовили проект конституции. Как заявил на закрытии конференции Дикин, принципиальная разница между форумами 1890 г. в Мельбурне и 1891 г. в Сиднее состояла в том, что год назад «федерация витала в воздухе, и была только в воздухе, даже после конференции она по-прежнему вела в значительной степени призрачное существование. Теперь настал день, когда она обрела и форму, и содержание»⁵⁶⁶. Особое внимание в своем выступлении Дикин обратил на общие положения конституции, по сути воплощавшие духовные начала «нового империализма»: «результат работы, совершенной нами, хоть и несет следы изучения конституций США, Канады и еще более отдаленных государств, все равно он отчетливо англосаксонский, насквозь пропитанный духом и принципом самоуправления, которые характерны для нашей расы»⁵⁶⁷. Таким образом, в очередной раз подтверждалась идея о превосходстве англосаксонской политической системы и ее традиций управления, культурно-историческом родстве метрополии и переселенческих автономий, а также «британскости» австралийцев.

Участниками конференции предполагалось, что вначале выработанный ими проект конституции должен получить одобрение парламентов автономий. Это давало им возможность пересмотреть его отдельные положения, которые следовало окончательно согласовать на очередной конференции

⁵⁶⁵ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900). / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 52.

⁵⁶⁶ Official report of the National Australasian Convention debates. Sydney, 1891. P. 914.

⁵⁶⁷ Ibid. P. 915.

самоуправляющихся колоний, а после отправить в Лондон для утверждения имперским парламентом. Законодательные собрания Виктории, Южной Австралии и Тасмании, после внесения поправок, в целом одобрили проект. Выступая перед депутатами, премьер Виктории Джеймс Манро провозгласил, что после принятия конституции права и возможности политиков перестанут ограничиваться скромными размерами их колонии, но, в рамках работы австралийского парламента, будут простираться на весь континент «от мыса Отуэй до Торресова пролива, от океана на западе до океана на востоке – других границ не останется»⁵⁶⁸. Далее, он вновь напомнил собравшимся о том, какие перспективы могли открыться перед единой Австралией, будь федерация создана раньше. По его заявлению, не только Новая Гвинея и Новые Гебриды, но и все острова южной части Тихого океана находились бы под австралийским контролем, а голос объединенного континента был бы, наконец, услышан в Великобритании и его мнение принималось бы в расчет⁵⁶⁹. Но в Новом Южном Уэльсе ввиду политического кризиса сэр Генри Паркс был вынужден уйти в отставку, и рассмотрение документа затянулось. Остальные автономии пришли к выводу, что с принятием конституции стоит повременить, пока Новый Южный Уэльс, старейшая и авторитетнейшая из них, не сможет присоединиться к общей работе⁵⁷⁰. Показательно в связи со сложившейся ситуацией признание премьером Нового Южного Уэльса Дж. Рида: «Главная вина лежит на колонии-матери⁵⁷¹... – указывал политик, сетуя о том, что рассмотрение конституционного проекта в парламенте Нового Южного Уэльса откладывалось на протяжении нескольких лет. Он усматривал в этом «признаки «сухой гнили», которые росли и распространялись, будучи

⁵⁶⁸ Parliamentary debates. Victoria. Session 1891. Legislative Council and Legislative Assembly. Vol. LXVI. Melbourne, 1891. P. 102.

⁵⁶⁹ Ibid. P. 104.

⁵⁷⁰ Jose A.W. History of Australasia from the earliest times to the present day, with a chapter on Australian literature. Sydney, 1913. P. 194.

⁵⁷¹ так называли Новый Южный Уэльс – первую австралийскую колонию

связаны с одной причиной – Билль являлся [для сиднейских законодателей – *E.C.*] официальной инициативой, а не национальным вдохновением»⁵⁷².

Разногласия между колониями, боязнь потерять свое лидерство, сосуществование множества различных точек зрения, а также нехватка поддержки со стороны властей и общественности осложняли практическое воплощение замыслов по созданию союза автономий как между собой, так и с метрополией. Тем не менее, к началу 1890-х федералистское движение явно переживало подъем. При этом идея национальной федерации начала «обгонять» стремление к созданию имперской федерации, постепенно переходя от частных умозрительных рассуждений к официальному рассмотрению конкретных проектов государственного союза британских владений в Австралии.

§ 2. Борьба за создание национальной федерации и проблема имперского единства

С началом 1890-х годов обстановка в Австралии начала заметно меняться. Экономический кризис заставил бизнес-элиты и рабочее движение отдельных автономий рассматривать пути совместного выхода из сложного положения. Не ослабевавший интерес великих держав к тихоокеанскому региону подогревал идею совместной обороны от возможного военного вторжения. Деятельность Ассоциации уроженцев Австралии, Лиги имперской федерации и местных федералистских организаций подготавливала общественное мнение колоний к принятию идеи тесного союза в рамках континента⁵⁷³. После неудачи Билля 1891 г. федералистское движение недолго

⁵⁷² Reid G.H. The Outlook of Federation / Prepared from the print article in Review of Reviews. January 20, 1897. Pages 33-39. Sydney: University of Sydney Library, 2001. P. 5.

⁵⁷³ McMinn W.G. A constitutional history of Australia. Melbourne: Oxford University Press, 1979. P. 108.

оставалось в растерянности, вновь вернувшись к реальной политике. Главными мероприятиями этого периода стали две конференции: 1893 г. в Короуа и 1895 г. в Хобарте.

Вполне логично, что «раздражение абсурдностью провинциальных тарифов ощущалось наиболее отчетливо» в пограничных районах, где быстрее всего созрела готовность к активным действиям⁵⁷⁴. «Некоторые налоги и пошлины были непосредственно направлены против межколониального импорта, и естественно, вызвали большое неудовольствие на границах», – указывал Дикин⁵⁷⁵.

В январе 1893 г. в городке Короуа на границе Нового Южного Уэльса и Виктории начала свою работу Федеральная Лига. В кратчайшие сроки ее представительства открылись во многих населенных пунктах этого района (к маю 1893 г. было сформировано 15 отделений лиги⁵⁷⁶). Их создание проходило по инициативе Ассоциации уроженцев Австралии, пытавшейся обеспечить поддержку планам федерации «снизу», при помощи местных организаций, для которых этот вопрос имел бы первоочередное значение⁵⁷⁷. В марте 1893 г. руководство Ассоциации обратилось к известному политику, генеральному прокурору Нового Южного Уэльса и стороннику союза колоний Эдмунду Бартону с предложением содействовать объединению усилий местных

⁵⁷⁴ Wise B.R. The making of the Australian Commonwealth 1889-1900, a stage in the growth of the Empire. London, New York, Bombay, Calcutta, 1913. P. 186.

⁵⁷⁵ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900). / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 18.

⁵⁷⁶ Official Report of the Federation Conference held in the Courthouse, Corowa 1893. Prepared from: Official Report of the Federation Conference Held in the Court-House, Corowa, on Monday, 31st July, and Tuesday, 1st August, 1893. Corowa, 1893. Sydney: University of Sydney Library, 2001. P. 3.

⁵⁷⁷ Johnson J. The role of the Australian Natives' Association in the Federation of Australia. Melbourne, 1984. P. 6-7.

федералистских организаций⁵⁷⁸. В итоге в Сиднее была образована общеавстралийская Федеральная Лига, выступившая с инициативой проведения в Короуа конвента сторонников объединения.

Характерно, что вопрос о создании федерации приобретал все большую актуальность, становясь частью повседневной жизни широких слоев населения, особенно на приграничных территориях. К участию в деле объединения колоний подключались не только светские власти, но и церковь. К примеру, в преддверии конференции священник одного из приходов в Короуа упомянул о ней во время воскресной проповеди, предлагая пастве порассуждать относительно того, как обеспечить свое будущее благополучие⁵⁷⁹.

Конференция открылась 31 июля 1893 г. И хотя она имела неофициальный характер⁵⁸⁰, ее отличительной чертой являлась заинтересованность широких общественных кругов Австралии, делегировавших своих представителей⁵⁸¹. Помимо прочих, своих делегатов направило и отделение Лиги имперской федерации в Виктории. В адресованном организаторам конференции письме руководство Лиги сообщало о прошедшем 28 июля 1893 г. заседании своего исполнительного комитета, на котором единогласно была принята резолюция с выражением искренней симпатии и активной поддержки как самому мероприятию, так и идее австралийской федерации в целом⁵⁸². По существу, это было

⁵⁷⁸ Wise B.R. The making of the Australian Commonwealth 1889-1900, a stage in the growth of the Empire. London, New York, Bombay, Calcutta, 1913. P. 186.

⁵⁷⁹ Corowa Free Press. 4 August 1893 P. 3.

⁵⁸⁰ Coghlan T.A., Ewing T. T. The progress of Australasia in the nineteenth century. London, 1903. P. 420.

⁵⁸¹ Cramp K.R. The state and federal constitutions of Australia. Sydney, 1913. P. 141.

⁵⁸² Official Report of the Federation Conference held in the Courthouse, Corowa 1893. Prepared from: Official Report of the Federation Conference Held in the Court-House, Corowa, on

свидетельство положительной оценки деятельности Федеральной Лиги и Ассоциации уроженцев Австралии. Последняя действительно оказывала щедрую поддержку участникам конференции⁵⁸³. Большой интерес проявили и жители Короуа, которые наблюдали за ходом конференции в качестве гостей. Местная газета особо отмечала наличие среди них дам, которые «добавили собранию утонченности, благородства и удовольствия»⁵⁸⁴. По утверждению одного из делегатов, ключевой задачей момента являлось обеспечение массовой поддержки идее объединения Австралии со стороны организаций, не связанных с каким-либо конкретным классом или политической партией⁵⁸⁵.

Еще одна особенность конференции состояла в том, что ее участников интересовали не столько конкретные планы федеративного устройства Австралии, сколько вопросы политического, социального и даже философского характера. Согласно первой же резолюции, предложенной на рассмотрение участникам конференции, колонии признавались высокоразвитыми обществами, готовыми к объединению в союзное государство в составе Британской империи⁵⁸⁶. В духе широко распространенных эгалитарных настроений собравшиеся полагали, что в перспективе объединившая свои ресурсы Австралия превратится в цивилизацию, где «бедность будет полностью искоренена»⁵⁸⁷. Рассуждая о внешнеполитических последствиях создания федерации, ее сторонники развивали уже далеко не новую мысль о трансформации Австралии (и даже

Monday, 31st July, and Tuesday, 1st August, 1893. Corowa, 1893. Sydney: University of Sydney Library, 2001. P. 17-18.

⁵⁸³ Age. 3 August 1893. P. 6.

⁵⁸⁴ Corowa Free Press. 4 August 1893. P. 3.

⁵⁸⁵ Advertiser. 2 August 1893. P. 5.

⁵⁸⁶ Age. 31 July 1893 P. 6

⁵⁸⁷ Advertiser. 2 August 1893. P. 5.

Австралазии) в империю⁵⁸⁸, обладающую высоким статусом как в отношениях с метрополией, так и в мировом сообществе⁵⁸⁹. Участники конференции пришли к выводу, что «противников федерации почти не осталось, но еще есть те, кто полагает, будто время для нее не пришло»⁵⁹⁰.

Окончание конференции сопровождалось бурными овациями в честь объединенной Австралии и королевы. В том, как делегаты «ликовали во всю мощь своих легких и вдохновенно размахивали шляпами», федералисты усматривали серьезность их намерений воплотить планы политической консолидации колоний⁵⁹¹.

В силу неофициальности конференции, ее решения не носили обязательного характера. Однако ее резолюция призывала законодательные органы автономий принять меры для избрания населением представителей на конвент по разработке нового проекта союзной конституции, которому затем предстояло пройти утверждение на референдуме⁵⁹². Другая резолюция констатировала важность создания таможенного союза для свободного обращения товаров между колониями⁵⁹³. И хотя она была принята большинством голосов, это решение вызвало немало противоречий, в частности, усугубив противостояние двух ведущих автономий.

В конце концов обострение отношений вылилось в очередной скандал. Министр общественных работ Нового Южного Уэльса Уильям Лайн обвинил представителя Виктории Грэма Бэрри в «злонамеренном» искажении позиции,

⁵⁸⁸ Official Report of the Federation Conference held in the Courthouse, Corowa 1893. Prepared from: Official Report of the Federation Conference Held in the Court-House, Corowa, on Monday, 31st July, and Tuesday, 1st August, 1893. Corowa, 1893. Sydney: University of Sydney Library, 2001. P. 16.

⁵⁸⁹ Ibid. P.22.

⁵⁹⁰ Advertiser. 2 August 1893. P. 5.

⁵⁹¹ Corowa Free Press. 4 August 1893 P. 3.

⁵⁹² Cramp K.R. The state and federal constitutions of Australia. Sydney, 1913. P. 141.

⁵⁹³ Advertiser. 2 August 1893. P. 5.

занятой Сиднеем в деле создания федерации. По убеждению Лайна, именно Виктория первой возвела таможенные преграды, мешающие объединению континента, и потому именно она должна взять на себя инициативу убрать их⁵⁹⁴.

В прессе итоги конференции представлялись достаточно скромными. Сиднейская «Дэйли Телеграф» писала, будто ее основной результат состоял лишь в привлечении дополнительного внимания общественности, но не изменил ее настроений, и так уже положительно воспринимавших идею федерации⁵⁹⁵. Столь же невысокого мнения о конференции был и премьер Нового Южного Уэльса Джордж Диббс, полагавший, что она не придаст существенного ускорения федералистскому движению, успех которого может быть лишь в отдаленной перспективе⁵⁹⁶. Мельбурнская торговая палата, направившая туда своих делегатов, также признала резолюции конференции неудовлетворительными. В опубликованном письме президента палаты организаторам дебатов в Короуа были названы следующие причины такого мнения: предложенный палатой таможенный союз автономий не был одобрен, как и резолюция о необходимости всем австралийским колониям направлять своих делегатов в Федеральный совет⁵⁹⁷.

В условиях, когда одновременно рассматривались планы образования политического союза колоний и переустройства их отношений с метрополией, принципиальное значение имел взгляд на вопрос о создании единой Австралии со стороны Лиги имперской федерации. Ее председатель Эдвард Холройд на собрании в Мельбурне заявил, что «прождав [после конференции в Короуа – *E.C.*] около месяца и обнаружив, что [для выполнения ее резолюций – *E.C.*] ничего не было сделано... Лига приняла решение... объединить усилия

⁵⁹⁴ Age. 2 August 1893. P. 5.

⁵⁹⁵ Daily Telegraph. 4 August 1893 P. 4.

⁵⁹⁶ Daily Telegraph. 3 August 1893 P. 5.

⁵⁹⁷ Argus. 4 August 1893. P. 6.

имперских федералистов с делом австралийской федерации». Одной из причин своей позиции Холройд называл тот факт, что в отношениях с метрополией единая Австралия будет иметь гораздо больший вес, чем полдюжины завистливых и соревнующихся между собой колоний. В результате собрание Лиги поддержало решение конференции в Короуа касательно необходимости созвать конвент для разработки конституции⁵⁹⁸.

Вскоре «колония-мать» все же взяла на себя инициативу в федералистском движении. Следующая конференция, продолжившая идею собрания в Короуа, была инициирована премьером Нового Южного Уэльса Ридом. Он пригласил премьеров других автономий встретиться с целью согласования нового порядка принятия конституции. На этой конференции, которая состоялась в Хобарте в начале 1895 г., были представлены все колонии, кроме Новой Зеландии, которая с этого времени решила не входить в формирующийся союз. Основными причинами этого назывались следующие: нежелание терять законодательную независимость, финансовая нецелесообразность – «выручка колонии сократилась бы, по меньшей мере, на 450 тыс. фунтов стерлингов в год»⁵⁹⁹, трудность работы федерального правительства в условиях географической отдаленности Новой Зеландии. Свободная торговля внутри Союза не открывала новых рынков сбыта новозеландской продукции и только обострила бы конкуренцию с Австралией, ухудшив тем самым положение на рынке труда⁶⁰⁰. Кроме того, население Новой Зеландии было сравнительно невелико, и этот факт мог воспрепятствовать ей занять лидирующие позиции в нижней палате федерального парламента. В отношении наиболее острого вопроса о морской обороне новозеландские политики сочли, что «пока Великобритания

⁵⁹⁸ Argus. 12 September 1893. P. 5.

⁵⁹⁹ Union with the Commonwealth of Australia: the case against // Speeches and documents on New Zealand History. Oxford, 1971. P. 266.

⁶⁰⁰ Ibid. P. 267.

господствует на морях, Новая Зеландия вполне способна взять на себя защиту своих земель. А в случае, если метрополия утратит военно-морское превосходство, Австралия и Новая Зеландия даже сообща не смогут отразить нападение иностранной державы»⁶⁰¹. Таким образом, власти и общественность Новой Зеландии убедились в том, что она «и сама способна обеспечить все необходимое для благосостояния местного населения, которое в недалеком будущем само сможет сформировать собственную нацию»⁶⁰².

Премьеры австралийских автономий пришли к выводу, что избежать повторения судьбы билля 1891 г. надежнее всего путем прямого волеизъявления избирателей. Главы правительств договорились провести всеобщие выборы десяти лиц от каждой колонии, которые представляли бы их на следующей конференции с целью разработки нового проекта конституции. И в случае, если он получит одобрение как минимум трех автономий по итогам прямого голосования их жителей, то королеве будет подано прошение о его утверждении в качестве конституционного акта объединенной Австралии⁶⁰³.

Несмотря на согласие большинства участников конференции с этими положениями, делегаты из Квинсленда и Западной Австралии выступили против принятых решений. Еще до начала работы конференции в Хобарте премьер Западной Австралии уведомил премьера Нового Южного Уэльса о том, что жители его колонии больше заинтересованы в разработке недавно открытых месторождений золота, чем в создании федерации, к которой они равнодушны⁶⁰⁴. В итоге Западная Австралия добилась для себя права избирать делегатов не всеобщим голосованием, а путем проведения выборов членами

⁶⁰¹ Ibid. P. 266.

⁶⁰² Ibid. P. 269.

⁶⁰³ Moore W. The Constitution of The Commonwealth of Australia. London, 1902. P. 44-45.

⁶⁰⁴ Sydney Morning Herald. 11 February 1895. P. 5

парламента⁶⁰⁵. В Квинсленде внутренние проблемы также серьезно тормозили осознание необходимости преодоления раздробленности. Для автономии в это время были характерны острые разногласия в парламенте, противоречия между отдельными регионами и даже сепаратистские настроения в некоторых из них, низкий уровень политической осведомленности населения, рассеянного по обширной территории⁶⁰⁶. Как следствие, Квинсленд вовсе не проводил выборов⁶⁰⁷.

И все же, как утверждалось в прессе, премьеры «действовали максимально слаженно и преодолели основные трудности»⁶⁰⁸. Чтобы сделать эту конференцию максимально продуктивной, они даже отказались прерывать свою работу для посещения проходившей в столице Тасмании экономической выставки⁶⁰⁹. Комментируя решения хобартской конференции, сиднейская «Дэйли Телеграф» и мельбурнская «Геральд» сообщали своим читателям, что Новый Южный Уэльс и Виктория готовы преодолеть все существующие разногласия для реализации достигнутых договоренностей⁶¹⁰.

Но далеко не все разделяли подобный оптимизм. Показательно в этом смысле мнение жителя Нового Южного Уэльса, который направил в редакцию «Сидней Морнинг Геральд» письмо, где выражал недовольство итогами конференции, называя их «движением вспять». Особенно несправедливым он считал паритетное представительство колоний на предстоящем конституционном конвенте, тогда как следовало бы, по его мнению, придерживаться принципа пропорциональности. И даже высказанное на

⁶⁰⁵ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900). / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 62.

⁶⁰⁶ Moore W. The Constitution of The Commonwealth of Australia. London, 1902. P. 44-45.

⁶⁰⁷ Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971. С. 174.

⁶⁰⁸ Brisbane Courier. 1 February 1895. P. 6.

⁶⁰⁹ South Australian Register. 30 January 1895. P. 5.

⁶¹⁰ Daily Telegraph. 6 February 1895. P. 2; Herald. 7 February 1895. P. 4.

конференции предложение представить будущий проект конституции для обсуждения Новому Южному Уэльсу прежде, чем всем остальным автономиям, не могло, как полагал автор письма, исправить ситуацию⁶¹¹. Газета «Тасмэниэн», со своей стороны, обвиняла политиков в том, что за последние годы они на самом деле больше тормозили движение к союзу, нежели помогали ему. Подтверждением тому являлась судьба Билля 1891 г., который так и остался только проектом. Причиной противодействия властей делу создания федерации газета называла их нежелание ограничивать свои полномочия в пользу федерального центра. Казалось, что проведение референдума – последний и единственный шанс заставить правительства автономий всерьез рассмотреть и в конце концов принять проект конституции⁶¹².

Согласно решениям Хобартской конференции, в марте 1897 г. в столице Южной Австралии Аделаиде собрался Федеральный конвент. В его работе приняли участие представители пяти австралийских автономий, за исключением Квинсленда. Работа делегатов была организована в рамках трех сессий – начавшись 22 марта и завершившись 5 мая, конвент продолжился второй сессией в Сиднее в сентябре 1897 г., и третьей – в Мельбурне с 20 января по 17 марта 1898 г. Одна из причин такого графика – необходимость дать время делегатам для согласования принятых решений с парламентами автономий, чтобы не допустить повторения судьбы первого конституционного проекта.

Развертывание в Австралии федералистского движения совпало с созданием в 1895 г. консервативно-юнионистского кабинета лорда Солсбери, где пост министра по делам колоний занял Джозеф Чемберлен, взявший курс на интеграцию империи. «Если г-н Чемберлен сохранит свой портфель в течение следующих четырех или пяти лет, что, как мы надеемся, вполне

⁶¹¹ Sydney Morning Herald. 12 February 1895. P. 6.

⁶¹² Tasmanian. 9 February 1895. P. 24.

возможно, то он сможет дать идее федерации практическое воплощение, полную силу которого империя должна будет ощутить в начале нового века» – выражали свои ожидания сторонники более тесного союза метрополии и автономий⁶¹³. Поэтому отношение имперских властей к созданию федерации на континенте становилось крайне актуальным. Неудивительно, что конвент в Аделаиде привлек внимание Чемберлена. В своем обращении к делегатам министр по делам колонии писал: «Я получил указание Ее Величества проинформировать Федеральный конвент об особом интересе королевы к его работе и выразить надежду, что, в согласии с Божественным провидением, ваши труды принесут практическую пользу Австралии. От себя хочу добавить сердечные пожелания успешного результата, который будет способствовать величию и мощи империи»⁶¹⁴. Таким образом, Лондон фактически признал и поддержал готовящийся союз, сочтя его значимым для Великобритании.

Споры между участниками начались еще до открытия конференции. Первым поводом стал выбор места ее проведения, так как обычно премьер принимающей колонии избирался председателем и мог оказывать прямое влияние на ход обсуждений⁶¹⁵. Речь шла не только об острых противоречиях политического характера, но и об открытом личном противостоянии делегатов⁶¹⁶. К тому же на конференции присутствовали почти все причастные к созданию конституционного билля 1891 г. Поэтому образовалось два лагеря: представители, прибывшие на подобное мероприятие впервые, хотели разработать совершенно новую конституцию, в то время как делегаты «со стажем» желали увидеть плоды своей предшествующей работы и сделать

⁶¹³ Launceston Examiner. 24 December 1895. P. 7.

⁶¹⁴ Official report of the National Australasian Convention Debates. Vol. 1. Adelaide, 1897. P. 85.

⁶¹⁵ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900). / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 76-77.

⁶¹⁶ Ibid. P. 76.

билль 1891 г. предварительным проектом федеральной конституции, внося в него лишь необходимые поправки⁶¹⁷. Однако верх одержали сторонники создания нового документа, пусть и вобравшего многие положения, принятые еще в 1891 г.

В ходе дебатов сказывалось недоверие к наиболее активным сторонникам федерации, которых зачастую подозревали в попытках использовать выгоды союза для получения односторонних преимуществ. Особенно «подозрительными» в этом отношении были представители «менее благополучных колоний»⁶¹⁸. К примеру, председатель законодательного собрания сравнительно небогатой Южной Австралии Ричард Бейкер сообщил прессе, что, по его мнению, проект не будет приемлемым для его автономии, в то время как его коллега из «состоятельной» Виктории Уильям Зил, напротив, считал готовящийся конституционный билль хоть и не окончательно проработанным, но справедливым и честным, и выражал уверенность в том, что здравый смысл жителей Виктории позволит делу федерации продолжить движение к цели⁶¹⁹.

Выработанный вариант основного закона был направлен на обсуждение в парламенты автономий, а потом вновь стал предметом дискуссий на второй сессии конвента в Сиднее. Однако она не привела к ожидавшемуся завершению работы, и лишь после заседания в Мельбурне окончательный проект конституции был представлен законодательным собраниям самоуправляющихся колоний. Билль, созданный в ходе работы конференции 1897-8 гг., отличался от своего предшественника 1891 г. главным образом в следующих положениях: Сенат из выборного органа стал формироваться парламентами штатов, было возрождено право подачи жалоб в королевский

⁶¹⁷ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900). / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 78.

⁶¹⁸ Ibid. P. 83-84.

⁶¹⁹ Argus. 28 April 1897. P. 6.

Тайный совет, отменен принцип множественного голосования и создан механизм прекращения парламентских кризисов, не требовавший роспуска Сената. Кроме того, пафосный тон первого проекта был заменен на более сухой, юридический язык.

Обсуждения конституционного билля прервались важным для всей империи событием – празднованием бриллиантового юбилея правления королевы Виктории. Пользуясь случаем, Джозеф Чемберлен созвал вторую колониальную конференцию, на которой присутствовали премьеры всех автономий. В приглашении последним указывалось, что цель мероприятия – неформальная дискуссия по различным вопросам, представляющим взаимный интерес. Чемберлен был озабочен сложившейся в империи ситуацией и видел в укреплении союза метрополии и автономных колоний путь решения многих проблем.

И действительно, в отличие от первой конференции 1887 г., принципиально отказавшейся от обсуждения вопроса об имперской федерации, десять лет спустя Чемберлен говорил премьерам о том, что эта идея уже «витают в воздухе», и ее воплощение будет выгодно всем сторонам. Еще в 1895 г. журналисты писали в поддержку этих планов: «Лучше строить медленнее, но крепче, чем быстро возводить шаткую конструкцию, которая не выдержит и одного удара»⁶²⁰. Однако предложение министра по делам колоний о создании более тесных связей метрополии и автономий в итоге не было поддержано (исключение составили Тасмания и Новая Зеландия). Остальные премьеры одобрили компромиссную резолюцию, констатирующую «в целом удовлетворительное состояние» имперских отношений. Не менее важное значение имела единогласно принятая резолюция, которая выражала поддержку созданию федеративных союзов

⁶²⁰ Leader. 31 August 1895. P. 16.

географически близких колоний⁶²¹. Также все участники конференции выразили намерение продолжать подобные периодические встречи с имперским руководством⁶²². Развивая эти идеи, премьер Нового Южного Уэльса Рид на одном из приемов в Лондоне заявил, что создание австралийской федерации усилит внутриимперские связи, которые, однако, не нуждаются в официальном оформлении. По его мнению, это может произойти в самом ближайшем будущем, и уже на следующей имперской конференции Австралию будет представлять один человек вместо полудюжины⁶²³.

Итоги колониальной конференции сказались на общей атмосфере дебатов о создании австралийской федерации. Поддержка идеи объединения автономий Чемберленом определенно поощрила премьеров, вскоре вернувшихся к работе в рамках второй и третьей сессий Федерального конвента. Воодушевляющий эффект имело и сообщение, которое довел до сведения собравшихся на открытии заседаний в Сиднее премьер Южной Австралии Чарльз Кингстон. Он доложил, что, согласно резолюции аделаидской сессии, он имел честь лично вручить Ее Величеству адрес от имени конвента с выражением преданности и поздравлениями. Со своей стороны, королева вновь заверила австралийских представителей в глубоком интересе к их деятельности, направленной на политическое сплочение британских владений в этой части света, и передала им свои наилучшие пожелания. Ответ Виктории был встречен делегатами стоя⁶²⁴.

Активно продолжала поддерживать идею объединения Австралии Лига имперской федерации, усматривая в том реальный прогресс, поскольку интеграция в масштабах империи все еще не стала «вопросом практической

⁶²¹ Proceedings of a conference between the secretary of state for the colonies and the premiers of the self-governing colonies at the Colonial Office. London, 1897. P. 15.

⁶²² Ibidem.

⁶²³ Western Mail. 9 July 1897. P. 31,33.

⁶²⁴ Official report of the National Australasian Convention Debates. Vol. 2. Sydney, 1897. P. 1.

политики»⁶²⁵. Союз австралийских колоний представлялся Лиге тем шагом, который может приблизить реализацию глобальных замыслов по изменению имперских отношений.

В марте 1898 г. проект конституции был, наконец, согласован и представлен на одобрение парламентам колоний, решения которых подлежали утверждению на референдумах. Мельбурнская «Аргус» назвала Билль результатом кропотливой работы лучших политических умов Австралии, а потому расценивала попытки критиковать его как дезавуирование всего, на что способны колонии, а также расписку в собственной несостоятельности. Кроме того, перенос решения на будущее в случае неодобрения проекта конституции, указывала газета, сделает его повторную разработку неизмеримо сложнее, обречет континент на годы или даже десятилетия жалкого разобщенного существования и, по сути, отнимет у него моральное право на независимый голос в империи. Поэтому, как утверждала «Аргус», Австралия сейчас предстает перед судом всего цивилизованного мира. Провал или отсрочка принятия Билля порадовали бы лишь ненавистников Британской империи, а на австралийцев навлекли позор и беды⁶²⁶.

С этого времени сторонники и противники Билля («биллитиз» и «анти-биллитиз») развернули широкую пропаганду среди населения автономий. Самую активную поддержку федерация получила в Виктории, в том числе благодаря находившимся там крупным общественным организациям. К примеру, Ассоциация уроженцев Австралии, куда входили ряд молодых политиков, открыто заявила о своем стремлении всеми силами содействовать образованию союза, даже если придется привести ситуацию к парламентскому кризису в колонии. Федеральная лига Виктории и Ассоциация договорились о

⁶²⁵ Argus. 15 September 1897. P. 6.

⁶²⁶ Argus. 17 March 1898. P. 4.

совместных действиях и вели активную пропаганду среди австралийцев⁶²⁷. Основными ее формами были митинги (иногда по 15-20 в день) и распространение различной печатной продукции⁶²⁸.

Провинциализм же особенно был заметен в Новом Южном Уэльсе, где периодические издания «стимулировали у своих читателей ненависть, страх, алчность, зависть, и враждебность»⁶²⁹ к объединению. Но такие действия имели и противоположный эффект – чем больше сиднейские «анти-биллитиз» протестовали против того, что их колония «будет нести бремя затрат и страдать» под властью федерации, терять свои преимущества во всех сферах, тем больше доверия к союзу появлялось в других колониях⁶³⁰.

После того как аргументы политической, экономической, военной целесообразности были исчерпаны и не смогли обеспечить безусловную поддержку Билля, «в качестве решающего мотива стал выступать австралийский национализм»⁶³¹. Так, в одной из газет приводились следующие доводы в пользу федерации: «Федерация означает Австралию как нацию... Федерация означает соединение тех, кто уже принадлежит к одной расе и связан узами братства и родства... Федерация означает, что голос Австралии будет столь же силен в делах империи, как и канадский... Федерация означает упадок провинциализма и создание здорового

⁶²⁷ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900). / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 93-97.

⁶²⁸ Скоробогатых Н.С. Вехи конституционного пути Австралии (1788-2000 гг.) М., 2006. С. 63, 67.

⁶²⁹ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900). / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 98.

⁶³⁰ Norris R. The emergent Commonwealth: Australian federation, expectations and fulfillment: 1889-1910. Melbourne University Press, 1975. P. 27.

⁶³¹ Ibid. P. 30.

национального чувства»⁶³². Но и степень выраженности национального самосознания в разных автономиях считалась неодинаковой. Если Квинсленд, с точки зрения федералистов, признавался самой «австралийской», то есть независимой по духу колонией, то Южная Австралия – самой «заплесневелой» и лояльной короне⁶³³.

Действующее в Виктории отделение Лиги имперской федерации, обсуждая на своем собрании итоговый отчет за 1897 г., подчеркнуло, что создание союза австралийских автономий – это шаг на пути к конечной цели, каковой является имперская федерация. Продолжая эту мысль, председатель собрания Эдвард Холройд твердо заявил, что, по его мнению, «истинные имперские федералисты поддержат Билль», который отвечает их замыслам⁶³⁴.

Летом 1898 г. в Новом Южном Уэльсе, Виктории, Южной Австралии и Тасмании было проведено всеобщее голосование по принятию проекта конституции. Квинсленд и Западная Австралия оставались в стороне. По итогам референдума в Виктории, Тасмании и Южной Австралии проект федеральной конституции получил поддержку подавляющего большинства населения. Но в Новом Южном Уэльсе при численном преимуществе сторонников конституции, общего количества их голосов не хватило для достижения установленного парламентом минимума в 80 тысяч одобряющих проект избирателей, что обеспечило бы принятие Билля. «О союзе Виктории, Южной Австралии и Тасмании не могло быть и речи»⁶³⁵, - писал Дикин, понимая, что без «колонии-матери» союз будет не более эффективным, чем Федеральный Совет.

⁶³² Launceston Examiner. 27 May 1898. P. 6.

⁶³³ Ward R. The Australian Legend. Sydney, 1965. P. 183.

⁶³⁴ Age. 9 May 1898. P. 7.

⁶³⁵ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900). / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 98.

Итоги голосования в Новом Южном Уэльсе еще раз ярко продемонстрировали поляризацию мнений. Свою роль в этом сыграл и премьер автономии Дж. Рид, который хоть и был активнейшим сторонником федерации, не выказал энергичной поддержки Биллю. 28 марта 1898 г., еще до проведения плебисцита, в сиднейской ратуше он произнес речь перед четырьмя сотнями собравшихся, где раскритиковал положения предлагаемой на референдуме конституции. Рид занял двойственную позицию, выражая, с одной стороны, согласие с идеей федерации, а с другой, он заявил, что желал бы видеть Билль более демократическим, и признавал наличие в нем положений, не отвечающих его взглядам. И хотя премьер сообщил, что он будет голосовать «за», избирателям посоветовал решать этот вопрос самостоятельно⁶³⁶. Такое отношение к грядущему союзу со стороны одного из лидеров федералистского движения не могло не сказаться на общественных настроениях в автономии.

Мнения других политиков тоже были крайне поляризованы и порой переходили из области обсуждения отдельных положений будущей конституции к нападкам на своих оппонентов. Характерный случай произошел на первом после референдума заседании законодательного собрания Нового Южного Уэльса, где депутат Уильям Ригг сообщил, что некоторые депутаты-сторонники Билля допускали, будто их коллеги, голосовавшие «против», приняли такое решение только из-за боязни потерять 300 фунтов стерлингов ежегодного дохода от своей нынешней должности⁶³⁷.

Чтобы сделать проект более приемлемым для Нового Южного Уэльса, премьерам пришлось вновь собираться вместе в Мельбурне в январе 1899 г. и вносить правки. Среди прочего, «колония-мать» получила право размещения

⁶³⁶ Australasian. 2 April 1898. P. 37; Daily Telegraph. 30 March 1898. P. 6.

⁶³⁷ Parliamentary debates. New South Wales. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.parliament.nsw.gov.au/hansard/Pages/hansard-house-paper-overview.aspx>.
Legislative Assembly. 21 June 1898. P. 14-15.

будущей столицы объединенной Австралии на своей территории, правда, на расстоянии не менее 100 миль от Сиднея⁶³⁸. Свое удовлетворение в связи с преодолением очередной важной вехи на пути к федерации выразило отделение Лиги имперской федерации. Исполнительный комитет Лиги заключил, «что дух патриотического самопожертвования, который является высшим идеалом нации, продолжит вдохновлять людей в каждой колонии, чтобы федерация Австралии быстро стала свершенным фактом»⁶³⁹.

В 1899 г. был проведен новый референдум, где 73% жителей уже пяти австралийских автономий (к изначальным четырем добавился Квинсленд) высказались за принятие Билля⁶⁴⁰. На этот раз в Новом Южном Уэльсе «биллитиз» одержали уверенную победу. Тем не менее, негативно настроенная по отношению к Биллю сиднейская газета «Дэйли Телеграф» стремилась доказать невыгодность предлагаемого проекта. В числе аргументов фигурировал своеобразно интерпретируемый факт принадлежности австралийцев к англосаксонской расе. В статье указывалось, что британским сообществам присуща инстинктивная любовь к свободе. «К числу неотъемлемых прав свободных людей принадлежит право отдать свою свободу. И на вчерашнем голосовании австралийцы воспользовались этим правом», – с горькой иронией комментировала итоги референдума «Дэйли Телеграф»⁶⁴¹.

Только Западная Австралия не проводила голосование. Но после оглашения результатов референдумов ей пришлось срочно пересматривать свою позицию из опасений, что самоизолировавшаяся автономия стала бы «внешним» государством по отношению к федерации и оказалась без средств

⁶³⁸ Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900). / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 100.

⁶³⁹ Advertiser. 15 February 1899. P. 5.

⁶⁴⁰ Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971. С. 175.

⁶⁴¹ Daily Telegraph. 21 June 1899. P. 4.

к существованию. Поэтому жизненно важный вопрос для небольших колоний был не в том, могут ли они позволить себе войти в федерацию, а в том, могут ли они позволить себе не делать этого⁶⁴².

Стремясь продемонстрировать метрополии свою лояльность не только на словах, но и на деле, в 1899 г. австралийские колонии направили большие отряды добровольцев в Южную Африку. Вместе с тем, это была не просто демонстрация солидарности со страной-матерью, а стремление колониального национализма доказать собственную значимость и зрелость перед лицом старшего партнера. Под влиянием разыгравшегося межколониального соперничества сиднейская «Ивнинг Ньюс» с сожалением отмечала, что благодаря общественному воодушевлению число волонтеров превысит установленную квоту, и Новый Южный Уэльс из-за участия других колоний в формировании экспедиционных сил не сможет отправить на войну с бурами всех желающих⁶⁴³. В итоге общее количество прибывшего из Австралии военного контингента в этой войне составило 16 175 человек^{644 645}.

Энтузиазм австралийцев в англо-бурской войне был воспринят в Лондоне с большой благодарностью и уважением, что укрепило лояльное отношение руководства империи к готовящемуся союзу автономий, которые показали себя не бременем, а истинными союзниками Британии⁶⁴⁶.

⁶⁴² Norris R. The emergent Commonwealth: Australian federation, expectations and fulfillment: 1889-1910. Melbourne University Press, 1975. P. 28.

⁶⁴³ Evening News. 19 December 1899. P. 6.

⁶⁴⁴ Grey J. A military history of Australia. New York, 2008. P. 58.

⁶⁴⁵ Стоит отметить, что участие австралийцев в англо-бурской войне также вызвало и негативную реакцию, в том числе среди самих добровольцев, прибывших в Южную Африку к моменту перехода войны в стадию партизанской борьбы и подавления гражданского населения. Разочарование вызывал и более затяжной, чем ожидалось, ход военных действий.

⁶⁴⁶ Coghlan T.A., Ewing T. T. The progress of Australasia in the nineteenth century. London, 1903. P. 435.

В 1900 г. проект конституции был направлен в Лондон для утверждения имперским парламентом. Делегаты от автономий получили наказ «обеспечить прохождение законопроекта без внесения в него каких бы то ни было изменений»⁶⁴⁷. Вопрос о том, удастся ли сохранить с таким трудом согласованный законопроект, фактически зависел от того, сумеют ли австралийцы найти общий язык с находившимся на вершине влияния министром колоний Дж. Чемберленом. Согласно воспоминаниям Дикина, колонисты столкнулись с таким приемом со стороны министра, «словно они были послами иностранных государств, а он – единственным представителем своей страны»⁶⁴⁸. При этом, по словам того же Дикина, Чемберлен доминировал во всех аспектах, пользуясь практически единодушной поддержкой парламента и общественности, регулируя даже то, кто из делегатов, когда и о чем будет говорить. Положение представителей Австралии в Лондоне осложнялось еще и тем, что все, кроме одного, генеральные агенты колоний стремились не допустить исполнения федералистских замыслов⁶⁴⁹.

Для самого Чемберлена не все положения конституционного билля отвечали задачам укрепления имперских связей и обеспечения тесного продуктивного взаимодействия метрополии и Австралии. К примеру, одним из камней преткновения стало положение в проекте конституции об отмене апелляций в королевский Тайный совет в случаях, которые касаются исключительно внутренних дел будущего союза. Таким образом, Верховный суд Австралии должен был стать высшей судебной инстанцией для подобных разбирательств. С точки зрения Чемберлена, эта мера способствовала бы дезинтеграции империи. В ходе дебатов компромисс в данном вопросе все же

⁶⁴⁷ Deakin A. *Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900)*. / Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. P. 137.

⁶⁴⁸ Ibid. P. 136.

⁶⁴⁹ Ibid. P. 141.

был найден путем разграничения полномочий австралийского судопроизводства и Тайного совета. Было установлено, что по делам, входящим в полномочия федерации и штатов или связанным с коллизиями между последними, апелляции в Тайный совет подаваться не должны, если иное не постановлено Верховным судом Австралии⁶⁵⁰.

Дополнительные трудности на пути одобрения билля исходили и от самих делегатов. Так, Западная Австралия старалась обеспечить более выгодные условия вступления в союз, добиваясь от имперского правительства согласия на преимущества, которые не удалось получить в ходе разработки конституции. Она предлагала внести поправку, позволявшую ей на пять лет сохранить в полном объеме пошлины для торговли с другими автономиями. Эта идея хотя и встретила понимание представителей остальных колоний, но была отклонена⁶⁵¹. Западной Австралии оставалось два варианта дальнейших действий: остаться в стороне или присоединиться к союзу на ранее согласованных условиях. В связи с этим в 1900 г. там наконец состоялся референдум, где почти 70% проголосовавших одобрили проект⁶⁵².

В итоге длительных дискуссий Билль был утвержден. Первого января 1901 г., в первый день XX столетия, «пробуждение новейшей из наций, «Спящей красавицы» среди континентов, радостно приветствовали во всех концах мира»⁶⁵³. Открывая первое заседание федерального парламента, представитель протекционистской партии из Квинсленда и бывший ссыльный каторжник Уильям Грум провозгласил, что сейчас пишется новая страница

⁶⁵⁰ McMinn W.G. A constitutional history of Australia. Melbourne: Oxford University Press, 1979. P. 118.

⁶⁵¹ Ibidem.

⁶⁵² Малаховский К.В. История Австралийского Союза. М., 1971. С. 176.

⁶⁵³ Rowland P.F. The new nation. A sketch of the social, political, and economic conditions and prospects of the Australian commonwealth. London, 1903. P. VII.

истории, и наконец пришла пора подняться над провинциализмом, присущим правительствам отдельных автономий⁶⁵⁴.

Федералисты стремились создать государство-нацию, поэтому как правило между ними и носителями национальных идей можно ставить знак равенства. Они совпадали в своих целях, а потому поддерживали и усиливали друг друга. Если бы не подъем национального самосознания, колонии вряд ли преодолели бы тогда свои разногласия. Колониальный национализм стал идеологической базой создания союзного государства в Австралии⁶⁵⁵. Более того, вера в моральное превосходство австралийской нации помогала обосновывать ей и собственные имперские притязания⁶⁵⁶. Преодолев тенденцию к «самоизоляции», автономии реализовали свои амбиции, воплотив их в движение за политическое объединение континента.

В последней трети XIX в. федералистское движение, постепенно набирая силу, перешло из области отдельных умозрительных проектов в сферу реальной политики. Имперская и австралийская федерации виделись теми шагами, которые смогут обеспечить не просто сохранение достигнутых успехов, но дальнейший прогресс и процветание англосаксонской расы и австралийской нации. По сути, эти планы являлись альтернативными вариантами будущего развития Австралии. Свою роль в том, какой из них будет претворен в жизнь, сыграли сложности согласования позиции имперских и местных властей, руководствовавшихся разными мотивами и преследовавших разные цели. Встретив препятствия на пути воплощения идеи

⁶⁵⁴ Groom W. Opening speech in the Federal Parliament (1901) // Kemp R., Stanton M.

Speaking for Australia. Parliamentary Speeches that Shaped the Nation. Sydney, 2004. P. 3.

⁶⁵⁵ Eddy J. The Crisis of Empire and Colonial Nationalism // The German empire and Britain's Pacific Dominions, 1871-1919: essays on the role of Australia and New Zealand in world politics in the age of imperialism / Ed. by Moses J. A., Pugsley C. Claremont, 2000. P. 241.

⁶⁵⁶ White R. Inventing Australia: images and identity, 1688-1980. Sydney; Boston: Allen & Unwin, 1981. P. 65.

имперского союза, империалисты сосредоточились на оказании всестороннего содействия политическому объединению австралийских автономий. Этому способствовало широко распространенное представление о «колониальной» федерации как о первом, более легком шаге к федерации имперской. В свою очередь, общественные и политические организации, такие, например, как Лига имперской федерации, Ассоциация уроженцев Австралии и Федеральная лига, выражали всестороннюю поддержку планам австралийской федерации. Это позволило обеспечить благоприятный информационный фон, сформировать повестку дня и простимулировало власти двигаться в данном направлении. В итоге, значительная часть населения континента одобрила проект федерации. Именно идея национального единства стала тем «цементом», позволившим федералистам говорить о глубинном родстве и общей судьбе европейского населения пятого континента, которому, как предсказывалось, было суждено создать более прогрессивную цивилизацию и достичь величия, в Британской империи или без нее.

Заключение

Идея нации как политического и социокультурного феномена в Австралии возникла как результат нациестроительства, во главе которого стояли лидеры общественной жизни автономий, поддерживаемые организациями, ставившими своей целью содействие союзу колоний. Формирование австралийского национализма происходило, с одной стороны, под влиянием британской культурной традиции в целом и идеологии нового империализма в частности. С другой стороны, свой отпечаток наложили особенности заселения и развития австралийских автономий. В значительной степени гомогенное население колоний стремилось преодолеть каторжное наследие и добиться для себя качества жизни, сопоставимого и даже превосходящего метрополию, создать новое, более прогрессивное, на их взгляд, общество.

Активное экономическое и социально-политическое развитие британских владений на пятом континенте во второй половине XIX в. дало повод говорить о «взрослении» колоний. Теперь они были способны не только обеспечивать собственные потребности, но даже претендовать на партнерство с метрополией, предлагая ей поддержку в самых важных вопросах, прежде всего связанных с созданием системы имперской обороны и соучастием в британской внешней политике.

Формировавшаяся в Великобритании концепция «нового империализма» в полной мере соответствовала этому представлению колоний о своей возросшей роли и перспективах более тесного сотрудничества с метрополией. Последняя нуждалась в поддержке автономий для сохранения собственного мирового лидерства на фоне ужесточения конкуренции со стороны великих держав.

Обе концепции – «нового империализма» и австралийского национализма – содержали в своей основе ключевое понятие идентичности – имперской (англосаксонской) и австралийской. Без первой появление второй

в известном нам виде и к тому же столь быстро представляется едва ли возможным. Когда идея о том, что австралийцы являются новой самостоятельной нацией, проникла в общественное сознание, естественным образом этому начали «находиться» подтверждения как во внешнем облике, так и в характерных чертах внутреннего мира белых жителей континента. При этом описания «типичных» или «настоящих» австралийцев отталкивались в первую очередь от представления о британцах, подчеркивая, с одной стороны, их общность, а с другой – «неоспоримые» отличия и преимущества австралийской ветви англосаксонской расы над всеми прочими. Отражая связь двух идеологий, само представление о том, что значит быть австралийцем, вобрало в себя как основные черты «британскости», так и особенности, характерные исключительно для Австралии.

Органическая связь идеи австралийской нации с концепцией «нового империализма» находила выражение в стремлении к укреплению единства англосаксонских народов. Это, однако, не исключало определенных противоречий между Великобританией и ее автономиями. Провозглашая себя самостоятельным сообществом в составе англосаксонской расы, жители Австралии пытались преодолеть ограничения, вызванные политикой метрополии, мешавшей им достигать собственных целей регионального развития. Опыт взаимодействия с Великобританией убеждал австралийцев в том, что они могли добиться выгодного для себя положения только совместными усилиями. Таким образом, «новый империализм» в Австралии выражался в форме как имперского патриотизма, так и австралийского национализма. Причем последний также облакался в имперскую идею, поскольку и имперские патриоты, и австралийские националисты, совпадая в своих основных устремлениях, подразумевали объединение автономий в качестве инструмента трансформации империи.

Представление о суверенитете, присущем, по утверждению современников, каждой «настоящей» нации, помогало австралийцам обосновывать претензии на политическую власть как внутри Австралии, так и

за ее пределами. Первое предполагалось достичь путем формирования сначала ответственных правительств, а затем и австралийской федерации, а второе – аннексией соседних территорий и попытками влияния на внешнюю политику Великобритании. Крайними выражениями подобных устремлений были две идеи. Одна из них подразумевала абсолютную независимость австралийских автономий от Лондона. Сторонники другой говорили о будущем появлении Австралийской империи, полностью контролирующей южную часть Тихого океана и остающейся при этом под властью короны. Однако такие прогнозы никогда не становились достаточно популярными для сколь-нибудь успешного продвижения в столь радикальном направлении.

Тенденция к постепенному росту самостоятельности автономий и их усиливавшееся стремление к тесному сотрудничеству с метрополией развивались в неразрывной связи друг с другом. Первоначальная убежденность австралийцев в своей изолированности от британских проблем сменилась осознанием острой необходимости всестороннего взаимодействия. Этому способствовал как научно-технический прогресс, благодаря чему колонии включались в общеимперскую и мировую инфраструктуру и все более оперативно могли общаться между собой и с метрополией, так и все повышавшийся интерес великих держав к региону, стратегическое значение которого постоянно возрастало. На этом фоне развилось новое идейное направление – федералистское, с готовностью воспринятое в автономиях, где для него возникала благодатная почва. При этом оно представлялось в двух сосуществующих вариантах – имперской и австралийской федераций. И та, и другая совпадали в своем видении будущего Австралии как значимой военно-политической и экономической силы, по существу усматривая в империализме форму выражения австралийского национализма. Те задачи, которые автономии ставили перед собой – обеспечение безопасности, контроль над регионом и регулирование миграционных процессов – могли быть эффективно решены только в тесном сотрудничестве с Лондоном, стимулируя дальнейшее развитие представлений как о необходимости

повышения роли автономий в империи, так и о важности трансформации имперских отношений.

Имперские власти, с одной стороны, были несколько насторожены изменениями в отношениях с автономиями, и не спешили с решениями (в том числе и по причине слабой осведомленности о происходящем в Австралии). Тем не менее, часть британской политической элиты понимала, что для сохранения лидерства империи в мире колонии должны стать партнерами, сильными представителями Лондона в разных частях света. Идея имперской федерации в последней трети XIX в. оказалась слишком сложна в реализации, поскольку требовала кардинальной перестройки системы управления огромной империей, что осложнялось отсутствием единого плана действий. В то же время союз автономий представлялся предваряющим создание более глобальной федерации, к тому же этот шаг считался гораздо более легким для воплощения в жизнь. Одобрение имперскими властями планов создания союза географически близких автономий стало еще одним фактором, способствовавшим движению австралийских колоний навстречу друг другу. В итоге, несмотря на то, что они были сравнительно слабо связаны между собой, а их политики нередко не желали «делиться» полномочиями и всячески противодействовали друг другу, идея неразрывных уз и общей судьбы стала идеальным мотивом и катализатором создания Австралийского Союза.

В результате роста общественного интереса к проблеме политического единства движение в поддержку австралийской федерации стало обгонять движение за имперскую федерацию. И если до 1890-х годов они оба находились на стадии обсуждения индивидуальных планов и предложений, то в последнее десятилетие XIX в. австралийская федерация стала предметом межколониальных конференций, разрабатывавших конкретные проекты конституции будущего Австралийского Союза. Этому способствовал и рост демократизма, свойственного австралийскому обществу. Привлечение максимально широких масс к дебатам и итоговому голосованию на

референдумах обеспечило постоянное присутствие этого вопроса в политической повестке дня и, в конце концов, его решение.

В последней трети XIX в. пребывание Австралии в рамках Британской империи, долгое время являвшееся само собой разумеющимся, постепенно становилось осознанным выбором, продиктованным множеством факторов. Потребности развития, как казалось, наиболее эффективно могли быть удовлетворены именно в рамках союза с метрополией, поддержанного не просто соображениями взаимной выгоды, но и идеями «кровного» родства и неразрывных духовных связей, что должно было обеспечить великое будущее как империи, так и всех ее составных частей. Сами же австралийцы за последнюю треть XIX в. проделали путь от представления о себе как о жителях отдельных колоний – квинслендцах, тасманийцах и т.д. – до восприятия себя в качестве единой нации. А «новый империализм», подчеркивая глубинную и неразрывную связь всех представителей англосаксонской расы, способствовал сплочению колоний и содействовал их политическому объединению на основе идей австралийского национализма.

Список использованных источников и литературы

Источники

Законодательные акты

1. The Colonial Naval Defence Act, 1865 [Электронный ресурс]. Режим доступа:
http://www.nzlii.org/nz/legis/imp_act_1881/cnda186528a29vc14242/ [Дата обращения: 01.11.2018]
2. The Colonial Laws Validity Act, 1865 [Электронный ресурс]. Режим доступа:
https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1865/63/pdfs/ukpga_18650063_en.pdf [Дата обращения: 10.09.2018]

Парламентские материалы

1. Official record of the debates of the Legislative Assembly and Legislative Council during the second session of the ninth parliament. – Brisbane, 1884. – Vol. XLII.
 2. Official record of the debates of the Legislative Assembly and Legislative Council during the sixth session of the eighth parliament. – Brisbane, 1883. – Vol. XXXIX.
 3. Parliamentary debates. New South Wales. Legislative Council and Legislative Assembly. [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.parliament.nsw.gov.au/hansard/Pages/hansard-house-paper-overview.aspx> [Дата обращения: 01.03.2020]
 4. Parliamentary debates. Victoria. Session 1891. Legislative Council and Legislative Assembly. – Melbourne, 1891. – Vol. LXVI.
- Стенографические отчеты межколониальных и имперских конференций*
5. Official record of the proceedings and debates of the Australasian Federation Conference, 1890, held in the Parliament House, Melbourne. – Melbourne, 1890. – 464 p.

6. Official Report of the Federation Conference held in the Courthouse, Corowa 1893 / Prepared from: Official Report of the Federation Conference Held in the Court-House, Corowa, on Monday, 31st July, and Tuesday, 1st August, 1893. Corowa, 1893. – Sydney: University of Sydney Library, 2001. – 70 p.
7. Official report of the National Australasian Convention Debates. In 4 vol. - Adelaide, Sydney, Melbourne, 1897-1898. – 4 Volumes.
8. Proceedings of a conference between the Secretary of State for the Colonies, and the Premiers of the self-governing colonies, at Colonial Office, London, June and July 1897. – London, 1897. – 20 p.
9. The Imperial conference of 1887, with a preface. – London, 1887. – 32 p.
Материалы международных и межколониальных выставок
10. Report of the Executive Commissioners for the Centennial International Exhibition of 1888, together with an account of income and expenditure. – Melbourne, 1891. – 11 p.
11. Centennial International Exhibition. Official Record of the Centennial International Exhibition, Melbourne, 1888-1889. – Melbourne: Sands & McDougall, 1890. – 1132 p.
12. Ingram J.S. The Centennial Exposition, described and illustrated / J.S. Ingram. – Philadelphia, 1876. – 770 p.
Статистические материалы
13. Hayter H.H. Victorian Year Book for 1889-90. / H.H. Hayter. – In 2 Vol. – Melbourne, 1890. – Vol. 2.
14. Historical and Colonial Census Data Archive – HCCDA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hccda.ada.edu.au/> [Дата обращения: 05.05.2016]
15. Koghlan T.A. A Statistical Account of the Seven Colonies of Australasia, 1899-1900 / T.A. Koghlan. – Sydney, 1900. – 836 p.

16. Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Containing Authoritative Statistics for the period 1901-1907 and Corrected Statistics for the period 1788 to 1900. No. 1. – Melbourne, 1908. – 931 p.
17. Statistics of the colony of Victoria for the year 1854. – Melbourne, 1855. – 56 p.
18. The Statesman's Year-Book. Statistical and historical annual of the states of the world for the year 1899. / Ed. by J. S. Keltie, I.P.A. Renwick. – London, 1899. – 1196 p.

Публицистические издания

19. Deakin A. Federal Council. / A. Deakin. - Prepared from the print article published in Review of Reviews. – February 20, 1895. – Pages 154-159. – Sydney: University of Sydney Library, 2000. – 14 p.
20. Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880-1900) / A. Deakin. – Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. – Sydney: University of Sydney Library, 2000. – 175 p.
21. Deakin A. Imperial Federation. An Address delivered by the Hon. Alfred Deakin, M.P. at the Annual Meeting of the Imperial Federation League of Victoria, Town Hall, Melbourne, June 14, 1905 / A. Deakin. – Melbourne, 1905. – 25 p.
22. Dilke Ch. W. Greater Britain: A Record of Travel in English-Speaking Countries during 1866 and 1867. / Ch.W. Dilke. – New York, 1869. – 561 p.
23. Froude J.A. Oceana or England and her colonies / J.A. Froude. – Leipzig, 1887. – 350 p.
24. Griffith S.W. Some Conditions of Australian Federation. Presidential Address (Delivered 11th June, 1896) / S.W. Griffith. – Prepared from the print edition published in Brisbane, 1896. – Sydney: University of Sydney Library, 2001. – 23 p.
25. Imperial Federation League. Expression of opinions on Imperial Federation, by public men at home and in the colonies. – London, 1885. – 16 p.

26. Kidd B. Social evolution / B. Kidd. – New York, London. 1894. – 348 p.
27. Lang G.D. Freedom and Independence for the Golden Lands of Australia; the right of the colonies, and the interest of Britain and of the world / G.D. Lang. – London, 1852. – 339 p.
28. Lawson H. United Division. Published in The Republican 7 January 1888.
[Электронный ресурс] Режим доступа:
<http://www.telelib.com/authors/L/LawsonHenry/prose/republican/uniteddivision.html> [Дата обращения: 15.04.2016]
29. Parkes H. Fifty years in making Australian history. In 2 Vol. / H. Parkes. – London, 1892. – Vol. 1-2.
30. Parkes H. Our growing Australian Empire / H. Parkes // The Nineteen century: a monthly review. – 1884. – Vol. 15, No 83. – P. 138-149.
31. Parkin G.R. Imperial federation: The problem of national unity / G.R. Parkin. – London, 1892. – 314 p.
32. Pearson Ch.H. National Life and Character: A Forecast / Ch.H. Pearson. – London and New York: Macmillan and Co., 1894. – 381 p.
33. Reid G.H. The Australian Premiers in England / G.H. Reid. – Prepared from the print article in Review of Reviews. – September 15, 1897. – P. 296-300. – Sydney: University of Sydney Library, 2001. – 19 p.
34. Reid G.H. The Outlook of Federation / G.H. Reid. – Prepared from the print article in Review of Reviews – January 20, 1897. – P. 33-39. – Sydney: University of Sydney Library, 2001. – 19 p.
35. Seeley J.R. The Expansion of England. Two courses of lectures / J.R. Seeley. – Boston, 1905. – 359 p.
36. Whitney W. M. Some Australian Characteristics / W.M. Whitney. - Prepared from the article published in Cosmos magazine. – January 31, 1899. – P. 4. – Sydney: University of Sydney Library, 2001. – 7 p.

Периодические издания

37. Adelaide Express. 22 August 1865.
38. Adelaide Observer. 12 June 1858, 20 July 1867, 23 July 1870, 25 June 1887.

39. Adelaide Times. 19 March 1855.
40. Advertiser. 2 August 1893, 15 February 1899.
41. Age. 1883-1898.
42. Argus. 1856-1900.
43. Armidale Chronicle. 9 April 1898.
44. Australasian. 30 April 1870, 2 April 1898.
45. Australasian Sketcher. 10 April 1880.
46. Australian News for Home Readers. 28 May 1867.
47. Australian Town and Country Journal. 21 April 1883, 25 June 1887.
48. Australian. 28 September 1839.
49. Barrier Miner. 19 April 1895.
50. Bendigo Advertiser. 27 July 1880.
51. Brisbane Courier. 1880-1895.
52. Bulletin. 1881, 1887, 1888.
53. Capricornian. 17 January 1885, 5 March 1898.
54. Colonial Times. 21 April 1846, 20 September 1855.
55. Colonist. 28 June 1890.
56. Corowa Free Press. 4 August 1893.
57. Daily Northern Argus. 5 May 1890.
58. Daily Telegraph. 21 June 1887, 28 November 1887, 4 May 1888, 3 August 1893, 4 August 1893, 6 February 1895, 30 March 1898, 21 June 1899.
59. Darling Downs Gazette. 17 November 1884.
60. Darling Downs Gazette and General Advertiser. 19 August 1871.
61. Devon Herald. 10 April 1878.
62. Dungog Chronicle: Durham and Gloucester Advertiser. 5 October 1894.
63. Empire. 26 April 1855, 26 August 1858, 25 June 1867.
64. Evening Journal. 14 November 1884.
65. Evening News. 26 January 1870, 14, 23 April 1883, 5 May 1883, 6 June 1885, 2, 20 January 1890, 14 May 1895, 3 July 1897, 19 December 1899.
66. Express and Telegraph. 20 July 1874, 26 June 1878.

67. Freeman's Journal. 10 April 1886.
68. Geelong Advertiser. 11 May 1859, 15 May 1878, 31 July 1883, 13 August 1886, 7 June 1895.
69. Geraldton Advertiser. 5 January 1900.
70. Hamilton Spectator. 27 May 1880.
71. Herald. 3 June 1878, 22 July 1878, 28 September 1878, 15 November 1884, 20 April 1886, 7 February 1895.
72. Imperial Federation. The Journal of the Imperial Federation League. Vol. I-III, V. January to December, 1886-1888, 1890.
73. Inquirer and Commercial News. 22 November 1889.
74. Inquirer. 17 January 1844.
75. Kerang Times and Swan Hill Gazette. 12 June 1885.
76. Kiama Independent, and Shoalhaven Advertiser. 25 August 1870, 12 November 1895.
77. Launceston Examiner. 2 March 1850, 24 December 1895, 27 May 1898.
78. Leader. 8 April 1871, 24 April 1880, 27 September 1884, 7 May 1887, 31 August 1895.
79. Maitland Daily Mercury. 14 February 1898.
80. Maitland Mercury and Hunter River General Advertiser. 3 October 1846.
81. Mercury and Weekly Courier. 1 July 1887.
82. Mercury. 15 April 1886.
83. Moreton Bay Courier. 25 September 1858.
84. Narracoorte Herald. 19 May 1885.
85. National Advocate. 6 January 1898.
86. Nelson Evening Mail. Volume XXI, Issue 159, 7 July 1887.
87. Northern Argus. 19 April 1873.
88. Northern Star. 08 April 1882.
89. Port Philip Gazette and Settler's Journal. 26 March 1850.
90. Queanbeyan Age. 16 May 1888.
91. Queensland Figaro and Punch. 7 May 1887.

92. Queenslander. 8 August 1868, 29 December 1877, 13 July 1878, 9 June 1883.
93. Rockhampton Bulletin and Central Queensland Advertiser. 6 September 1870.
94. South Australian Advertiser. 27 April 1869, 1 December 1873, 26 November 1880, 27 January 1888.
95. South Australian Chronicle and Weekly Mail. 16 April 1870.
96. South Australian Gazette and Colonial Register. 11 November 1837.
97. South Australian Register. 1 November 1867, 26 June 1871, 19 August 1880, 30 September 1880, 29 October 1883, 6 June 1885, 26 January 1888, 30 January 1895.
98. Sunday Times. 2 January, 21 August 1898.
99. Sydney Mail and New South Wales Advertiser. 30 November 1878, 30 October 1880.
100. Sydney Morning Herald. 1854-1897.
101. Tasmanian. 9 February 1895.
102. Tasmanian Times. 23 January 1868, 16 February 1870.
103. Tasmanian Tribune. 24 June 1875.
104. Telegraph. 16 August, 22 November 1883, 8 February 1890.
105. Telegraph, St Kilda, Prahran and South Yarra Guardian. 19 September 1885.
106. Toowoomba Chronicle and Darling Downs General Advertiser. 6 February 1877.
107. Truth. 21 February 1897.
108. Wagga Wagga Advertiser. 5 June 1888.
109. Wallaroo Times and Mining Journal. 4 May 1870.
110. Warwick Argus. 20 January 1880, 6 May 1890.
111. Weekly Times. 13 June 1885.
112. Western Mail. 28 January 1888, 9 July 1897.

Сборники документов

113. A source book of Australian history / Comp. by G.H. Swinburne – London, G. Bell and Sons, Ltd. 1919. – 211 p.
114. Australia speaks: an anthology of Australian speeches / Ed. by A.L. McLeod. – Sydney, 1969. – 213 p.
115. Australian nationalism: a documentary history / Alomes S., Jones C. – North Ryde: Collins/Angus & Robertson, 1991. – 464 p.
116. Documents on Australian International Affairs, 1901-1918 / Ed. by G. Greenwood, Ch. Grimshaw. - Melbourne, 1977. – 779 p.
117. Modern Australia in Documents. In 2 Vol. / Ed. by F.K. Crowley. - Melbourne, 1973. – Vol. 1. 1901-1939.
118. Select documents in Australian history. / Clark C.M.H. – Sydney, 1950-1955. – Vol. 2.
119. Speaking for Australia. Parliamentary Speeches that Shaped the Nation. / Ed. by R. Kemp, M. Stanton – Sydney, 2004. – 335 p.
120. Speeches and documents on New Zealand History / W. D. McIntyre, W. J. Gardner. – Oxford: Clarendon Press, 1971. – 489 p.

Художественная литература

121. Генри Лоусон. Рассказы. Катарина Сусанна Причард. Девяностые годы. / Перевод с английского. Сост. А. Петриковская. – М. : Художественная литература, 1976. – 687 с.
122. Mackey K. The Yellow Wave: A Romance of the Asiatic Invasion of Australia / K. Mackey. – London, 1895. – 435 p.

Исследования

1. Гелла Т. Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX - начале XX веков / Т. Н. Гелла. – Орел: Орловский гос. ун-т, 2009. – 170 с.
2. Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.) / В. В. Грудзинский. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. – 310 с.
3. Дронова Н.В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70е гг. XIX в.). / Н. В. Дронова. – Тамбов: ТГУ, 1998. – 179 с.
4. Каневская Г. И. Иммиграционная политика в австралийских колониях Великобритании в XIX в. / Г.И. Каневская // Россия и АТР. – 2013. - №1. – С. 142-147.
5. Каневская Г.И. «Заселить или погибнуть». Иммиграционная политика Австралии (XIX -начало XXI веков) / Г. И. Каневская. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2017. – 94 с.
6. Каневская Г.И. Роль межколониальных конференций 60-70-х гг. XIX века в развитии федеративного движения в Австралии /Г.И. Каневская // XIX научная конференция по изучению Австралии и Океании. Тезисы докладов. Ч. I. – М., 1988. – С. 58-64.
7. Кропачевский Д.А. Австралия и австралийцы: этнографические очерки (В Океании) / Д.А. Кропачевский – М., 1889. – 65 с.
8. Крюков Н.А. Австралия. Сельское хозяйство в Австралии в связи с общим развитием страны / Н.А. Крюков – М., 1906. – 648 с.
9. Малаховский К.В. История Австралии / К. В. Малаховский. – М. : Наука, 1980. – 400 с.
10. Малаховский К.В. История Австралийского Союза / К. В. Малаховский. – М. : Наука, 1971. – 371 с.

11. Массов А.Я. «Охота на черных дроздов» на побережье Новой Гвинеи в 1883-1884 годах / Массов А.Я. // Проблемы истории Океании. Сборник научных трудов. – Иркутск, 1987. – С. 46-52.
12. Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX века. / А. Я. Массов. – СПб., 1998. – 238 с.
13. Массов А.Я. Эволюция отношения белых жителей Австралии к России и русским (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А.Я. Массов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. - 2012. - № 8. - С. 36-44.
14. Массов А.Я. Андреевский флаг под Южным Крестом: (Из истории русско-австралийских связей первой трети XIX века) / А. Я. Массов. – СПб.: Изд. центр Мор. техн. ун-та, 1995. – 126 с.
15. Мижуев П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии / П.Г. Мижуев. – СПб: Брокгауз-Ефрон, 1902. – 215 с.
16. Мижуев П.Г. Счастливая Австралия. Социальное законодательство Австралии и его результаты / П. Г. Мижуев. – 2-е изд. – Пг : Т-во А. Ф. Маркс, 1918. – 220 с.
17. Петриковская А.С. Культура Австралии: XIX - XX века / А. С. Петриковская. – М. : Вост. лит. РАН, 2007. – 253 с.
18. Пучков П.И. Этническое развитие Австралии/ П. И. Пучков. – М. : Наука, 1987. – 196 с.
19. Рудницкий А.Ю. Проблема предоставления австралийским колониям самоуправления и исторические взгляды Мэннинга Кларка / А.Ю. Рудницкий // Актуальные проблемы развития Австралии и Океании. – М., 1984. – С. 73-87.
20. Рудницкий А. Ю. Двести лет австралийской истории: Концепции национального развития / А. Ю. Рудницкий. – М. : Наука, 1987. – 221 с.
21. Скоробогатых Н.С. Вехи конституционного пути Австралии (1788-2000 гг.) / Н.С. Скоробогатых. – М. : ИВ РАН. - 240 с.

- 22.Скоробогатых Н.С. Политическая борьба в Австралии по проблемам взаимоотношений с Великобританией на рубеже XIX –XX вв. / Н.С. Скоробогатых // Вестник МГУ, серия 8: История. – 1987. - №6. - С. 26-36.
- 23.Allin C. D. Proposals for the Neutrality of the British Colonies / C.D. Allin // Political Science Quarterly. – 1922. – Vol. 37, No. 3. – P. 415-439.
- 24.Arnstein W.L. Queen Victoria / W.L. Arnstein. – New York, 2003. – 254 p.
- 25.Arnstein W.L. Queen Victoria's Diamond Jubilee / W.L. Arnstein // The American Scholar. – 1997. – Vol. 66, No. 4. – P. 591-597.
- 26.Australia's Empire / Ed. by D. Schreuder, S. Ward. – Oxford University Press, 2008. – 440 p.
- 27.Birrell B. Federation: The Secret Story / B. Birrell. – Sydney, 2001. – 364 p.
- 28.Blackburn K. Imagining Aboriginal Nations: Early Nineteenth Century Evangelicals on the Australian Frontier and the «Nation» Concept / K. Blackburn // Australian Journal of Politics and History. – 2002. – Vol. 48, No 2. – P. 174-192.
- 29.Blackburn K. Mapping Aboriginal nations: the 'nation' concept of late nineteenth century anthropologists in Australia / K. Blackburn // Aboriginal History. – 2002. – Vol. 26. – P. 131-158.
- 30.Blainey G. The Tyranny of Distance: How Distance Shaped Australia's History / G. Blainey. – Melbourne, 1966. – 365 p.
- 31.Burgess M.D. Lord Rosebery and the Imperial Federation League, 1884-1893 / M.D. Burgess // The New Zealand Journal of History. – 1979. – Vol. 13, №. 2. – P. 165-181.
- 32.Butlin N.G. Investment in Australian Economic Development, 1861-1900 / N.G. Butlin. – Cambridge University Press, 1964. – 477 p.
- 33.Clark C.M.H. A history of Australia. In 6 Volumes / C.M.H. Clark. – Melbourne University Press; London, New York, Cambridge University Press, 1963-1987. – Vol. 5.

34. Clark C.M.H. A short history of Australia / C.M.H. Clark. – Ringwood, 1986. – 260 p.
35. Cockburn J. A. Australian Federation / J. Cockburn. – London, 1901. – 250 p.
36. Coghlan T.A., Ewing T. T. The progress of Australasia in the nineteenth century / T.A. Coghlan, T. T. Ewing. – London, 1903. – 468 p.
37. Connors J. Royal visits to Australia / J. Connors. – Canberra: National Library of Australia, 2015. – 221 p.
38. Cramp K.R. The state and federal constitutions of Australia / K.R. Cramp. – Sydney, 1913. – 310 p.
39. Eddy J. The Crisis of Empire and Colonial Nationalism / J. Eddy // The German empire and Britain's Pacific Dominions, 1871-1919: essays on the role of Australia and New Zealand in world politics in the age of imperialism / Ed. by J. A. Moses, C. Pugsley. – Claremont, 2000. – P. 239-250.
40. Evans N. «A World Empire, Sea-Girt»: The British Empire, State and Nations, 1780–1914 / N. Evans // Nationalizing Empires. / Ed. by S. Berger, A. Miller. – Budapest, New York: Central European University Press, 2015. – P. 31-98.
41. Ferguson N. Empire: How Britain made the modern world / N. Ferguson. London; New York: Allen Lane, 2003. – 417 p.
42. Fitzpatrick B. British imperialism and Australia. 1783-1833. An economic history of Australasia / With an introduction by H.V. Evatt. – Reprint / B. Fitzpatrick. – Sydney: Sydney University press, 1971. – 396 p.
43. Fitzpatrick B. The British Empire in Australia; An Economic History, 1834–1939 / B. Fitzpatrick. – Melbourne : Macmillan of Australia, 1969. – 455 c.
44. Fraser J.F. Australia: the making of a nation / J.F. Fraser. – London, Toronto, New York and Melbourne, 1911. – 299 p.
45. Garran R. The Coming Commonwealth. An Australian Handbook of Federal Government / R. Garran. – London, 1897. – 192 p.

46. Gollan R. Nationalism and Politics in Australia before 1855 / R. Gollan // The Australian Journal of Politics and History. – 1955. – Vol. 1, Issue 1. – P. 38–48.
47. Gordon D.C. The Dominion Partnership in Imperial Defense, 1870-1914 / D.C. Gordon. – Baltimore, 1965. – 315 p.
48. Grey J. A military history of Australia / J. Grey. – New York, 2008. – 334 p.
49. Griffiths A. The New Journalism: the New Imperialism and the Fiction of Empire, 1870 – 1900 / A. Griffiths. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 241 p.
50. Harper M., Stephen C. Migration and Empire / M. Harper, C. Stephen. - Oxford: Oxford University Press, 2010. – 380 p.
51. Hodgins B.W., Wright D., Heick W.H. Federalism in Canada and Australia: The Early Years / Ed. by B.W. Hodgins, D. Wright, W. H. Heick. – Waterloo, 1978. – 318 p.
52. Hoffenberg P.H. An Empire on Display: English, Indian and Australian Exhibitions from the Crystal Palace to the Great War / P.H. Hoffenberg. – University of California Press, 2001. – 445 p.
53. Inglis K.S. The Imperial Connection: Telegraphic Communication between England and Australia, 1872-1902 / K.S. Inglis // Australia and Britain: Studies in a Changing Relationships / Ed. by A.F. Madden, W.H. Morris-Jones. – Sydney, 1980. – P. 20-36.
54. James L. The Rise and Fall of the British Empire / L. James. – London, 1998. – 744 p.
55. Jenks E. A history of the Australasian colonies (from their foundation to the year 1911) / E. Jenks. – Cambridge, 1912. – 376 p.
56. Johnson J. The role of the Australian Natives' Association in the Federation of Australia. One Nation With One Destiny / J. Johnson. – Melbourne, 1984. – 32 p.

57. Jones B.T. Currency Culture: Australian Identity and Nationalism in New South Wales before the Gold Rushes / B.T. Jones // *Australian Historical Studies*. – 2017. – Vol. 48, Issue 1. – P. 68-85.
58. Jose A.W. History of Australasia from the earliest times to the present day, with a chapter on Australian literature / A.W. Jose. – Sydney, 1913. – 365 p.
59. Kapferer B., Morris B. The Australian Society of the State: Egalitarian Ideologies and New Directions in Exclusionary Practice / B. Kapferer, B. Morris // *Social Analysis: The International Journal of Anthropology*. – 2003. – Vol. 47, No. 3. – P. 80-107.
60. La Nauze J. A. Alfred Deakin: a biography. In 2 Volumes / J. La Nauze. – Melbourne, 1965. – Vol. 1.
61. La Nauze J. A. The making of the Australian Constitution / J. La Nauze. – Melbourne, 1972. – 369 p.
62. Lee J. Anti-Chinese Legislation in Australasia / J. Lee // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1889. – Vol. 3, No. 2. – P. 218-224.
63. Mandle W.F. Sport / W.F. Mandle // *Australians and British: social and political connections*. Ed. by J.D.B. Miller. – Marrickville, 1987. – P. 140-157.
64. Mansfield B.C. The Origins of «White Australia» / B.C. Mansfield // *The Australian Quarterly*. – 1954. – Vol. 26, No. 4. – P. 61-68.
65. McGregor R. The necessity of Britishness: ethno-cultural roots of Australian nationalism / R. McGregor // *Nations and Nationalism*. – 2006. – Vol. 12, Issue 3. – P. 493-511.
66. McLean D. The Prickly Pair: Making Nationalism in Australia and New Zealand / D. McLean. – Dunedin: University of Otago Press, 2003. – 326 p.
67. McMinn W.G. A constitutional history of Australia / W.G. McMinn. – Melbourne: Oxford University Press, 1979. – 213 p.
68. Meany N. Britishness and Australian identity: The problem of nationalism in Australian history and historiography / N. Meany // *Australian Historical Studies*. – 2001. – Vol. 32, Issue 116. – P. 76-90.

69. Megarrity L. «White Queensland»: The Queensland Government's Ideological Position on the Use of Pacific Island Labourers in the Sugar Sector 1880-1901 / L. Megarrity // Australian Journal of Politics and History. – 2006. – Vol. 52, No 1. – P. 1-12.
70. Moore W. The Constitution of The Commonwealth of Australia / W. Moore. – London, 1902. – 395 p.
71. Morgan C. Building better Britains?: settler societies within the British empire, 1783-1920 / C. Morgan. – University of Toronto Press, 2017. – 232 p.
72. Nadel G. Australian colonial culture: Ideas, men and Institutions in mid-nineteenth century / G. Nadel. – Melbourne, 1957. – 304 p.
73. Norris R. The emergent Commonwealth: Australian federation, expectations and fulfillment: 1889-1910 / R. Norris. – Melbourne University Press, 1975. – 273 p.
74. O'Lincoln T. The Neighbor from Hell: Two centuries of Australian Imperialism / T. O'Lincoln. – Brunswick: Interventions publishers, 2014. – 89 p.
75. Palmer V. The Legend of the Nineties / V. Palmer. – Melbourne: Melbourne University Press, 1954. – 175 p.
76. Partington G. The Australian Nation: Its British and Irish Roots / G. Partington. – Melbourne, 1994. – 348 p.
77. Peel M., Twomey C. A history of Australia. Second ed. / M. Peel, C. Twomey. – London, 2018. – 327 p.
78. Plunkett J. Queen Victoria: First Media Monarch / J. Plunkett. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 256 p.
79. Potter S.J. News and the British World: The Emergence of an Imperial Press System, 1876-1922 / S.J. Potter. – New York: Oxford University Press, 2003. – 264 p.

80. Powell G. A Diarist in the Cabinet: Lord Derby and the Australian Colonies, 1882-85 / G. Powell // Australian Journal of Politics and History. 2005. – Vol. 51, No 4. – P. 481-495.
81. Reed Ch. V. Royal tourists, colonial subjects and the making of a British world, 1860-1911 / Ch.V. Reed. - Manchester University Press, 2016. – 286 p.
82. Ross C. Prolonged Symptoms of Cultural Anxiety: The Persistence of Narratives of Asian Invasion within Multicultural Australia. / C. Ross // Journal of the Association for the Study of Australian Literature: JASAL. – 2006. – Vol. 5. – P. 86-99.
83. Rowland P.F. The new nation. A sketch of the social, political, and economic conditions and prospects of the Australian commonwealth. / P.F. Rowland. – London, 1903. – 324 p.
84. Saunders K. Workers in Bondage: The Origins and Bases of Unfree Labour in Queensland 1824-1916 / K. Saunders. – University of Queensland Press, 1982. – 213 p.
85. Scott E. A Short History of Australia / E. Scott. – London, New York, Toronto, Melbourne, Bombay and Madras, 1916. – 363 p.
86. Shields R.A. Australian Opinion and Defence of the Empire: A Study in Imperial Relations 1880-1890 / R.A. Shields // The Australian Journal of Politics and History. – 1964. – Vol. 10, Issue 1. – P. 41-53.
87. Spillman L.P. Nation and Commemoration. Creating National Identities in the United States and Australia / L.P. Spillman. – Cambridge University Press, 1997. – 252 p.
88. Sutherland A. Sutherland G. History of Australia from 1606 to 1888 / A. Sutherland, G. Sutherland. – Sydney, 1892. – 212 p.
89. The Cambridge History of the British Empire. / Ed. by E. Scott, J. Holland Rose, A. P. Newton, E.A. Benians. – Cambridge University Press, 1933. – Vol. 7, Part 1.

90. The Cambridge History of the British Empire. / Ed. by E.A. Benians, Sir J. Butler, C.E. Carrington. - Cambridge University Press, 1959. – Vol. 3.
91. The German empire and Britain's Pacific Dominions, 1871-1919: essays on the role of Australia and New Zealand in world politics in the age of imperialism / Ed. by J. A. Moses, C. Pugsley. – Claremont: Regina Books, 2000. – 576 p.
92. The Governors of New South Wales 1788-2010. / Ed. by Clune D., Turner K. – Sydney, 2009. – 666 p.
93. The Oxford History of the British Empire. Volume III: The Nineteenth Century. / Ed. by A. Porter – Oxford, New York, 1999. – 774 p.
94. Thompson R.C. Australian Imperialism in the Pacific. The expansionist era 1820-1920 / R.C. Thompson. – Carlton: Melbourne University Press, 1980. – 289 p.
95. Thomson R.P. A national history of Australia, New Zealand and the adjacent islands from their discovery to the centennial era and from that period to the present day / R.P. Thomson. – London, New York, 1917. – 423 p.
96. Trainor L. British Imperialism and Australian Nationalism: Manipulation, Conflict and Compromise in the Late Nineteenth Century / L. Trainor. – Cambridge University Press, 1994. – 234 p.
97. Tsokhas K. Making a Nation State. Cultural Identity, Economic Nationalism and Sexuality in Australian History / K. Tsokhas. – Melbourne University Press, 2001. – 376 p.
98. van Duinen J. Playing to the «imaginary grandstand»: sport, the «British world», and an Australian colonial identity / J. van Duinen // Journal of Global History. – 2013. – Vol. 8. – P.342-364.
99. Ward J.M. The State and the people: Australian Federation and nation-making 1870-1901 / J.M. Ward. – Leichhardt: Federation Press, 2001. – 150 p.
100. Ward R.B. The Australian Legend / R.B. Ward. – Sydney, 1965. – 262 p.

101. Ward R.B. The Australian Legend / R.B. Ward. - Melbourne: Oxford University Press, 1978. – 336 p.
102. Welsh F. Australia: a new history of the great southern land / F. Welsh. - Woodstock and New York, 2006. – 719 p.
103. White R. Inventing Australia: images and identity, 1688-1980 / R. White. - Sydney; Boston: Allen & Unwin, 1981. – 205 p.
104. Willard M. History of the White Australia policy to 1920 / M. Willard. - Melbourne, 1967. – 217 p.
105. Wise B.R. The making of the Australian Commonwealth 1889-1900, a stage in the growth of the Empire / B.R. Wise. - London, New York, Bombay, Calcutta, 1913. – 365 p.
106. Younger R.M. Australia and the Australians / R.M. Younger. - Richmond, 1982. – 986 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций

107. Каневская Г.И. История образования Австралийской федерации: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.03 / Г.И. Каневская - Ленинград, 1974. – 23 с.
108. Массов А.Я. Колониальная экспансия Австралии в Новой Гвинее в 1884-1941 гг.: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.03 / А.Я. Массов. – Ленинград, 1975. – 20 с.
109. Скоробогатых Н.С. Особенности формирования австралийского либерализма во второй половине XIX - начале XX вв.: Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.03. / Н.С. Скоробогатых. – М., 1987. – 285 с.
110. Choi C.Y. Chinese migration and settlement in Australia with special to the Chinese in Melbourne: A thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy. / C.Y. Choi. – Australian National University, 1971. – 383 p.

Справочные материалы

1. Официальный сайт Австралийской электоральной комиссии. Australian Electoral Commission. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://aec.gov.au/> [Дата обращения: 20.02.2018]
2. Официальный сайт Национального музея Австралии [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nma.gov.au/> [Дата обращения: 10.05.2019]
3. Официальный сайт организации музеев штата Виктория «Museums Victoria» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://museumsvictoria.com.au/> [Дата обращения: 10.05.2019]
4. Encyclopedia of Journalism. / Ed. by C. H. Sterling – Thousand Oaks, Calif.: SAGE, 2009. – 2343 с.
5. Mennel P. The dictionary of Australasian biography. Comprising notices of eminent colonists from the inauguration of responsible government down to the present time (1855-1892) / P. Mennel. – London, 1892. – 542 p.

Учебные пособия

1. Британская империя: становление, эволюция, распад. / Под ред. В.В. Высоковой. - Екатеринбург : Волот, 2010. – 193 с.
2. Скоробогатых Н.С. История Австралии: учебник / Скоробогатых Н. С. – М. : Институт стран Востока, 2011. – 240 с.